№ 2
2019

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ «МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Журнал зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций 11.09.2000 (свидетельство ПИ № ФС77–30539 от 20.12.2007)

ISSN 1811–1629

http://mirs.ropryal.ru/

THE SCHOLARLY AND METHODOLOGICAL JOURNAL "THE WORLD OF RUSSIAN WORD" (Mir russkogo slova)

Comes out quarterly

The journal is registered by the Russian Federation Ministry for Printing, TV and Radio Broadcasting, and Mass-Media Communications at September 11th, 2000 (certificate ПИ № ФС77-30539, date of issue December 20th, 2007)

ISSN 1811–1629

http://mirs.ropryal.ru/

Учредитель и издатель

Некоммерческое партнерство «Общество преподавателей русского языка и литературы»

Адрес редакции:
199106, г. Санкт-Петербург, Большой проспект В.О., д. 80, офис 809, БЦ «Сенатор»
e-mail: editor@ropryal.ru

Редакционный совет

Л. А. Вербицкая — *акад. РАО, д-р филол. наук, проф., Президент СПбГУ, Президент РОПРЯЛ, Президент МАПРЯЛ*
В. В. Воробьев — *д-р филол. наук, член-корр. РАЕН, проф., зав. каф., РУДН*
Л. П. Клобукова — *д-р пед. наук, проф., акад. МАНПО, зав. каф., МГУ им. М. В. Ломоносова*
Ю. Е. Прохоров — *д-р пед. наук, д-р филол. наук, проф., проф. СПбГУ*
В. М. Шаклеин — *д-р филол. наук, проф., член-корр. РАЕН, зав. каф., РУДН*
С. И. Богданов — *д-р филол. наук, проф., ректор, РГПУ им. А. И. Герцена*
М. Ю. Сидорова — *д-р филол. наук, проф., проф. МГУ им. М. В. Ломоносова*
С. Н. Голубев — *канд. филол. наук, Ген. директор ЗАО «Златоуст»*
И. Н. Сухих — *д-р филол. наук, проф., проф. СПбГУ*
И. З. Белобровцева — *д-р филол. наук, проф., проф. Таллинского ун-та*
К. А. Рогова (главный редактор) — *д-р филол. наук, проф., проф. СПбГУ*

Журнал включен в:

– Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (с 2007 года);

– Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и представлен в Научной электронной библиотеке;

– Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

The Founder and Publisher

The non-profit partnership "Association of Teachers of Russian Language and Literature" ("ROPRYAL")

Editorial board's address: of. 809, 80, Bolshoi pr. V. O., St. Petersburg, RU-199106, Russia
e-mail: editor@ropryal.ru

Editorial board

L. A. Verbitskaja
St. Petersburg State University, Russian Academy of Education
V. V. Vorobjov
Peoples' Friendship University of Russia
L. P. Klobukova
Lomonosov Moscow State University
Yu. E. Prokhorov
St. Petersburg State University
V. M. Shaklein
Peoples' Friendship University of Russia
S. I. Bogdanov
Herzen State Pedagogical University of Russia
M. Yu. Sidorova
Lomonosov Moscow State University
S. N. Golubev
Zlatoust Ltd. company
I. N. Sukhikh
St. Petersburg State University
I. Z. Belobrovceva
Tallinn University
K. A. Rogova — editor-in-chief
St. Petersburg State University

The journal is included into

– Russian Science Citation Index (RSCI), and is represented in Scientific Electronic Library (elibrary.ru);

– Scientific Electronic Library CyberLeninka.

Подписной индекс в каталоге Агентства «РОСПЕЧАТЬ» — 72396.

По вопросам подписки и доставки журнала за пределами СНГ обращайтесь к нашим дистрибьюторам:

ЗАО НПО «Информ-система»
117447, Россия, г. Москва, Севастопольский пр., 11А; тел. (495) 127-91-47; 129-78-22; факс (495) 124-99-38; info@informsystema.ru

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Россия, г. Москва, ул. Гиляровского, 39, тел. (495) 681-91-37; 681-97-63; 681-87-47; факс (495) 681-37-98; export@periodicals.ru

ООО «Информнаука»
125190, г. Москва, ул. Усиевича, 20; тел./факс (495) 152-54-81; тел. 155-43-42, 787-38-73; dla@viniti.ru

ООО «Агентство „Мир прессы"»
127015, г. Москва, а/я 2; тел./факс (495) 787-63-62; 787-34-15; mir_press@mail.ru

ЗАО «СВЕТС ИНФОРМЕЙШЕН СЕРВИС»
125252, г. Москва, ул. Куусинена, д. 216, Международный центр научной и технической информации; тел. +7 (499) 740-64-10, +7 (499) 198-70-41, +7 (909) 967 0413; info@ru.swets.com

ООО «Агентство „Артос-ГАЛ"»
тел. +7 (495) 788-39-88, +7 (812) 331-89-44

Некоммерческая общественная организация «Ассоциация выпускников советских и российских вузов из Сербии»
тел. +7 (495) 585-63-24

Некоммерческая общественная организация «Общество выпускников советских и российских вузов из Черногории»
тел. +7 (495) 585-63-24; ruskistudenticg@yahoo.com

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ЗАТРАТЫ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРОЕКТА ПОЛНОСТЬЮ ПОКРЫТЫ ЗА СЧЕТ ПОЖЕРТВОВАНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ФОНД РУССКИЙ МИР

№ 2
2019

В НОМЕРЕ CONTENTS

Главный редактор:
К. А. Рогова —
д-р филол. наук, проф., проф. СПбГУ

Над журналом работали:
Редактор:
Д. А. Щукина —
д-р филол. наук, проф., зав. каф., Горный ун-т
Вып. редактор:
М. С. Шишков —
канд. филол. наук, доц.

Корректор:
Н. В. Лутц
Перевод аннотаций:
А. Д. Степанов

Оригинал-макет:
М. С. Шишков

Тираж 500 экз.

Подписано в печать 23.09.2019
Отпечатано в типографии
«СМДЖИ Принт»,
197022, Санкт-Петербург,
Каменноостровский пр., д. 61,
лит. А, пом. 11Н

При перепечатке
материалов ссылка на журнал
«Мир русского слова» обязательна

Присланные рукописи
не возвращаются

Плата с аспирантов
за публикацию рукописей
не взимается

Правила направления,
рецензирования и опубликования
научных статей в журнале
«Мир русского слова»:
http://mirs.ropryal.ru/rules/

[ОФИЦИАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ] [OFFICIAL MATERIALS]

4 XIV Конгресс МАПРЯЛ — 14th Congress of MAPRYAL

[ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ] [LINGUISTIC REMARKS]

5 О. М. Акай
Слова категории состояния и элиминирование языковых лакун
Oksana M. Akay
The State Category Words and the Language Lacunae Elimination

12 Е. Н. Куликовская
Перформативные глаголы в русских заговорах как объект теории речевых актов
Ekaterina N. Kulikovskaya
Performative Verbs in Russian Charms as an Object of the Speech Acts Theory

19 А. Д. Баранчикова, А. Н. Сперанская
Динамика глагольной сочетаемости субстантива *клятва* по данным Национального корпуса русского языка
Anastasiia D. Baranchikova, Alevtina N. Speranskaia
Dynamics of Verbal Compatibility of the Lexeme *oath* on the Material of the Russian National Corpus

24 А. В. Уржа
Неопределенно-личные предложения в русских переводных нарративах (конец XIX–XX вв.): модусная семантика, прагматика
Anastasia V. Urzha
Indefinite Personal Constructions in Russian Translated Narratives (the End of 19th–20th Centuries): Modal Semantics, Pragmatics

[КУЛЬТУРА РЕЧИ] [SPEECH CULTURE]

32 Т. Л. Каминская
Коммуникативные тренды российского экологического PR
Tatyana L. Kaminskaya
Communicative Trends of Russian Ecological PR

37 О. С. Баканова
Особенности выражения положительной оценки в научном тексте (на материале отзывов официальных оппонентов о диссертации)
Oksana S. Bakanova
Peculiarities of Expression of a Positive Evaluation in Scientific Text: on the Basis of Reviews of Official Opponents of the Thesis

42 М. А. Васильченко
Термины «жанр», «регистр» и «стиль» в русско- и англоязычном лингвистическом дискурсе
Maria A. Vasilchenko
The Terms “Genre”, “Register” and “Style” in Russian and English Language Discourse

[ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ] [LINGUOCULTURAL STUDIES]

49 Т. В. Анисимова, С. А. Чубай
Особенности интертекстуальности в российской социальной рекламе
Tatiana V. Anisimova, Svetlana A. Chubay
Features of Intertextuality in Russian Social Advertising

60 Н. А. Редько
Совесть как ключевая доминанта русской национальной картины мира
Natalya A. Redko
‘Conscience’ as a Key Dominant of the Russian National Picture of the World

[ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА]

66 Ф. Н. Двинятин
Формула или топос?

71 С. Н. Воробьева
Апокрифическая литература в контексте религиозно-нравственного воспитания древнерусского человека

76 Го Вэй
Диалог с китайской философией: «Дао дэ цзин» в рассказе Виктора Пелевина «Запись о поиске ветра»

[МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА]

81 И. В. Семенова
«Русский культурный архетип» (концепция авторского спецкурса для иностранных студентов)

88 Лю Инь, Е. В. Полищук
К вопросу о методике преподавания модальных глаголов в китайской аудитории (на материале глаголов «мочь» и «смочь»)

94 Н. Палахан
Журнал «Советский Союз» как способ дистанционного изучения русского языка в Таиланде периода холодной войны

[ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОВЫЕ КНИГИ. РЕЦЕНЗИИ]

11 И. А. Мартьянова —
Щукина Д. А. Русская литература XXI века (фрагмент пространства художественного текста). — СПб.: Лема, 2019. — 158 с.

[ХРОНИКА]

100 Международный научный симпозиум «Русская грамматика: активные процессы в языке и речи» (Ярославль, 17–19 мая 2019 г.)

31 Международная встреча русистов в Крыму

93 Русский фольклор — всеобщее достояние. О Восьмом онлайн-Фестивале дружбы в МГУ

[РОССИЯ… НАРОДЫ, ЯЗЫКИ, КУЛЬТУРЫ]

105 М. Л. Федоров
«Дни Турбиных» и «Как четырнадцатая дивизия в рай шла...»: к возможному диалогу М. А. Булгакова с Демьяном Бедным

110 Т. Б. Авлова
Интервью с актером как учебный текст на занятиях по русскому языку

117 «…Волкову, Волкову, Волкову всем мы обязаны!»

[INTERACTION OF LANGUAGE AND LITERATURE]

Fedor N. Dviniatin
Formula or Topos?

Svetlana N. Vorobyeva
Apocrypha in the Context of the Religious-Moral Education of the Ancient Russian Person

Guo Wei
Dialogue with Chinese Philosophy: "Tao Te Ching" in the Story "A Record about Chasing Wind" by Victor Pelevin

[RUSSIAN LANGUAGE TEACHING METHODOLOGY]

Inna V. Semenova
"Russian Cultural Archetype": the Conception of Author's Special Course for Foreign Students

Liu Yin, Elena V. Polishchuk
On the Issue of Teaching Modal Verbs in the Chinese Audience: the Case Study of the Verbs *to can* and *to be able*

Nattanop Palahan
The magazine "The Soviet Union" ("Sovetskiy Soyuz") as a Means of Distance Learning of the Russian Language in Thailand during the Cold War

[PRESENTING NEW BOOKS. REVIEWS]

I. A. Martyanova —
Shchukina, Daria A. Russian Literature of the 21st Century: the Fragment of the Artistic Text Space. St. Petersburg: Lema, 2019. — 158 p.

[CHRONICLE]

International Scholarly Symposium "Russian Grammar: Active Processes in Language and Speech" (Yaroslavl, May 17–19, 2019)

International Meeting of Russianists in Crimea

Russian Folklore is in the Public Domain. About the Eighth Online Friendship Festival at Lomonosov Moscow State University

[RUSSIA… PEOPLES, LANGUAGES, CULTURES]

Maxim L. Fyodorov
"The Turbin Brothers" and "How the 14th Division Was Going to Paradise…": on a Possible Dialogue of Mikhail Bulgakov and Demyan Bedny

Tatiana B. Avlova
Interview with the Actor as a Text in the Russian Language Classroom

"…to Volkov, to Volkov, to Volkov We Owe Everything!"

XIV КОНГРЕСС МАПРЯЛ

14TH CONGRESS OF MAPRYAL

Традиционный, четырнадцатый по счету конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) прошел в Нур-Султане (Республика Казахстан) с 29 апреля по 2 мая 2019 года. 2 мая 2019 года, в день завершения работы Конгресса, состоялось заседание Генеральной ассамблеи МАПРЯЛ, на которой был выбран новый Президиум ассоциации и определена столица следующего всемирного конгресса русистов — Санкт-Петербург.

Работу конгресса 30 апреля открыла панельная дискуссия «Русский язык в многоязычном мире: идентичность, ресурс, интеграция», в которой приняли участие видные ученые и государственные деятели России, Казахстана, США, Финляндии. Участники дискуссии охарактеризовали ключевые факторы, определяющие современное положение русского языка как одного из мировых языков. Ведущий дискуссии, председатель Комитета по образованию Государственной Думы Российской Федерации и председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов отметил, что русский язык остается языком великой культуры, науки, языком ООН и «большой геополитической игры».

Основные задачи Министерства просвещения Российской Федерации по поддержке русского языка в своем выступлении обозначил статс-секретарь — заместитель Министра просвещения Павел Зенькович. К этим задачам он отнес подготовку и повышение квалификации учителей русского языка как иностранного, развитие инфраструктуры образования за рубежом, реструктуризацию и систематизацию экзамена по русскому языку как иностранному. «Нужно подойти к созданию единого многоуровнего экзамена, который существовал бы и в России, и за ее пределами», — отметил П. Зенькович. Докладчик подчеркнул, что МАПРЯЛ является важным партнером Министерства просвещения в решении данных задач. Тезис об уникальности ассоциации как международного инструмента гуманитарной деятельности озвучил заместитель руководителя Россотрудничества Павел Шевцов.

О векторе языковой политики Республики Казахстан рассказала в своем выступлении руководитель Центра по изучению межэтнических и межконфессиональных отношений в Центрально-Азиатском регионе Айгуль Садвокасова. Как отметила учёный, Казахстан связывает единство двух цивилизационных основ — тюркской и славянской, и это единство является основой той билингвальной среды, которая на сегодняшний день сложилась в Казахстане.

На проблемах функционирования русского языка внутри России заострил внимание советник Президента Российской Федерации Владимир Толстой. Он напомнил собравшимся слова Дмитрия Лихачева о языке как о «самой большой ценности народа» и отметил, что в современной России повсеместно наблюдается снижение уровня владения литературным языком. В этой связи неоценима роль русистов, подчеркнул В. Толстой, поскольку их основной задачей является возрождение интереса к русскому языку у молодого поколения.

Вице-президент МАПРЯЛ, почетный президент Американских советов по международному образованию Дэн Дэвидсон представил участникам дискуссии результаты исследований билингвизма, проведенных Американской академией искусств и наук. Другой вице-президент МАПРЯЛ, профессор Хельсинкского университета Арто Мустайоки затронул вопрос расширения сферы функционирования русского языка за рубежом: русский язык может быть не только языком политики и культуры, но и языком повседневного общения, пусть и в упрощенном варианте.

Работу конгресса продолжило пленарное заседание, на котором прозвучали доклады Элеоноры Сулейменовой («Пушкин и Абай. Времен связующая нить»), Дэна Дэвидсона («Трансформативное обучение иностранным языкам. Теория и практика»), Вячеслава Шульженко («Современная литература на русском языке: русская классика и межкультурная интеграция в XXI веке»), Арто Мустайоки («Что такое знание языка»), Сергея Кузнецова («Какой язык мы изучаем?»).

В течение 3 дней конгресса проходили заседания по научным направлениям, посвященные различным аспектам научного описания, преподавания и популяризации русского языка в мире. На мероприятии прозвучали более 300 докладов представителей 47 стран мира по социолингвистике, культурологии, системно-структурному описанию русского языка, динамике языковых изменений, русской лексикографии, методике преподавания русского языка как родного, неродного и иностранного, компаративистике, переводоведению, литературоведению. На круглых столах обсуждались вопросы функционирования русского языка в новых суверенных государствах постсоветского пространства, дистанционного обучения, фразеологии. Отдельные круглые столы были посвящены билингвальному обучению и современной русской литературе. По инициативе делегации Словакии был организован круглый стол о культурологическом направлении иноязычного образования.

Вслед за конгрессом по традиции состоялась Генеральная ассамблея МАПРЯЛ, на которой были сформулированы планы развития ассоциации на ближайшие 4 года, выбраны руководящие органы МАПРЯЛ и определена столица следующего конгресса.

По итогам голосования президентом МАПРЯЛ был выбран советник Президента Российской Федерации, председатель совета при Президенте РФ по русскому языку, журналист и писатель-эссеист, праправнук Льва Николаевича Толстого Владимир Толстой.

Посты вице-президентов заняли Дэн Дэвидсон (США), Татьяна Кортава (Россия), Сергей Кузнецов (Россия), Арто Мустайоки (Финляндия), Чжэн Тиу (Китай), пост генерального секретаря — Наталья Брунова (Россия), казначея — Татьяна Млечко (Молдова). В состав президиума также вошли Нурлана Алиева (Азербайджан), Харри Вальтер (Германия), Давид Гоциридзе (Грузия), Рафаэль Гусман Тирадо (Испания), Иржи Клапка (Чехия), Аксиния Красовски (Румыния), Людмила Кудрявцева (Украина), Антония Пенчева (Болгария), Иван Ровдо (Беларусь), Элеонора Сулейменова (Казахстан), Томас Шмидт (Швейцария).

Участники Генеральной ассамблеи одобрили предложение Санкт-Петербургского государственного университета о проведении следующего конгресса в Санкт-Петербурге. Юбилейный, XV конгресс МАПРЯЛ состоится в Северной столице в 2023 году.

Официальный сайт МАПРЯЛ:
https://ru.mapryal.org/

О. М. Акай

DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12005

СЛОВА КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ И ЭЛИМИНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЛАКУН

OKSANA M. AKAY
THE STATE CATEGORY WORDS AND THE LANGUAGE LACUNAE ELIMINATION

Слова спорной части речи — категории состояния — рассмотрены как межъязыковые и интраязыковые лакуны. Первые могут быть установлены по отношению к тем языкам, где нет соответствующей части речи; ко вторым относятся неузуальные образования, расширяющие состав и дискурсивные возможности данной части речи в рамках одного языка.

Ключевые слова: части речи; слова категории состояния; грамматические лакуны; межъязыковые и интраязыковые лакуны.

The author explores the words belonging to the controversial part of speech, the category of state, as interlingual and intralingual lacunae. The former can be established in relation to those languages where there is no corresponding part of speech; the latter includes non-conventional formations that expand the composition and discursive capabilities of a given part of speech within a single language.

Keywords: parts of speech; category of state words; grammar lacunae; interlingual and intralingual lacunae.

Оксана Михайловна Акай

Кандидат филологических наук, доцент кафедры экономических, естественно-научных и гуманитарных дисциплин

Ростовский государственный экономический университет (РГЭУ РИНХ)

ул. Большая Садовая, 69,
г. Ростов-на-Дону,
Ростовская обл., 344002, Россия

Доцент кафедры «Иностранные языки»

Донской государственный технический университет

пл. Гагарина, 1,
Ростов-на-Дону,
Ростовская обл., 344000, Россия

► oksanaakay@gmail.com

Oksana M. Akay

Rostov State University of Economics

69, ul. Bolshaya Sadovaya,
Rostov-on-Don, 344002, Russia

Don State Technical University

1, pl. Gagarina,
Rostov-on-Don, 344000, Russia

Введение

Части речи, будучи категориями мышления и языка, структурируют объективный мир; это развивающиеся и взаимодействующие друг с другом элементы грамматического строя. Число и состав частей речи в каждом языке национально специфичны. Хотя развитие языка многими грамматистами трактовалось как усиление противопоставленности глагола и имени, уже с первой трети XIX века русские грамматики включают упоминания о словах, промежуточных между именем и глаголом, — о безлично-предикативных словах (или словах категории состояния). На материале слов этой спорной и неоднозначной части речи продуктивно, на наш взгляд, проанализировать проблемы как межъязыковой, так и интраязыковой грамматической лакунарности, а также проследить закономерности элиминирования интраязыковых лакун.

1. Вопрос о категориальной природе слов категории состояния

Лексико-грамматический подход к частям речи, принятый в большинстве грамматических описаний, не обеспечивает, однако, единого и непротиворечивого понимания состава частей речи в индоевропейских языках. С одной стороны, есть предельно обобщенные описания, авторы которых полагают возможным выделение только двух классов зна-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 19-012-00016

менательных слов — имени и глагола [4: 116–117], а с другой стороны, есть грамматики, указывающие до трех десятков частей речи. Е. В. Муругова отмечает, что авторы новых грамматик предлагают все более дробные классификации частей речи [11: 96]. Ср. также: «В каждом новом научном труде или учебном пособии по грамматике русского или английского языка предлагаются разительно отличающиеся друг от друга перечни грамматических категорий, частей речи, семантических и структурных типов предложения» [7: 93].

К «бесспорным» частям речи относят чаще всего существительное, глагол и наречие, в то время как частеречный статус прилагательного, числительного, местоимения, предлога, союза и артикля подвергается сомнению. Артикль рассматривали как разновидность прилагательного; местоимения, не обладающие единым категориальным (частеречным) значением, распределяли между разрядами имен и т. д. Но даже в случае признания самостоятельности той или иной части речи совсем неоднозначно решался вопрос о ее составе. Так, порядковые числительные нередко квалифицировались как относительные прилагательные. Не ясен объем самой разноплановой части речи — глагола. Начиная с М. В. Ломоносова русское причастие выделяют в отдельную часть речи, однако не меньше оснований считать его глагольной формой. Таким образом, сфера частей речи — это в целом область оживленных дискуссий, так что неоднозначное толкование безлично-предикативных слов (слов категории состояния) вполне соответствует грамматическим традициям.

Активные дискуссии по поводу «предикативов» (или «слов категории состояния») прошли несколько десятилетий назад (пик обсуждений пришелся на 50-е гг. XX века). Действительно, в русской грамматической системе есть ряд слов, которые невозможно однозначно отнести ни к одной из традиционных частей речи — *можно, нельзя, нужно, жаль* и под. (если, конечно, не присоединить эти слова к глаголам, как это делал А. Х. Востоков). Авторство идеи категориальной (частеречной) самостоятельности этих слов принадлежит Л. В. Щербе, который, однако, сам указывал, что эта часть речи не представляется ему четко и однозначно очерченной [19: 63–85]. Л. В. Щерба, а затем В. В. Виноградов [5: 335] видели у предикативов признаки самостоятельной части речи вследствие аналитизма грамматикализации — аналитических форм времени и наклонения. Термин, введенный Л. В. Щербой, стал самым распространенным наименованием этого класса — слова категории состояния. Ср. «безлично-предикативные слова» [1], «предикативные наречия» [18]. Как справедливо писал Л. Л. Буланин [3: 175], в последнем случае преувеличивается связь с другой частью речи — наречием. Термин «слова категории состояния», фиксирующий внимание на лексической семантике, стал применяться и к материалу других языков, прежде всего — английского, в работах Б. А. Ильиша, Л. Л. Лисиной, Л. О. Пипаст, А. Л. Демидовой, П. И. Шлейвиса и др. Л. О. Пипаст дал генетическую и семантическую классификацию слов состояния в английском языке. В большинстве учебников по грамматике английского языка, изданных в нашей стране в 50–60-х гг. XX века, слова состояния выделяются в отдельную часть речи [8]. Активно выступил против выделения слов категории состояния в отдельную часть речи Л. С. Бархударов. Согласно его точке зрения, значение состояния вполне подходит под более широкое значение качества, свойства предмета, характерное для прилагательных. Состояние — это не что иное, как временное, преходящее качество предмета или лица. Подобно прилагательным, эти слова могут употребляться со словами *more, most*, выражающими значения, эквивалентные значениям форм степеней сравнения прилагательных. В целом для слов состояния характерна такая же сочетаемость, как и для прилагательных (с наречиями, с предложными сочетаниями, с инфинитивом), и те же синтаксические функции (предикатив, определение — чаще обособленное или постпозитивное) [2].

«Размытая» категория слов состояния даже в трудах «основоположников» описывается противоречиво. Так, в программной работе Л. В. Щербы [19: 63–85] сначала постулируются признаки неизменяемости и употребления

со связкой, а затем к этой категории присоединяются слова, выступающие в личных конструкциях — *я готов, я способен, я должен.* То есть признаки безличности и неизменяемости, провозглашенные категориальными (характерными для особой части речи), оказываются нерелевантными. Все противоречия В. В. Виноградов стремится снять настойчивыми указаниями на то, что слова категории состояния — это не окончательно сложившаяся часть речи, а только формирующаяся на почве сложного и противоречивого переплетения свойств имени.

Спустя несколько десятилетий, категория состояния по-прежнему не обрела окончательной завершенности, и можно констатировать тот же разброс мнений. Если в диссертационной работе Я. Н. Скрипник [17] эти слова отнесены к особому лексико-грамматическому разряду, единицы которого соединяют в себе признаки разных частей речи, то в диссертации Г. О. Мкртычовой [10] признается самостоятельный категориальный (частеречный) статус этих слов, манифестирующих, по мысли указанного автора, «аналитизм категоризации».

Возвращаясь к этому вопросу спустя десятилетия после активной дискуссии, приходится констатировать, что эта категория перестала быть в центре внимания грамматистов, хотя в том давнем споре и не был выработан единый и непротиворечивый взгляд на категориальную природу этих слов. С одной стороны, термин «слова категории состояния» стал широко известным, вошел во многие учебные пособия как обозначение знаменательной (седьмой) части речи, а с другой стороны, эта часть речи так и не стала общепризнанной. Очевидно, что, признавая ее категориальную самостоятельность, следует констатировать лакунарность грамматической системы тех языков, где она заведомо отсутствует.

2. Элиминация лакун в сфере слов категории состояния

Как известно, в теории перевода и межкультурной коммуникации лакунами обозначаются «пробелы, пустые места, значимые отсутствия». Лакуна и лакунарность — термины, весьма далекие от однозначного толкования. Как справедливо пишет В. М. Савицкий, оперирование этими категориями нередко приводит к непоследовательности и логическим противоречиям в рассуждениях, что затрудняет решение соответствующих научных проблем, поскольку лакуна трактуется как слова, словосочетания, грамматические категории, бытующие в одном из языков и отсутствующие в другом. То есть лакунами называют как отсутствующие, так и имеющиеся в языке единицы [16]. Простое несуществование чего-либо в языке, считает указанный автор, еще не лакуна, иначе лакунами по отношению к данному языку придется считать несуществование в нем всех единиц и форм всех других языков мира. Тем не менее идея межъязыковой лакунарности сегодня принята чрезвычайно широко. О межъязыковой лакунарности говорится применительно к двум конкретным языкам в том случае, когда обозначенное как отдельность в одном языке отсутствует в другом. Понятие межъязыковой лакуны обладает научной значимостью и перспективно для многих прикладных сфер, прежде всего для переводоведения, где очень важно соотнести то, что в одном языке — «отдельности», а в другом — «пустóты», несигнализируемые участки.

Известны две группы факторов, влияющих на появление лакун: 1) лингвистические, связанные со своеобразием членения мира в том или ином конкретном язык; и 2) экстралингвистические, обусловленные своеобразием истории, культуры, географических, экономических условий народа — носителя языка. Очевидно, что на формирование частей речи как обобщенных классов слов наибольшее влияние оказывают собственно лингвистические факторы, которые, впрочем, тесно связаны с факторами экстралингвистическими. Категориальная (частеречная) лакунарность выявляется при сопоставлении языков: «Лакуны не заметны изнутри при рассмотрении одного языка, текста или культуры, но выявляются при их сопоставлении» [9: 4]. Отсутствие той или иной части речи может (в ситуации сравнения с другими языками) ощущаться как недостаток. Ср. статью Р. Ф. Касаткиной с показательным названием: «Русский язык ищет артикль», где

речь идет не только об известных фактах передачи значения определенности/неопределенности местоимениями, числительными или интонацией, но и о том, что отсутствие специального артиклевого показателя может ощущаться как недостаток грамматической системы. Интересно, что указанный автор объясняет «поисками артикля» участившиеся в последнее десятилетие случаи плеонастического употребления местоимения *то*: *я думаю то, что...; мне кажется то, что...* «Это случаи гиперкорректного использования местоимения связаны с возникшей неустойчивостью статуса местоимения тот, то, та, те, с формированием его новой артиклевой функции» [6: 7].

Вычленяя предикативные (сказуемостные) наречия и некоторые другие слова, используемые в предикативной функции, в особую часть речи — «слова категорию состояния», В. В. Виноградов указывал, что к этой новой и активно развивающей части относятся, в частности, образования на -о, имеющие формы времени, служащие для выражения сказуемых в безличных предложениях и обозначающие психическое или физическое состояние: *весело, грустно, смешно, светло, темно, жарко, холодно*. Они омонимичны качественным наречиям (*Мне холодно*, но: *он холодно поклонился*). Однако по ныне действующим нормам, писал В. В. Виноградов [5: 335], далеко не все образования такого типа могут выступать в качестве предикатов. Нельзя сказать «*мне быстро, нежно, бодро, морозно, лукаво, упрямо, покорно, смело, робко, умело, торопливо, кротко, свирепо, жестоко, жадно, враждебно, доверчиво*» и т. д. М. Н. Эпштейн задается вопросом: кто установил эти ограничения и по какому, собственно, признаку устанавливается этот запрет? [20] Почему можно сказать, как у Пушкина, «*мне грустно и светло*», но нельзя — «*мне задумчиво и нежно*»? В. В. Виноградов отмечает невозможность таких выражений: *было вечно, будет медленно, было поспешно, будет трусливо* [5: 331]. Но почему нельзя сказать:

Мне слишком медленно в этой деревне, мне привычней там, где торопливо, в большом городе.

Тебе хорошо со мной? — Да. Я хочу, чтобы нам было медленно. Я хочу, чтобы нам было вечно.

Ср.:

Года пускай хранятся, / А нам храниться поздно. / Нам будет чуть печально, / Но бодро и морозно (*Самойлов Д.* Давай поедем в город).

Характерно, что нестандартные формы «предваряются» обычными (и тогда первые легче опознаются в своем качестве — безличных предикативов).

Появление нестандартных грамматических форм, распространение тех или иных грамматических признаков на лексические единицы, которым в узусе эти признаки не были присущи, традиционно квалифицируется как элиминация интраязыковых лакун [15].

Э. М. Эпштейн считает, что категория состояния в русском языке будет развиваться в таком направлении: она будет включать в себя все качественные наречия, если они приобретают функцию сказуемого. То есть любое наречие, в зависимости от контекста и структуры предложения, может употребляться и в роли обстоятельства, и в роли сказуемого. Тем более, что такое употребление соответствует русскому языку в диахронии, на что указывал сам В. В. Виноградов: «Несомненно, что в древнерусском языке возможности сказуемостного употребления наречий были гораздо шире» [5: 331]. На этом основании М. Н. Эпштейн пишет: «Полагаю, что будущее предикативных наречий ближе к их прошлому, чем к настоящему. Оглаголение наречий, их способность обозначать не только признак действия (обстоятельства), но и состояние лица или природы (функция сказуемого), усиливает глагольную энергетику языка. Насколько нам известно, не существует писаных правил, которые разрешали бы или запрещали использование определенных наречий в предикативной функции». М. Н. Эпштейн приводит целый ряд наречий, которые могут использоваться как предикативы:

*Он нежно на нее смотрел. — Ему было **нежно** на нее смотреть.*

В первом предложении «нежно» — лишь признак конкретного действия «смотреть», во втором — это целостное состояние субъекта, которое вызывается взглядом, то есть предикативность расширяет смысл наречия.

*Он держится то смело, то робко. — Мне бывает **смело** с врагами, а с тобой мне всегда **робко.***

В качестве связки в безличных предложениях с наречием-сказуемым может употребляться не только глагол *быть (было, будет)*, но и глаголы *стать, становиться, делаться, сделаться*:

*Ей было больно, а теперь становилось спокойно и **доверчиво.***

*Вдруг ему сделалось **жадно** и **завистливо**: отчего эта награда не ему?*

Заметим, однако, что некоторые из приведенных возможностей вызывают некоторые сомнения:

*Он вел себя дерзко и влюбленно. — В доме было тепло и **влюбленно**.*

Все-таки *влюбленно* — это не состояние дома, а состояние человека, поэтому нужны какие-то особые условия, чтобы появилась возможность такого употребления.

Даже качественным наречиям М. Н. Эпштейн открывает возможность предикативного использования:

*У нее были румяные щеки. — Ее щекам было **румяно** в этом морозном воздухе.*

*Эта ваза очень хрупкая. — Хрустальной вазе **хрупко** стоять.*

Впрочем, цитируемый автор оговаривает, что такие конструкции предполагают способность неодушевленных предметов иметь субъективные состояния, то есть до известной степени одушевляют, персонифицируют их, а это прием, наиболее уместный в художественном тексте. Поэтому даже относительные прилагательные могут приобретать краткую форму и выступать в роли сказуемых безличного предложения:

*Тебе сейчас как? — **Предотъездно*** [20: 258].

Еще В. В. Виноградов писал о том, что в грамматическом строе слов категории состояния скрыты зародыши, источники новых грамматических сдвигов [5: 335]. Это ярко проявляется в пополнении класса имен состояния за счет элиминирования лакун. В современных текстах нестандартное слово категории состояния (элиминированная лакуна) нередко появляется в одном сочинительном ряду со стандартными, что позволяет осуществить однозначную категоризацию:

*...мы следуем иноземным календарям с их годами свиньи, змеи, обезьяны, тигра. Интересно, безвредно, для многих **доходно** и даже весело* (Советская Россия, 4 февр. 2010 г.). (Цит. по: [10].)

«Потенциальные» слова категории состояния вполне реальны в художественном дискурсе; ср. у М. Цветаевой в «Записных книжках»:

Мне с ним благородно; Мне с ним достойно; Мне от всех брезгливо; ...мне опустошительно с людьми (*Цветаева М.* Записные книжки).

От нестандартных безличных предикативов в текстах М. Цветаевой возможны и формы сравнительной степени — *...чем чуждее — тем моее, чем нестерпимее — тем блаженнее* (*Цветаева М.* Черт). Как видим, изобразительность слов категории состояния — элиминированных лакун — особенно ярко проявляется при анализе «глубин» психики героев, они оказываются необходимыми для представления особенностей индивидуального состояния персонажей.

Качественное наречие приобретает признаки слова категории состояния в том случае, если расширяется его лексическое значение в смысле масштаба охвата событий. Одно дело, например, *ответить сварливо* — это характеристика определенного действия с помощью качественного наречия; иное дело, когда К. Чуковский пишет в «Дневниках» *В доме было сварливо* — это характеристика ситуации в целом (*Чуковский К.* Дневник: В 3 т. Т. 1. 1901–1921. М., 2011). Бесспорны возможности элиминированных лакун — неузуальных слов категории состояния — для обобщенной характеристики ситуации.

Целый ряд нестандартных слов категории состояния из текстов классической литературы приводит энциклопедия «Русский язык» [14: 368–372]:

Ночью встаю, месячно (А. Грибоедов); *На душе снежно и холодно* (А. Герцен); *А под маской было звездно* (А. Блок); *В танцевальном зале пустом непесенно* (Р. Рождественский).

Во всех этих и подобных случаях элиминированные лакуны актуализируют категориальное

частеречное значение слов состояния. Они обладают мощным дискурсивным потенциалом и, прежде всего, способностью лаконично передать состояние и его оценку — оценочный компонент входит в семантику многих таких единиц.

Интересно, что новыми единицами пополняется состав слов категории состояния не только в литературном языке, но и в сленге. Безлично-предикативное *фиолетово* в значении «абсолютно безразлично, неинтересно, все равно» включено не только в современные словари сленговой лексики — например, в толковый словарь молодежного сленга [12], но и в Словарь модных слов Вл. Новикова [13: 293–295]. Сравним также не одно десятилетие существующие сленгизмы *глухо* «о безрезультативности каких-либо действий; о ситуации отсутствия чего-либо», *западло* «плохо, не стоит, не приятно, не нравится». Данные современных жаргонных словарей позволяют утверждать, что численный рост слов категории состояния (прежде всего — для обозначения физического и психоэмоционального состояния человека) характерен не только для литературного языка, но и для субстандарта. То есть этот класс активно пополняется, и новые языковые факты, в том числе и из маргинальных сфер, демонстрируют динамичный процесс элиминирования интраязыковых лакун в сфере слов категории состояния.

Заключение

Общечеловеческое мышление манифестируется с помощью многочисленных языков, серьезно отличающихся по грамматическому устройству, а значит — по количеству и составу частей речи.Части речи — развивающиеся и взаимодействующие элементы грамматической системы, они не разделены резкими разграничительными линиями. Именно этим обстоятельством объясняется неоднозначная трактовка частей речи в грамматической науке. Свойства слов категории состояния противоречивы, и грамматисты неизбежно придают особое значение одним или другим свойствам, отчего меняется трактовка этого лексико-грамматического класса слов (признания их особой частью или только группой в рамках наречий). Востребованность как узуальных, так и неузуальных слов состояния связана с психологизацией языка, с важностью передачи семантики состояния — физического, психологического, эмоционального. Наиболее отчетливо передают эту семантику и соответствующие коннотации элиминированные интраязыковые лакуны в сфере слов категории состояния.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абакумов С. И.* Современный русский литературный язык. М., 1942.
2. *Бархударов Л. С.* О так называемой «категории состояния» // Иностранные языки в школе. 1958. № 5. С. 112–118.
3. *Буланин Л. Л.* Трудные вопросы морфологии. М., 1976.
4. *Вандриес Ж.* Язык. Лингвистическое введение в историю / Под ред. Р. О. Шор. М., 1937.
5. *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
6. *Касаткина Р. Ф.* Русский язык ищет артикль // Вопросы языкознания. 2012. № 2. С. 3–9.
7. *Копров В. Ю.* Практикоориентированная модель семантико-функциональной грамматики // Тезисы докл. Междунар. науч. симпозиума «Русская грамматика 4.0» (13–15 апр. 2016 г.). М., 2016. С. 92–96.
8. *Лисина Л. Л.* Слова категории состояния и их валентность в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1970.
9. *Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А.* Культура и текст. Введение в лакунологию: учеб. пособ. М., 2010.
10. *Мкртычова Г. О.* Слова категории состояния: аналитизм категоризации и грамматикализации (на матер. русского и английского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2011.
11. *Муругова Е. В.* Взаимодействие частей речи и способов их образования в лингвокреативной деятельности человека: Дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2007.
12. *Никитина Т. Г.* Молодежный сленг. Толковый словарь. М., 2007.
13. *Новиков Вл.* Словарь модных слов. Языковая картина современности. М., 2016.
14. Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. М., 1997.
15. *Рябов В. Н.* Русские интраязыковые лакуны: формально-семантический аспект. Дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1997.
16. *Савицкий В. М.* Онтология языковых лакун // Электронный журн. «Вестн. МГОУ». 2013. № 2. URL: https://www.vestnik-mgou.ru/
17. *Скрипник Я. Н.* Особенности функционирования безлично-предикативных слов в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 1998.
18. *Шахматов А. А.* Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку (Учение о частях речи). М., 1952.

19. *Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Избр. работы по русскому языку. М., 1957. С. 63–85.

20. *Эпштейн М. Н.* От знания — к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.; СПб., 2016.

REFERENCES

1. Abakumov S. I. (1942) *Sovremennyi russkii literaturnyi iazyk [The Modern Russian Literary Language]*. Moscow. (in Russian)

2. Barkhudarov L. S. (1958) O tak nazyvaemoi «kategorii sostoianiia» [About the so-called "Category of State"]. *Inostrannye iazyki v shkole [Foreign Languages at School]*, no. 5, pp. 112–118. (in Russian)

3. Bulanin L. L. (1976) *Trudnye voprosy morfologii [Some Difficult Issues of Morphology]*. Moscow. (in Russian)

4. Vandries Zh. (1937) *Iazyk. Lingvisticheskoe vvedenie v istoriiu [The Language. Linguistic Introduction in History]*, ed. by R. O. Shor. Moscow. (in Russian)

5. Vinogradov V. V. (1972) *Russkii iazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove [The Russian Language. Gammatical Study of a Word]*. Moscow. (in Russian)

6. Kasatkina R. F. (2012) Russkii iazyk ishchet artikl' [The Russian Language is searching for an Article]. *Voprosy iazykoznaniia [The Issues of Linguistics]*, no. 2, pp. 3–9. (in Russian)

7. Koprov V. Iu. (2016) Praktikoorientirovannaia model' semantiko-funktsional'noi grammatiki [The Practice Determined Model of the Semantic Functional Grammar] Proceedings of the International Scientific Symposium *"Russkaia grammatika 4.0" [The Russian Grammar]* (Russia, Moscow, 13–15.04.2016). Moscow, pp. 92–96. (in Russian)

8. Lisina L. L. (1970) *Slova kategorii sostoianiia i ikh valentnost' v sovremennom angliiskom iazyke [The Category of state Words and Their Valency in Modern English]*. (Extended abstract of candidate's thesis), The A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia, Leningrad. (in Russian)

9. Markovina I. Iu., Sorokin Iu. A. (2010) *Kul'tura i tekst. Vvedenie v lakunologiiu: uchebnoe posobie [Culture and Text. Introduction in Lacunology: The studying Guide]*. Moscow. (in Russian)

10. Mkrtychova G. O. (2011) *Slova kategorii sostoianiia: analitizm kategorizatsii i grammatikalizatsii (na materiale russkogo i angliiskogo iazykov) [The Category of state Words: Gategory and Grammar Analytics]* (Candidate's thesis, Philology), Rostov State University, Rostov-on-Don. (in Russian)

11. Murugova E. V. (2007) *Vzaimodeistvie chastei rechi i sposobov ikh obrazovaniia v lingvokreativnoi deiatel'nosti cheloveka [The Speech Parts Interaction with the Means of their Formation in the Linguistic Creative Human Activity]* (Doctor's thesis, Philology), Rostov-on-Don. (in Russian)

12. Nikitina T. G. (2007) *Molodezhnyi sleng. Tolkovyi slovar' [Youth slang. Explanatory dictionary]*. Moscow. (in Russian)

13. Novikov Vl. (2016) *Slovar' modnykh slov. Iazykovaia kartina sovremennosti [Dictionary of fashion words. Language picture of modernity]*. Moscow. (in Russian)

14. Karaulov Iu. N., ed. (1997) *Russkii iazyk. Entsiklopediia [Russian. Encyclopedia]*. Moscow. (in Russian)

15. Riabov V. N. (1997) *Russkie intraiazykovye lakuny: formal'no-semanticheskii aspekt [The Russian Intralingual Lacunae: Formal Semantic Aspect]* (Doctor's thesis, Philology), Kuban State University, Krasnodar. (in Russian)

16. Savitskii V. M. (2013) Ontologiia iazykovykh lakun [Lingua Lacunae Ontology]. *Elektronnyi zhurnal «Vestnik MGOU» [Herald of MSEU]*, no. 2. Available at: https://www.vestnik-mgou.ru/ (accesses 02.02.2019) (in Russian)

17. Skripnik Ia. N. (1998) *Osobennosti funktsionirovaniia bezlichno-predikativnykh slov v sovremennom russkom iazyke [The Impersonal Predicate Words Functioning Pecularities in Modern Russian]* (Candidate Thesis, Philology), Stavropol State University, Stavropol. (in Russian)

18. Shakhmatov A. A. (1952) *Iz trudov A. A. Shakhmatova po sovremennomu russkomu iazyku (Uchenie o chastiakh rechi) [From the works of A. A. Shachmatov on the Modern Russian Language. (Study of the Parts of Speech)]*. Moscow. (in Russian)

19. Shcherba L. V. (1957) O chastiakh rechi v russkom iazyke [About the Parts of Speech in Russian]. In: Shcherba L. V. *Izbrannye raboty po russkomu iazyku [The Selected works of the Russian Language]*. Moscow, pp. 63–85. (in Russian)

20. Epshtein M. N. (2016) *Ot znaniia — k tvorchestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmeniat' mir [From knowledge to Art. How the Humanities Can Change the World]*. Moscow; St. Petersburg. (in Russian)

[представляем новые книги. рецензии]

Щукина Д. А. Русская литература XXI века (фрагмент пространства художественного текста). — СПб.: Лема, 2019. — 158 с.

(Окончание на с. 18)

DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12011

«Каким бы ни был век, он должен запечатлеться», — так полагал Гамлет.

Новейшая русская литература занимает особое место в культурном пространстве, её своеобразие исследуется в основном философами, культурологами, критиками, литературоведами и довольно редко лингвистами. Актуальный функциональный подход к анализу языка художественного текста делает неизбежным рассмотрение жанровых и тематических особенностей этих произведений, которые и определяют отбор и организацию языковых средств. Значимыми оказываются специфика функционирования языковых единиц в текстах ведущих российских авторов, а также их лингвистическая рефлексия.

Монография Д. А. Щукиной «Русская литература XXI века» отражает желание современных читателей и критиков осознать те новые тенденции, которые несёт в себе литература наступившего века В состав авторов, произведения которых подвергаются анализу, включены такие значимые имена писателей, вошедших в литературу прошлого века, но активно работающие и в новом, как В. Пелевин, З. Прилепин, Б. Акунин, Е. Чижова, Евг. Водолазкин и др. Сопоставительный анализ их произведений, направленный в сторону поиска особых знаков времени, производится на основе наблюдений над пространственными моделями текстов при понимании пространства (вслед за М. М. Бахтиным и др.) в качестве «универсальной текстовой категории» (с. 6).

При таком подходе оказалось необходимым и плодотворным обращение к ведущему писателю прошлого века М. А. Булгакову (гл. 1), не только запечатлевшему своё время, но и вышедшему за его пределы и позволившему на его фоне рассмотреть черты современной литературы. Добавим, что эта проспекция поддерживается в работе сведениями о той реакции, которую вызвал Булгаков в других видах искусства: театре — оперном и драматическом, в кинематографе. Автор прекрасно знаком и знакомит читателя с той сферой современной культуры, которая могла бы быть названа Булгаковской и которая продолжает оказывать влияние на современную интеллектуальную жизнь.

Вторая глава посвящена прозе собственно XXI века, обращено внимание на её тематические предпочтения, отражённые в названиях произведений и выборе их жанровой формы. Так, жанр романа и заголовок З. Прилепина «Обитель» позволяют одновременно обозначить зловещую сущность человеческого существования в известные годы и описать те грани жизни, в которых проявляется способность человека не утратить своей связи с миром. В этой части монографии автору особенно удался анализ восприятия, часто мучительного, Соловецких островов его обитателями — звуков, запахов, прикосновений, описания самого острова (с. 62–64).

Своего рода парадоксальной, противопоставленной первой части, представляется вторая часть главы, посвящённая роману-путешествию, распахнувшему повествователю мир. Эта часть сосредоточена на «Русской Швейцарии» М. Шишкина. Жанр позволил автору, и это отмечается ис-

Е. Н. Куликовская

DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12012

ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В РУССКИХ ЗАГОВОРАХ КАК ОБЪЕКТ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

EKATERINA N. KULIKOVSKAYA

PERFORMATIVE VERBS IN RUSSIAN CHARMS AS AN OBJECT OF THE SPEECH ACTS THEORY

Екатерина Николаевна Куликовская

Аспирант

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Петербургское шоссе, д.10, г. Пушкин, Санкт-Петербург, 196605, Россия

► kulikovskaya.eka@yandex.ru

Ekaterina N. Kulikovskaya

A. S. Pushkin Leningrad State University

10, St. Petersburg sh., Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia

Научный руководитель:
д-р филол. наук, проф. М. В. Ягодкина

В данной работе предпринята попытка применить методологию теории речевых актов к исследованию перформативов в русских заговорах. Анализируется речевая ситуация — намерение говорящего и обстоятельства произнесения высказывания. Были выявлены прагматические особенности, характерные для перформативных глаголов в русских заговорно-заклинательных текстах.

Ключевые слова: русские перформативные глаголы; теория речевых актов; лингвистическая прагматика; русские заговоры.

The author makes an attempt to apply the methodology of the speech acts theory to the performatives in Russian charms, analyzes the speech situation (the intention of the speaker and the circumstances), and finds some pragmatic features of the performative verbs in the Russian charm texts.

Keywords: Russian performative verbs; theory of speech acts; linguistic pragmatics; Russian charms.

Понятие перформатива сформировалось внутри теории речевых актов, положения которой были выдвинуты в середине XX века британским логиком Дж. Остином [8]. В рамках дихотомии «язык-речь» ***теория речевых актов*** (далее — ТРА) переносит акцент с языка как системы на речь как конвенционально обусловленную деятельность. Семантика слова, в духе позднего Витгенштейна, начинает пониматься в ТРА как реализующая себя только через употребление и не существующая вне языковой игры. Очевидно, что при таком подходе ***перформатив***, являющийся наиболее наглядным примером речи как деятельности, сразу становится объектом пристального рассмотрения. Под перформативами, начиная с Остина, понимались любые высказывания, эквивалентные поступку, преимущественно глаголы в форме первого лица единственного числа настоящего времени, обладающие семантикой речевого действия («нарекаю», «посвящаю», «прошу прощения» и т. д.), но допускалась возможность перформативов с иной семантикой и частеречной

принадлежностью. Дальнейшее развитие ТРА шло по пути таксономизации речевых актов и иллокутивных сил, проработки критериев перформативности [2; 9], выявления коммуникативного намерения говорящего и т. д.

На переосмыслении отношений «слово-значение», «слово-употребление» был выстроен ряд новейших гуманитарных дисциплин: теория коммуникации, дискурсология, лингвопрагматика, современная семиотика и т. д. Перформативность как категория изучалась на материале юридической речи, бытового поведения (в гендерных исследованиях), в лингвистической семантике (как семантический компонент ряда глаголов речевого действия), в некоторых культурологических исследованиях. Отмечалось, что перформативные высказывания обычно реализуются в рамках определённой ***конвенциональной процедуры***: неправильное проведение данной процедуры (например, в случае непригодности лиц или обстоятельств) должно привести к коммуникативной неудаче, к ситуации, в которой произнесение перформатива не будет иметь никакого смысла. Высокая степень ритуализованности перформативного высказывания не раз подчёркивалась исследователями: даже такая распространённая речевая формула, как «обещаю», подразумевает некий конвенциональный акт обещания («дать торжественное обещание»), благодаря которому обещанное приобретает нравственную обязательность.

Из этого явствует, что ТРА имеет огромный потенциал применения к анализу всех видов ритуальных текстов. Особый интерес представляют ***заговорно-заклинательные тексты***, богатые перформативными глаголами. На необходимость изучения перформативов на материале русских заговоров неоднократно обращалось внимание. Однако перформативы и перформативные глаголы в заговорах заслуживают внимания не только по причине их количества и вхождения в ритуальные формулы, которые не являлись объектом классической ТРА, но и по ряду других причин. При первых попытках проанализировать заговорные перформативы сразу бросается в глаза тот факт, что мифопоэтическое мировоззрение, из которого исходит устная фольклорная традиция, имеет в своей основе некоторые предпосылки, схожие с основными методологическими аспектами теории речевых актов. Текст заговора представляет собой «слово как действие» в чистом виде, как оно есть: перформативность высказывания в заговоре многократно усилена интенцией говорящего, направленной на реальное изменение событий в мире при помощи слов, а также символизмом и метафоричностью народно-поэтической речи.

Здесь мы попытаемся применить наиболее общие методологические основания ТРА к текстам заговоров, делая акцент на категории перформативности и перформативных глаголах. Кроме того, мы сопоставим эти основания с мифопоэтическими представлениями, на основе которых формируется заговорный текст, известными из семиотики, этнографии и структурной антропологии. Подобное параллельное рассмотрение интересно тем, что оно демонстрирует определённое синергетическое единство мифопоэтической логики, в рамках которой создаётся заговорный перформатив, и философско-методологической парадигмы, в рамках которой он исследуется. Вдобавок ко всему, это косвенно указывает на актуальность исследования именно фольклорных, заговорно-заклинательных перформативов.

При выявлении особенностей речевой ситуации, в которой произносятся заговорные перформативы, в фокус нашего внимания попадут следующие ключевые аспекты ТРА: 1) неразделимость слова и действия в речевом акте; 2) конвенциональная обусловленность речевого акта; 3) намерение как основа классификации иллокутивных актов. Описание по этим параметрам позволит охарактеризовать прагматику перформативных глаголов в русских заговорах.

1. Речевой акт как неразделимое единство слова и действия

ТРА имеет свои истоки в аналитической философии, и особенно — в теории языковых игр, разработанной Л. Витгенштейном. Под «языковой игрой» у Витгенштейна понимается един-

ство «язык-действие» [4]. Впоследствии в русле языковых игр пересматривается вся когнитивная наука, а также некоторые направления в естественных науках (биосемиотика, синергетика): любая деятельность, выстроенная в соответствии с определёнными правилами (законами), может пониматься как языковая игра. Ключевыми здесь становятся такие черты языковой игры, как её целевая направленность и ситуативная обусловленность: они-то и формируют систему значимостей, порождаемую в процессе языковой игры.

Именно данные характеристики языковой игры становятся основаниями для выделения речевых актов. В концепции Остина теория языковых игр конкретизируется, уточняется и сужается до конкретной сферы речевого общения, взаимодействия людей. Наиболее типичным случаем слова-действия становится перформативное высказывание: хотя Остин неоднократно оговаривает отсутствие чёткой границы между перформативом и констативом, всё-таки именно перформативный глагол как глагол речевого действия в дальнейшем является объектом ТРА [1]. Выделяется ряд речевых действий, которые могут совершаться при помощи перформативов: вопрос или ответ, уверение, предупреждение, объявление решения или приговора, назначение, призыв и т. д. Все эти действия соотносятся с определёнными «иллокутивными актами», которые определяются как целенаправленные коммуникативные действия, совершаемые согласно правилам речевого поведения.

Заговорный текст, взятый целиком, существует в пределах типа языковых игр, который принято называть магическим ритуалом. В качестве языковой игры магия описывалась ещё самим Витгенштейном, определявшим её как «семью» языковых игр, «форму жизни». В широком смысле, заговор сам по себе представляет собой перформативный акт: каждое слово заговора произносится с целью произвести действие, а не сообщить о нём, и в этом смысле является перформативом. Однако ядром такого акта практически всегда является глагол. В глаголах перформативность как категория эксплицируется, становится дискурсивной. Именно перформативный глагол оформляет просьбу или требование, предваряет описание желаемого действия:

> «*Прошу*, Матушка Запрестольна Богородица, рабу (такому-то) горловую болезнь излечить, искорбить» [3: 391].

В приведённом выше примере мы видим «канонический» перформатив — прошу». В заговорной поэзии достаточно широко распространены подобные перформативные глаголы речевой деятельности (*говорю, молю, выкликаю* и пр.). Однако в текстах заговоров не менее часто встречаются перформативы с иной семантикой: например, лексико-семантическая группа глаголов со значением «закрывать/ограничивать доступ к чему-либо»: (*заключаю, замыкаю, запираю*), на основе которых создаются ритуальные формулы «ключа-замка», обладающие определённой самостоятельностью. Представлены в заговорах и другие лексико-семантические группы перформативных глаголов: глаголы со значением изгнания (*снимаю, прогоняю*), со значением активного действия над объектом (*беру, завязываю*); лексико-семантическая группа глаголов с результативной приставкой «за» (*загрызаю, закрываю*) и т. д. Все эти глаголы переходят в разряд перформативов исключительно на основании их прагматики: убеждённости произносящего заговор в том, что при помощи этих слов совершается магическое воздействие не только на человека, но и на живую/неживую природу.

Во многих заговорах перформативный глагол не просто сопровождает, но и называет ритуальное действие, в связи с чем возникает закономерный вопрос о прохождении таким глаголом «проверки на перформативность». Однако, несмотря на то, что в теории речевых актов подобная дескриптивность является признаком констативного высказывания, противопоставленного перформативам, в случае с заговорными текстами это очевидно не так:

> «*Очерчаю* я и *ограждаю* раб (имя лекаря) скотину мою (называется масть скотины или имя укушенного человека) от земляного червя. Петру и Павлу на кадило, на их святое имя...» [3: 397].

Данная формула сопровождает действие, но не описывает его: она в той же степени является действием, что и сопровождаемые ею акты.

В ряде случаев заговорный перформатив не сопровождает и не называет, а полностью заменяет собой ритуальное действие. Так, распространённая перформативная формула «Стану, благословясь, пойду, перекрестясь», предваряющая описание мифорелигиозного топоса, представляет собой «способ перемещения» в это пространство и последующего «действия» уже внутри него.

Заменимость действия словом в заговоре базируется на представлении мифологического сознания о возможности путём слов преобразовывать ирреальную модальность в реальную. Здесь мифологическое мышление сближается с описанным выше представлением о языковой игре, в которой действительность создаётся как структуры значимостей или состояний, имеющих большую или меньшую ценность.

Итак, текст заговора и магические действия представляют собой единство языковой игры или речевого акта, которое мы называем ритуалом. Специфика прагматики заговорного текста связана с верой говорящего в то, что путём произнесения заговора производится воздействие на реальный мир (урожай, здоровье, человеческие отношения), не связанное с убеждением/внушением, а также наречением, посвящением, приговором и иными речевыми ритуалами, изменяющими социальный или юридический статус людей. Именно описанная прагматика делает возможным перформативное использование в заговорах таких глаголов, как, например, «ограждаю», «замыкаю», «завязываю» и т. д., не являющихся «каноническими» перформативами. В осуществлении речевых актов данного вида перформативные глаголы играют особую роль: они могут как сопровождать, так и называть движения, манипуляции с объектами и т. д., что нехарактерно для перформативных высказываний в других типах актов. В некоторых случаях перформативный глагол не сопровождает и не называет, а полностью заменяет собой ритуальное действие, оформляя перенос этого действия в мифологическое пространство.

2. Конвенциональная обусловленность семантики перформативов в заговорах

При таком подходе к речевому акту — как к неразделимому единству слова и действия — пересматриваются отношения между семантической и прагматической составляющими значения слова. Ещё Витгенштейн показывал, что семантика слова представляет собой результат договорённости участников языковой игры о значении и не существует вне конкретного словоупотребления. По сути, семантическое различие между значащими единицами языка предстаёт как практически полностью устранимое: фраза в буквальном смысле заменима любой другой, при условии выполнения той же функции в тех же обстоятельствах. Тем не менее именно семантическая сторона лексического значения считается его ядром, а прагматическая составляющая описывается как набор дополнительных коннотаций.

Однако несомненно, что у перформативных глаголов прагматический компонент оказывается выведенным на первый план. Это отражается в отсутствии у перформативов категории истинности/ложности и её замене категорией успешности/неуспешности. В речевом акте функцией перформативного высказывания оказывается не передача истинного или ложного содержания, а достижение при помощи слов некоторой цели. При этом сам факт достижения или недостижения этой цели — перлокутивный эффект — как правило, остаётся за рамками лингвистического исследования. Для ТРА ключевыми аспектами становятся конвенциональная обусловленность и направленность высказывания на цель. Если лица и обстоятельства соответствуют проводимой процедуре, перформатив считается успешным. Так, слово «посвящаю» уместно только в том случае, когда его произносит лицо, обладающее правом посвящать, в обстоятельствах, уместных для этого. Анализ значения перформатива, таким образом, предполагает анализ конвенциональной процедуры, в рамках которой произносится высказывание.

Применительно к заговорным текстам успешность перформатива также требует соблюдения этих двух условий. Обстоятельства будут считаться уместными в тех случаях, когда ритуал проводится правильно, а требования к говорящему соответствуют требованиям, предъявляемым народной культурой к лицу, наделённому правом проводить магический обряд.

Первое условие выполняется при соответствии места, времени, последовательности действий типу ритуала и его цели. Также могут оказаться важными и некоторые другие правила: например, колдовство должно совершаться тайно [5: 462]. Данные требования могут меняться в зависимости от региона, этнокультурных различий и других факторов.

Второе условие также во многом зависит от сложившейся традиции: ряд ритуалов требует вмешательства «знатка» — особой фигуры в культурном пространстве. Другие ритуалы (часто это заговоры на любовь, на привлекательность) могут выполняться любым членом общества. Данные прагматические характеристики выстраивают цепь соответствий «говорящий-заговор-перформатив-практика»: так, квазиперформативный глагол «изгоняю» (болезнь, злых духов) уместен в устах «знатка», «ведуна» в типе «лечебных заговоров» в ритуале изгнания, в то время как второй глагол «беру» в любовном заговоре «Как ты меня берёшь за руку, так я беру тебя за сердце» [6] может произноситься любым человеком, имеющим, впрочем, определённый возрастной и социальный статус (как правило, молодой/молодая, неженатый/незамужняя), на танцах.

Таким образом, прагматика перформативных глаголов определяется конститутивными правилами, за счёт которых существует ритуальная деятельность. В зависимости от соблюдения данных правил заговорный перформатив признаётся успешным или неуспешным. Двумя важнейшими условиями успешности являются: 1) соответствие лица, проводящего ритуал, типу ритуала («знаток» или любой член общества); 2) соответствие проводимой процедуре обстоятельств места, времени, последовательности действий и т. д.

3. Цель речевого акта. Намерение говорящего

Как было сказано выше, функцией перформативного высказывания в речевом акте является достижение при помощи слов некоторой цели. Иногда отмечается, что именно иллокутивный уровень (уровень цели) является основным предметом ТРА, в то время как локуция (уровень соотнесения высказывания с действительностью) находится в ведении лингвистической семантики, а перлокуция (уровень воздействия на сознание или поведение адресата) — предмет риторики. Иллокутивная цель, по Вендлеру, есть ментальный акт или ментальное состояние, которого говорящий добивается от адресата.

В перформативном глаголе заключается манифестация иллокутивной цели (или ***иллокутивная сила***) высказывания. Например, иллокутивная сила локуции «Он этого не сделал» уточняется путём присоединения перформативной конструкции: «Я утверждаю, что он этого не сделал» (или «Я настаиваю, что он этого не сделал»). За счёт этого все перформативные глаголы приобретают некий семантический компонент цели, ради которой осуществляется высказывание: так, в случае с глаголами речевого действия это намерение говорящего вызвать определённый эффект при помощи слов, обычно воздействуя на собеседника («Призываю вас») или выполняя некую конвенциональную процедуру («Нарекаю корабль...»).

В заговорах «канонические» перформативные глаголы по большей части являются директивами (по классификации Сёрля), с той разницей, что в качестве адресата (в соответствии с магической, заклинательной функцией языка) здесь выступают безличные силы природы, персонифицированные божества, святые и пр.

Однако и квазиперформативы также приобретают в заговорах целевой семантический компонент: не случайно так много в заговорах перформативов с результативной приставкой «за» (ср. также само слово «заговорить»). Неперформативный глагол в заговоре, будучи употреблённым перформативно, зачастую выражает состояние ситуации, которого стремится достичь говорящий:

«„*Замкну* вам губы и зубы двумя замками, тремя ключами“ (обращение к птицам и вредителям)» [7: 302].

На основании анализа заговорных квазиперформативов существующие классификации иллокутивных актов могут быть дополнены. Возможно выявление типов иллокутивных актов, актуальных именно для магического дискурса: например, акты ограничения, изгнания, запрещения, призыва и т. д. Обращает на себя внимание определённая корреляция между иллокутивными целями перформативов и типологией заговоров, заслуживающая особого рассмотрения. Так, иллокутивная цель перформативного глагола в лечебном заговоре может быть связана с симптоматикой заболевания, которое говорящий намеревается устранить. Поскольку вывод о причинах заболевания народная мысль делает в соответствии с магическим принципом подобия, лечение производится способом, сходным с симптоматикой болезни: радикулит (утин) «зарубают», грыжу «загрызают», лихорадку (огневицу) сжигают. Соответственно данная цель — исцеление болезни — метонимически выражается в перформативном глаголе:

«Сама рожу, сама ношу, сама *загрызаю*, у младенца все муки снимаю. Аминь, аминь, аминь» [6].

Итак, выявление иллокутивной цели заговорных перформативов может стать основой для таксономии речевых актов, дополняющей уже существующие классификации. Важнейшую роль для такой таксономии играют квазиперформативные глаголы, в которых может выражаться желаемый результат ритуала. Однако представляют интерес и «канонические» перформативы, встречающиеся в заговорах: в особенности тем, как проявляется в них заклинательная функция языка.

* * *

Мы видим, что методология исследования перформативности, разработанная в рамках ТРА на материале разговорной речи, юридических и социальных ритуалов, весьма продуктивна при применении к анализу русских заговорно-заклинательных текстов. Установки ТРА оказываются максимально приближены к картине мира изучаемой языковой личности, что упрощает процесс анализа. В соответствии с этими установками, магический ритуал воспринимается как неразделимое единство речи и действий: перформативное высказывание (ядром которого выступает глагол) считается обрядовым действием наравне с прочими (завязывание узла, начертание круга и т. д.). Этим обусловлено большее количество квазиперформативных глаголов в заговорах по сравнению с другими типами иллокутивных актов.

К заговорам, так же, как и иным видам речевых актов, применим подход ТРА, заключающийся в фокусировании внимания на интенциональности и конвенциональности речи. Проанализировав цель и обстоятельства произнесения заклинательных текстов, мы установили, что важнейшим условием успешности перформативов в заговорах является правильность выполнения обряда. Обряд, в свою очередь, считается состоявшимся, если его проводит лицо, наделённое таким правом, в соответствии с традиционными установками относительно времени, места и т. д., а ритуальные действия выполняются без ошибок (при этом сам текст также, как правило, не допускает отступлений). Что касается выявления намерения, то многообразие целей, на которые направлены различные заговоры, позволяет дополнить существующие таксономии речевых актов типами актов, специфичных для сферы магической, ритуальной деятельности, противопоставленной «обыденной», «профанной».

Таковы условия, сопровождающие употребление заговорных перформативов и составляющие их прагматику. Формулирование принципов классификации заговорных иллокутивных актов и её разработка, как и изучение языковой личности говорящего (в соответствии с антропоцентрической установкой ТРА), станут задачами наших дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Ю. Д.* Перформативы в грамматике и словаре // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1986. № 3 (45). С. 208–223.

2. *Вендлер З.* Иллокутивное самоубийство. Пер. с англ. А. А. Зализняк // Новое в зарубежной лингвистике: сб.

науч. тр. Вып. 16. Лингвистическая прагматика / Сост. Н. Д. Арутюнова и Е. В. Падучева. М., 1985. С. 238–251.

3. *Виноградов Г. С.* Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири // Живая старина. 1915. Вып. 4. С. 325–432.

4. *Витгенштейн Л.* Философские работы (часть I) / Пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева. М., 1994.

5. Знатки, ведуны и чернокнижники. Колдовство и бытовая магия на русском Севере: сб. матер. фольклорных экспедиций / Под ред. А. Б. Мороза. М., 2012.

6. Русские заговоры и заклинания: матер. фольклорных экспедиций МГУ / Под ред. В. П. Аникина. URL: http://www.philol.msu.ru/~folk/old/sci%26pub/rzz.htm.

7. Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры / Сост. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников, Н. В. Леонова. Новосибирск, 1997.

8. *Остин Дж.* Слово как действие. Пер. с англ. А. А. Медниковой// Новое в зарубежной лингвистике: сб. науч. тр. Вып. 17. Теория речевых актов / Сост. И. М. Кобозева и В. З. Демьянков. М., 1986. С. 22–131.

9. Сёрль Дж. Классификация иллокутивных актов. Пер. с англ. В. З. Демьянкова // Новое в зарубежной лингвистике: сб. науч. тр. Вып. 17. Теория речевых актов / Сост. И. М. Кобозева и В. З. Демьянков. М., 1986. С. 170–195.

REFERENCES

1. Apresian Iu. D. (1986) Performativy v grammatike i slovare [Performatives in grammar and vocabulary]. *Izvestiia AN SSSR. Seriia literatury i iazyka [The news of the Academy of Sciences of the USSR. Literature and language series]*, no. 3 (45), pp. 208–223. (in Russian)
2. Vendler Z. (1985) Illokutivnoe samoubiistvo [Illocutfonary suicide]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike [The new in foreign linguistics: collection of scientific papers]*, iss. 16. Lingvisticheskaia pragmatika [Linguistic pragmatics]. Moscow, pp. 238–251. (in Russian)
3. Vinogradov G. S. (1915) Samovrachevanie i skotolechenie u russkogo starozhilogo naseleniia Sibiri [Self-healing and cattle treatment of the old Russian population of Siberia]. In: *Zhivaia starina [The living antiquity]*, iss. 4, pp. 325–432. (in Russian)
4. Vitgenshtein L. (1994) *Filosofskie raboty [Philosophical works]*, part 1, Moscow. (in Russian)
5. Moroz A. B., ed. (2012) *Znatki, veduny i chernoknizhniki. Koldovstvo i bytovaia magiia na russkom Severe: cb. materialov fol'klornykh ekspeditsii [The experts, the sorcerers and the wizards. Witchcraft and house magic in the Russian North]*. Moscow. (in Russian)
6. Anikin V. P. *Russkie zagovory i zaklinaniia: materialy fol'klornykh ekspeditsii MGU [Russian spells and incantations: materials of folklore expeditions of Moscow State University]*. Available at: http://www.philol.msu.ru/~folk/old/sci%26pub/rzz.htm (accessed 09.05.2019). (in Russian)
7. Bolonev F. F., Mel'nikov M. N., Leonova N. V., comp. (1997) *Russkii kalendarno-obriadovyi fol'klor Sibiri i Dal'nego Vostoka: Pesni. Zagovory [Russian calendar and ritual folklore of Siberia and the Far East: Songs. Spells]*. Novosibirsk. (in Russian)
8. Ostin J. (1986) Slovo kak deistvie [How to do things with words]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike [The new in foreign linguistics]*, iss. 17. Teoriia rechevykh aktov [Theory of speech acts]. Moscow, pp. 22–131. (in Russian)

[представляем новые книги. рецензии]

Щукина Д. А. Русская литература XXI века...

(Начало на с. 11)

следователем, на основе швейцарской географии «сцепить, Русскую историю в самых непривычных комбинациях» (с. 71). Повествование Шишкина, наполненное огромным количеством персонажей русской культуры, благодаря комментариям в рецензируемом исследовании несомненно приобретёт притягательный интерес для читателя.

Нет сомнения в том, что абсолютно оправданно своё место в исследовании приобретает и детективный жанр: Б. Акунин со своим «Весь мир театр». С одной стороны, показано, что читатель имеет дело с детективным жанром (убийство), с другой — и это черта уже постмодернистской эпохи — афоризм Шекспира в заголовке становится объектом интерпретации четырёх персонажей — носителей разных социокультурных представлений. Так детектив как жанр становится принадлежностью современной культуры, нацеленной на размышления о добре и зле в их причинной обусловленности.

В рассмотренном ряду понятным становится и включение в монографию сведений о японской модели культуры, зона существования которой не ограничивается текстами Акунина, но оказывается значимой и для такого писателя, как В. Пелевин. Особенности этого типа культуры, в интерпретации автора, «проецируется на размышления об экзистенциальных основах человеческой жизни, на диалог человека с окружающим миром вообще и с самим собой» (с. 92).

Содержательное и жанровое разнообразие современной литературы, представленное на характерных примерах во второй главе, определяют обращение автора к её языку. Его особенности демонстрируются на примере романа В. Пелевина «Empire “V” Ампир “В”», который «впитал» в себя характерные черты современного языкового состояния. В частности, показано, как игровая основа обиходного дискурса и его стилистическая сниженность отражаются в современном художественном тексте, мотивируя его аномалии.

Отметим, что все выявленные и описанные на примере отмеченных критикой и читательским вниманием произведений особенности современной литературы рассматриваются в прикладном аспекте: как основа работы над повышением культуры речи и в школьном преподавании, обозначившим тенденцию к сближению дисциплин: русский язык и литература.

Пространство как универсальная текстовая категория пронизывает все части книги, поэтому её органичным заключением является размышление о трёх романах Евг. Водолазкина («Лавр», «Авиатор» и «Брисбен»), в хронотопе которых художественно выражено философское переосмысление диалектики пространства и времени.

Круг привлекаемых Д. А. Щукиной текстов, разумеется, не охватывает всего пространства новейшей русской литературы (что и не являлось задачей автора), но фрагмент этого пространства весьма репрезентативен. Д. А. Щукина вводит в филологический обиход последние по времени создания романы В. Пелевина и Евг. Водолазкина («Тайные виды на гору Фудзи», «Брисбен»), произведения Е. Чижовой, Е. Гришковца и других авторов не только элитарной, но и массовой литературы. В то же время хотелось бы подробнее познакомиться с современными художественными текстами, думается, что расширение отбора произведений для анализа позволит автору в дальнейшем представить более целостную картину русской литературы XXI века.

И. А. Мартьянова,
д-р филол. наук., проф. РГПУ им. А. И. Герцена

А. Д. Баранчикова, А. Н. Сперанская

DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12019

ДИНАМИКА ГЛАГОЛЬНОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ СУБСТАНТИВА *КЛЯТВА* ПО ДАННЫМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА

ANASTASIIA D. BARANCHIKOVA, ALEVTINA N. SPERANSKAIA
DYNAMICS OF VERBAL COMPATIBILITY OF THE LEXEME *OATH* ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS

Анастасия Денисовна Баранчикова
Стажёр
Лаборатория Касперского
Ленинградское шоссе, 39А, стр. 3, Москва, 125212, Россия
► adbaranchikova@gmail.com

Алевтина Николаевна Сперанская
Кандидат филологических наук, доцент института иностранных языков и литературы
Университет Ланьчжоу
ул. Южная Тяньшуй, 222, Ланьчжоу, провинция Ганьсу, 730000, Китай
► alsperanskaya@yandex.ru

Anastasiia D. Baranchikova
Kaspersky Lab
39A/3 Leningradskoe shosse, Moscow, 125212, Russia

Alevtina N. Speranskaia
Lanzhou University
222 South Tianshui Road, Lanzhou, Gansu Province, 730000, P. R.China

В статье исследована частотность сочетаний лексемы *клятва* с глаголами. Рассмотрена динамика изменения данных словоупотреблений на материале Национального корпуса русского языка на протяжении XVIII–XXI вв. Выявлены предикаты, называющие наиболее частотные прагматические действия при описании коммуникативной ситуации, связанной с клятвой.

Ключевые слова: клятва; речевой жанр; сочетаемость; диахрония.

The article investigates the frequency of combinations of the lexeme *oath* with verbs, and the dynamics of these word usage changes on the material of the Russian National Corpus of the 18th and 19th centuries. The predicates, which name the most frequent pragmatic actions in the description of the communicative situation connected with the oath, are revealed.

Keywords: oath; speech genre; lexical compatibility; diachrony.

За последние несколько лет вышли сразу несколько статей разных авторов, посвященных клятве [11; 12; 15]. Подробное исследование было осуществлено Н. Ш. Галлямовой, в нем рассмотрены иллокутивные цели обещания и клятвы по авторской методике описания [4]. Такое внимание к субстантиву *клятва* имеет, возможно, внелингвистические причины — актуализировалась социальная сторона этого речевого действия. Перформатив *клянусь* и идиома *даю клятву* принадлежат к классу комиссивов, которые выражают обещания и другие взятые на себя обязательства [10]. Глаголы *обещать, давать (честное) слово, сулить, клясться, обязываться* ориентированы в будущее и предполагают передачу адресату слова, которое рассматривается как залог того, что сказанное будет обязательно выполнено [2]. В. И. Карасик выделил четыре базовых типа комиссивов: обиходные, ритуальные, институциональные и гарантийные [6: 64].

Наш интерес к речевому жанру *клятва* связан с изучением народного кодекса речевого поведения, который эксплицируется с опорой на паремии и включает правила, регулирующие коммуникацию в обыденной сфере [14]. В коммуникативном паремиконе (о термине см.: [13])

есть место и жанрам бытового общения. Клятве посвящено не так много текстов, в отличие от *божбы* (в работе [8] автор не делает различий между клятвой и божбой, нам же представляется важным развести эти понятия). Несмотря на небольшое количество паремий о клятве, этот жанр является одним из значимых для русской ментальности (о клятве в других лингвокультурах см., например: [7; 9; 12]). В данной работе исследована частотность сочетаний лексемы *клятва* с глаголами и рассмотрена динамика изменения данных словоупотреблений на материале Национального корпуса русского языка. Также перечислены признаки, по которым определяются общие свойства и различия такого ряда близких речевых жанров, как *обещание, зарок, обет, присяга, слово* («обещание, уверение»), *божба*, которые в словаре Н. Абрамова указаны в качестве синонимов [1].

По лексикографическим описаниям слова «клятва» в современных толковых словарях можно представить следующую дефиницию: *Клятва* — это серьезное, торжественное утверждение, уверение, обещание сделать некое действие или не делать его, иногда подкрепленное упоминанием чего-либо священного, ценного, авторитетного, дорогого для лица, которое обещает что-либо или уверяет в чем-либо. Близкие речевые жанры отличаются обстоятельствами, предметом даваемого обещания и степенью обязательности выполнения данного обещания, его «нерушимости». *Обет* является первым по степени надежности, что связано с его сакральным происхождением [5]. На противоположном конце своеобразной шкалы надежности находится *обещание* — наиболее распространенная бытовая форма обязательства. Оно добровольно и не всегда предполагает обязательное исполнение, что отразилось в сочетании *кормить обещаниями* — часто обещать что-либо и не выполнять обещанного. *Зарок*, *божба* и *присяга* обладают уточнениями: клятва не делать чего-либо; клятва именем Бога; военная клятва, что позволяет выделить *зарок*, *божбу* и *присягу* как подвиды клятвы, которые различаются содержанием. Речевой жанр *слово* имеет в своем составе семы ‘обещание’ (см. одно из значений: «Обязательство сделать, выполнить что-либо; обещание» [3]) и ‘клятва’ (ср. контексты: *Связать себя словом; Быть хозяином своего слова; Крепка окова, да еще крепче слово* и др.). Последнее позволяет рассматривать *слово* и *клятву* как понятия, которые обладают одинаковой степенью ответственности и «нерушимости». Различаются они тем, что нарушение *слова* карается совестью и потерей репутации, а нарушение *клятвы* подразумевает еще и наказание свыше или попрание ценного, того, чем поклялся (см. работу о ценностях в клятве: [16]).

Рассмотренные речевые жанры имеют в своем составе сему ‘обещание’, что позволяет объединить их в лексико-семантическое поле «**обещание**». Оно включает «слово», «обет» и «клятву». Поле «клятва» включает в себя три простых поля: «присяга», «зарок» и «божба». Лексико-семантические поля «слово» и «клятва» находятся в отношениях нулевой оппозиции, различаясь ассоциативными семами. Назовем признаки внутреннего содержания каждой из лексем:

- «обещание»: обязательство; гарантия; добровольное; может быть нарушено без серьезных последствий; нарушение карается совестью;
- «клятва»: утверждение; уверение; обещание; торжественное; нерушимое; со ссылкой на авторитет или что-то ценное; имеет принадлежность (чья?); кому и чем клянутся; нарушение карается высшими силами (тем, чем поклялся), совестью;
- «обет»: обещание; обязательство; предписание; религиозное; нерушимое; богоугодное; книжное; на всю жизнь; нарушение карается Богом;
- «слово»: обещание; уверение; обязательство; клятва; имеет принадлежность (чье?); подкрепляется честью дающего слово; нарушение карается совестью;
- «зарок»: обещание; клятва не делать что-либо; завет; обет; заклятье; нарушение карается высшими силами, совестью;
- «божба»: клятва; уверение; процесс; клятва именем Бога; нарушение карается Богом;
- «присяга»: обещание; клятва верности; военная; торжественное обещание; официальное обещание; нарушение карается совестью.

Чтобы выявить особенности реализации внутреннего содержания лексемы *клятва*, проанализируем ее функционирование на материале контекстов, содержащихся в Национальном корпусе русского языка (http://www.ruscorpora.ru). В нем зафиксировано 2824 контекста, в ко-

торых употребляется слово *клятва* в сочетании с различными частями речи: глаголами, прилагательными, местоимениями и существительными. В рамках данной работы будет рассмотрена глагольная сочетаемость и прослежена ее динамика во времени.

По векам употребления распределяются следующим образом: XVIII век (1727–1799 гг.) — 71 контекст, что составляет 3% от общего словоупотребления; XIX век (1800–1899 гг.) — 459 контекстов (17%); XX век (1900–1999 гг.) — 1660 контекстов (60%) и XXI век (2000–2013 гг.) — 535 контекстов (20%). В целом такое неравномерное распределение контекстов соотносится с общим процентным распределением материалов по периодам в Национальном корпусе русского языка: XVIII век — 1,7%; XIX век — 19,5%; XX век — 55,7%; XXI век — 23,2%. Это позволяет предположить, что частота употребления субстантива *клятва* более или менее неизменна в разные эпохи.

Рассмотрение предикатов, связанных с *клятвой*, показывает следующую картину.

В контекстах XVIII века использовано 26 разных лексем. При этом *клятву* можно *говорить, изречь, повторять, твердить, испущать* — 5 контекстов для совокупности данных лексем, объединенных в группу глаголов говорения; *помнить, нарушить, преступить* (синоним *прейти*) — по 4 контекста; *дать, забыть* (синоним *не помнить*) — по 3; *исполнить, утвердить, утверждать* — по 2 контекста. В клятву можно *верить* (2); ею можно *обязать* (2), а также ее можно *хранить* (2). К единичным словоупотреблениям относятся предикаты *заклясть, изменить, попрать, улететь, разуметь, соблюдать, обещать, внимать*. Среди предикатов нет одной ярко выраженной доминанты, самые часто встречающиеся глаголы, с которыми сочетается *клятва,* распределены следующим образом: *говорить* — 12%, *нарушить* — 10%, *помнить* — 10%, *преступить* — 10%), *дать* — 7%, *забыть* — 7%. Таким образом, частотные предикаты актуализируют следующие действия прагматической ситуации, связанной с клятвой: произнесение, возможность нарушения, необходимость помнить.

В текстах XIX века увеличивается количество глаголов, связанных с *клятвой,* — встречается 58 различных предикатов. Среди них по количеству лидирует *давать/дать* — 85 словоупотреблений, то есть 32% от общего количества контекстов. Частотны предикаты с семой ‘говорение’: *произнести, объявить, шептать, говорить, продиктовать* — 20 словоупотреблений, то есть 7%; а также глаголы *взять* — 7%, *преступить* — 6%, *утвердить* — 5%, *положить* — 5%. Предикаты *нарушить* и *сдержать* (и синоним *сохранить*) встречаются в 10 контекстах, что составляет 4%; *забыть* — в 9 контекстах. В группу не частотных предикатов входят *верить, уверить, поверить* — в совокупности 8 контекстов; *заключить* — 7; *повторять* и *изменить* — по 6; *(на)помнить, заключить, связать* и синоним *обязать* — по 5; *подтвердить, слышать, поклясться* (по 4); *запечатлеть, требовать, освободиться, написать* — по 3. Предикаты, встречающиеся в двух контекстах: *тяготить, принять, принуждать, запрещать, освятиться, разрушить, раздаваться, грозить, существовать, уверять, быть*. К единичным относятся *терпеть, брать, отступить, чтить, скрепить, прочесть, принести*. Подытоживая наблюдения, можно сказать, что в текстах этого периода главным прагматическим действием при описании коммуникативной ситуации, связанной с клятвой, является ее объявление. Это выражается в большом количестве контекстов, в которых реализована данная идея с помощью различных предикатов, самым частотным из которых является сочетание *дать клятву*.

В произведениях XX века среди встречающихся в корпусе 43 предикатов доминирующим по частотности является *давать/дать* — 134 словоупотребления (27% от всех контекстов). Таким образом, закрепляется лидерство этого предиката, реализующего в сочетании с *клятвой* значение «предоставить что-либо; обеспечить кому-либо, что-либо, сделать возможным для кого-либо» [3] и составляющего идиому *дать клятву*. Другие предикаты используется заметно меньше: *нарушить* (синоним *преступить), сдержать, взять/брать* — 20, 19 и 18 словоупотреблений соответственно, что в среднем составляет по 4%;

принести, (вс)помнить, связать, исполнить (синоним *выполнить)* — по 3%, то есть от 16 до 13 словоупотреблений. Группа глаголов говорения (*произнести, крикнуть, заявлять, сказать, отвечать, говорить*) составляет 3%. Совсем небольшое количество, до 7 раз, приходится на сочетания с предикатами *забыть, слышать, приходилось изменять*. Предикаты, которые упоминаются от пяти до трех раз: *положить, потребовать, напомнить, произнести, звучать, клясться, писать, повторить, принять, обещать, запрещать, снять, искупить, уверять*. К единичным относятся *обязать, сопровождать, хранить, вернуть*.

В текстах первой четверти XXI века использовано 37 лексем в 239 контекстах, среди которых продолжает лидировать *давать/дать* — 36% (78 словоупотреблений). К частотным относятся *нарушить* — 10% (24 контекста), а также группа, включающая глаголы говорения (*произносить, повторять, заявлять, прозвучать*), — 12% (28 контекстов). Далее следуют предикаты *приносить* (8%), *брать* (6%), *исполнить* и синоним *выполнить* (4%), *держать* (3%), *требовать* (2,5%), *(вс)помнить, верить* (по 2%). Предикаты, встречающиеся от четырех до трех раз: *подписать, отменить, слышать, знать*. Глаголы, употребляющиеся один или два раза: *поклясться, сопровождать, изменить, вырвать, сдержать, запретить, снять, скрепить, лежать*.

В общем виде в лексической сочетаемости лексемы *клятва* с глаголами наблюдается следующая динамика. В текстах XVIII века разнообразие сочетаний представлено несколькими слабо выраженными доминантами — 5 предикатов из 26 лексем. К XIX веку выделяется яркая доминанта — сочетание *дать/давать клятву* и возрастает количество глагольных лексем, сочетающихся с данным субстантивом, — 18 единиц. В текстах XX века сохраняется доминанта идиомы *дать/давать клятву*, количество употреблений которой в несколько раз превышает другие сочетания. В текстах XXI века наблюдается уменьшение предикатов, связанных с *клятвой*. Характерными частотными для каждого периода являются глаголы *говорить, помнить* (XVIII век), *преступить, утвердить положить* (XIX век), *сдержать, связать* (XX век). Постоянными предикатами на протяжении всего рассмотренного периода являются *дать* и *нарушить*.

Подытоживая наблюдения о динамике глагольных сочетаний, можно сказать, что объем предикативной лексики подвижен, он расширяется за счет включения новых глаголов, тем самым у речежанровой лексемы *клятва* создаются новые семантические связи. Глагольные константы *дать* и *нарушить* представляют структурные признаки клятвы, наряду с глаголами говорения, количественный состав и содержание которых меняется в зависимости от временно́го периода. Эти константы актуализируют такие признаки внутреннего содержания лексемы, как осуществление действия и его нарушение. Следовательно, при описании коммуникативной ситуации, связанной с *клятвой*, внимание участников в первую очередь сосредоточено на двух актах: на ее объявлении, то есть на самом факте клятвы, и на ее нарушении. Это приводит к следующему наблюдению. Использование клятвы как жанра, ориентированного на исполнение взятых на себя клянущимся обязательств, предполагает и другое событийное будущее — невыполнение обещанного. Таким образом, в работе показано, что знания о речевом жанре и о речевом поведении можно извлекать и из наблюдений за сочетаемостью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М., 1999.

2. *Апресян Ю. Д., Гловинская М. Я.* Обещать 1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. 2-е изд., испр. / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М., 1999. С. 236–241.

3. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.

4. *Галлямова Н. Ш.* Речевой акт «обещание, клятва» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический, функционально-прагматический аспекты // Язык и культура. 2010. № 3 (11). С. 16–32.

5. *Карабыков А. В.* Прагматика обета в европейской культуре Средних веков // Вестн. Омского ун-та. 2012. № 1. С. 166–172.

6. *Карасик В. И.* Комиссив как поступок: лингвокультурные характеристики // Жанры речи. 2016. № 2. С. 56–66.

7. *Маслова А. Ю.* Семантико-прагматические особенности речевого акта клятвы в сопоставительном аспек-

те (на матер. русского, сербского и болгарского языков) // Вестн. Нижегородского ун-та. № 6 (2). 2011. С. 414–417.

8. *Митронов И. А.* Концепт «клятва» в русских паремиях // Известия ВГПУ. Филол. науки. 2017. № 8 (121). С. 126–129.

9. *Мостафави Г. Х., Касеми М.* Социологические подходы к рассмотрению речевого акта клятва в русской и персидской лингвокультурах // Междунар. науч. журн. «Символ науки». 2017. № 12. С. 79–83.

10. *Остин Дж.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 22–130.

11. *Санников С. В.* Клятва и присяга как перформативные акты «микрофизики» власти // Universum: Филология и искусствоведение: электрон.научн. журн. 2017. № 10 (44). URL: http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5171.

12. *Сиразиева З. Н.* Специфика и средства реализации прагматических функций речевого жанра «клятва» в русско- и англоязычном общении // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2015. № 4 (28). С. 41–46.

13. *Сперанская А. Н.* Далевский паремикон о речи // Язык и социальная действительность: Науч. журн. Красноярск, 2011. № 2. С. 31–42.

14. *Сперанская А. Н.* Правила речевого поведения в русских паремиях: Дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1999.

15. *Чесноков И. И.* Речевой акт «клятва»: эксплицитные перформативные высказывания // Известия ВГПУ. Филол. науки. 2016. № 3. С. 110–113.

16. *Чесноков И. И., Чеснокова П.* Аксиологические параметры речевого акта «клятва» в русской и чешской лингвокультурах // Известия ВГПУ. Филол. науки. 2017. № 6 (119). С. 110–115.

REFERENCES

1. Abramov N. (1999). *Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazhenij [Dictionary of Russian synonyms and similar expressions]*. Moscow. (in Russian)

2. Apresian Iu. D., Glovinskaia M. Ia. (1999) Obeshchat' 1 [Promise 1]. In: *Novyi ob"iasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo iazyka. Pervyi vypusk. [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language. Initial release]*. Moscow, pp. 236–241. (in Russian)

3. Kuznetsov S. A. (1998) *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [*Large explanatory dictionary of the Russian language*]. **St. Petersburg** (in Russian)

4. Galliamova N. Sh. (2010) Rechevoi akt «obeshchanie, kliatva» v russkoi iazykovoi kartine mira: lingvokul'turologicheskii, funktsional'no-pragmaticheskii aspekty [Speech act «promise, oath» in the Russian language picture of the world: linguoculturological, functional and pragmatic aspects]. *Iazyk i kul'tura [Language and culture]*, no. 3 (11), pp. 16–32. (in Russian)

5. Karabykov A. V. (2012) Pragmatika obeta v evropeiskoi kul'ture Srednikh vekov [Pragmatics of the vow in European culture of the Middle ages]. *Vestnik Omskogo universiteta [Bulletin of Omsk University]*, no. 1, pp. 166–172. (in Russian)

6. Karasik V. I. (2016) Komissiv kak postupok: lingvokul'turnye kharakteristiki [The comissiv as an act: linguistic and cultural characteristics]. *Zhanry rechi [Speech genres]*, no. 2, pp. 56–66. (in Russian)

7. Maslova A. Iu. (2011) Semantiko-pragmaticheskie osobennosti rechevogo akta kliatvy v sopostavitel'nom aspekte (na materiale russkogo, serbskogo i bolgarskogo iazykov) [Semantic and pragmatic features of the speech act of the oath in the comparative aspect (by the material of Russian, Serbian and Bulgarian languages)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta [Bulletin of Nizhny Novgorod University]*, no. 6 (2), pp.414–417. (in Russian)

8. Mitronov I. A. (2017) Kontsept «kliatva» v russkikh paremiiakh [The concept of «oath» in Russian Proverbs]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki [News of Volgograd state pedagogical University. Philological science]*, no. 8 (121), pp. 126–129. (in Russian)

9. Mostafavi G. Kh., Kasemi M. (2017) Sotsiologicheskie podkhody k rassmotreniiu rechevogo akta kliatva v russkoi i persidskoi lingvokul'turakh [Sociological approaches to the consideration of the oath speech act in Russian and Persian linguistic cultures]. *Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal «Simvol nauki» [International scientific journal «Symbol of science»]*, no. 12, pp. 79–83. (in Russian)

10. Ostin J. (1986) Slovo kak deistvie [Word as action]. In: Novoe *v zarubezhnoi lingvistike [New in foreign linguistics]*, iss. 17: Teoriia rechevykh aktov [Theory of speech acts]. Moscow, pp. 22–130. (in Russian)

11. Sannikov S. V. (2017) Kliatva i prisiaga kak performativnye akty «mikrofiziki» vlasti [Oath and oath as performative acts of «microphysics» of power]. *Universum: Filologiia i iskusstvovedenie: elektronnyi nauchnyi zhurnal [Universum: Philology and art history: electronic scientific journal]*, no. 10 (44). Available at: http://7universum.com/ru /philology /archive/item/5171. (accessed 16.09.2018). (in Russian)

12. Sirazieva Z. N. (2015) Spetsifika i sredstva realizatsii pragmaticheskikh funktsii rechevogo zhanra «kliatva» v russko- i angloiazychnom obshchenii [Specificity and means of realization of pragmatic functions of the speech genre «oath» in Russian and English communication]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 2. Iazykoznanie [Bulletin of Volgograd state University.* Series *2. Linguistics]*, no. 4 (28), pp. 41–46. (in Russian)

13. Speranskaia A. N. (2011) Dalevskii paremikon o rechi [Paremia of speech in the collection of V. I. Dal]. *Iazyk i sotsial'naia deistvitel'nost' [Language and social reality]*, no. 2, pp. 31–42. (in Russian)

14. Speranskaia A. N. (1999) *Pravila rechevogo povedeniia v russkikh paremiiakh [Rules of speech behavior in Russian paroemias]* (Candidate's thesis, Philology), Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk. (in Russian)

15. Chesnokov I. I. (2016) Rechevoi akt «kliatva»: eksplitsitnye performativnye vyskazyvaniia [Speech act «oath»: explicit performative statements]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki [News of Volgograd state pedagogical University. Philological science]*, no. 3, pp. 110–113. (in Russian)

16. Chesnokov I. I., Chesnokova P. (2017) Aksiologicheskie parametry rechevogo akta «kliatva» v russkoi i cheshskoi lingvokul'turakh [Axiological parameters of the speech act «oath» in Russian and Czech linguistic cultures]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki [News of Volgograd state pedagogical University. Philological science]*, no. 6 (119), pp. 110–115. (in Russian)

[предлагаем вашему вниманию]

Глазунова О. И. **Лингвистика в контексте естественно-научной парадигмы познания: фундаментальные физические теории в приложении к языку и мышлению.** — М.: ЛЕНАНД, 2018. — 400 с.

Как материальный объект язык подчиняется законам развития внешнего мира, как продукт сознания он выступает в качестве средства его систематизации и оценки. Успехи в области естественно-научных дисциплин создали предпосылки для того, чтобы сосредоточить усилия на поисках аналогий между языком и законами окружающей нас действительности.

В своих исследованиях автор обращается к естественно-научным и философским проблемам, которые долгое время находились вне поля зрения филологов, а потому не учитывались ими в процессе изучения языка. В книге в доступной форме рассказывается о категории времени, о физических аспектах природы материи и сознания, о веществе и антивеществе, определяющих объективные и субъективные факторы внутреннего развития человека, и о том, каким образом фундаментальные физические теории находят воплощение в языке на самых разных уровнях его организации и развития.

А. В. Уржа

DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12024

НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКИХ ПЕРЕВОДНЫХ НАРРАТИВАХ (КОНЕЦ XIX–XX вв.): МОДУСНАЯ СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА

ANASTASIA V. URZHA

INDEFINITE PERSONAL CONSTRUCTIONS IN RUSSIAN TRANSLATED NARRATIVES (THE END OF 19TH–20TH CENTURIES): MODAL SEMANTICS, PRAGMATICS

В фокусе исследования — детальное описание модусной семантики неопределенно-личных конструкций, используемых русскими переводчиками при интерпретации англоязычных нарративов. В статье выделяются и описываются три компонента модусной семантики: дейктический, эпистемический и аксиологический, а также сопровождающие их прагматические приемы отчуждения, умолчания и дефокусирования.

Ключевые слова: неопределенно-личные предложения; дейксис; модальность; оценка; дефокусирование; перевод.

The article is focused on describing the semantics of indefinite personal sentences, used in Russian translations of English narratives. Three semantic components — deictic, epistemic and evaluative — are distinguished and described together with the correlating pragmatic devices of alienating, defocusing and keeping in suspense.

Keywords: indefinite personal sentences; deixis; modality; evaluation; backgrounding; translation.

Анастасия Викторовна Уржа

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Россия

► English2@yandex.ru

Anastasia V. Urzha

Lomonosov Moscow State University

GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

Отправной точкой для исследования, результаты которого положены в основу статьи, стала дискуссия о том, насколько оправдано включение материала о неопределенно-личных предложениях в спецкурсы по модусной семантике [16]. Действительно, значение неопределенно-личности (то есть указание на неопределенность личного субъекта действия или состояния, иначе говоря, на характер протагониста в пропозиции) традиционно рассматривается в зоне диктумных смыслов высказывания (см. обзоры в: [5; 18]). В этом плане неопределенно-личные предложения (*В дверь постучали*) примыкают к крупной группе конструкций со значением неопределенного личного субъекта, который может быть выражен также неопределенным местоимением (*В дверь кто-то постучал*) или номинацией с аналогичным значением (*Неизвестно кто постучал в дверь, Какой-то человек постучал в дверь*), девербативом с незаполненной субъектной валентностью (*Стук в дверь*) и т. п. Во всех подобных случаях речь идет о характеристике субъекта диктума — личного, но при этом неопределенного по причине неизвестности или, как нередко отмечают, неважности

в контексте сообщения, а порой и по причине нежелания говорящего высказаться об этом субъекте более конкретно. Можно сделать два предварительных наблюдения: во-первых, в ряду вышеперечисленных причин, по которым субъект оказывается неопределенным, собственно семантические черты высказывания соединяются с прагматическими, и, во-вторых, черты эти имеют прямое отношение не только к субъекту диктума, но и к говорящему: к его осведомлённости о происходящем и сфокусированности на определенных деталях события.

Следовательно, семантика неопределенно-личных предложений может быть охарактеризована не только в диктумном, но и в модусном плане. Кроме того, она связана с определенным набором прагматических свойств, реализуемых соответствующими конструкциями в составе текста или в речевой ситуации. За последние несколько десятилетий опубликовано значительное количество научных работ (как в сфере русистики, так и в сфере лингвистической типологии), освещающих специфику употребления неопределенно-личных предложений [1; 2; 3; 4; 6; 9; 10 и др.], но, на наш взгляд, разграничение семантики и прагматики этих конструкций не проводится последовательно (ср.: [15: 417]).

Кроме того, сама модусная семантика неопределенно-личных предложений не описана системно на фоне существующих классификаций модусных категорий. Один из наиболее авторитетных реестров модусных смыслов, предложенный Т. В. Шмелёвой, включает актуализационные категории (персонализация, временная и пространственная локализация), квалификативные категории (собственно модальность, персуазивность, авторизация и оценка), а также социальные категории [19: 82–94]. Однако среди средств выражения вышеперечисленных смыслов неопределенно-личные предложения не рассматриваются. Нет в реестре и каких-либо других модусных смыслов, связанных с неопределенно-личностью. В списке эгоцентриков — средств, реализующих субъективные смыслы в высказывании, — предложенном Е. В. Падучевой, наряду с дейктиками, словами с эмотивно-оценочной семантикой, предикатами внутреннего состояния, предикатами со значением сходства и подобия, показателями идентификации, словами со значением неожиданности, метатекстовыми элементами и т. п., обнаруживаются неопределенные местоимения и наречия, которые «имеют семантическую потребность в субъекте сознания» [11: 282], а также «слабоопределенные местоимения» (типа *он женат на* ***одной*** *полячке*), «выражающие неопределенность идентификации объекта, которая входит в намерение говорящего» [Там же: 261], однако неопределенно-личные конструкции в список не включены (уровень синтаксических конструкции в нём не задействован).

В целом ряде работ Н. К. Онипенко и Е. Н. Никитиной описывается участие неопределенно-личных предложений в формировании «эгоцентрической техники» повествования, реализации определенной точки зрения в тексте, уделяется пристальное внимание «грамматике и поэтике» таких конструкций [6; 7; 8; 9]. Однако авторы не ставят перед собой задачу сопоставить неопределенно-личные предложения с другими средствами выражения модусных смыслов (в плане модальности, оценки и т. п.).

Цель данной статьи — представить список модусных смыслов, реализуемых русскими неопределенно-личными предложениями, а также отметить коррелирующие с этими смыслами прагматические свойства, побуждающие говорящего прибегать к подобным конструкциям в речи и в тексте. Основным материалом для исследования стали не только оригинальные русские тексты, но и переводы англоязычных произведений: выбор переводчиком неопределенно-личного предложения при отсутствии соответствующей конструкции в языке оригинала априори не может быть калькой, он помогает реализовать в создаваемом тексте определенную семантику и прагматику, которая, как мы отметили выше, и является объектом нашего интереса.

В качестве вводного примера разберем фрагмент из повести анималиста Джеральда Даррелла “The Bafut Beagles” («Гончие Бафута») в переводе Э. Кабалевской. Речь в тексте идет

о двух диких поросятах, живших у рассказчика в лагере:

> *«Свинка была много старше (поросёнка) и скоро научилась заедать молоко мелко нарубленными овощами и фруктами. Я давал им по бутылочке молока, а потом ставил в клетку неглубокую миску, наполненную этой смесью, и свинка проводила целое утро, зарывшись в еду носом, удовлетворенно чавкала, похрюкивала, посапывала, а порой мечтательно вздыхала. Малыш не понимал, чем она так занята, но его очень оскорбляло, что* ***им пренебрегают****: он подходил и толкал ее пятачком или покусывал за ноги. Под конец это ей надоедало, она набрасывалась на него с яростным хрюканьем и отгоняла подальше. Поросенок не раз пытался выяснить, что же именно так привлекает ее в этой миске, но рубленые фрукты его ничуть не волновали, и он мрачно отходил и сидел в углу, одинокий и несчастный, пока она не расправлялась со всей едой»* (Пер. Э. Кабалевской, 1973).

Выделенная конструкция *им пренебрегают* представляет собой неопределенно-личное предложение. Она органично включена переводчиком в контекст, однако стоит отметить, что субъект в данном предложении не является ни неопределенным, ни личным — речь идет о конкретном животном. Итак, распространенные диктумные характеристики субъекта неопределенно-личной конструкции здесь не реализуются. Почему же переводчица предпочитает именно это предложение в качестве коррелята английской пассивной конструкции (*The little male could not understand this, and he used to become very incensed* ***at being ignored***)? На первый план здесь выходят сопряженные с неопределенно-личным предложением модусные смыслы и специфические прагматические акценты. Рассмотрим их подробнее.

1. Дейктическое противопоставление Я — не-Я и прагматика отчуждения

Лингвисты давно отмечают, что предложениям с неопределенно-личной семантикой свойственно акцентировать так называемую «исключённость говорящего» из круга действующих лиц. Г. А. Золотова называет этот признак эксклюзивностью в противоположность инклюзивности предложений с обобщенным субъектом: «С точки зрения соотношения говорящего и действующего лиц предложения с неопределенным субъектом характеризуются признаком эксклюзивности, исключенности: говорящий не входит в круг возможных субъектов действия» [3: 116]. Аналогичное наблюдение находим у Т. В. Булыгиной: «Во всех случаях референция производится к „посторонним“, к лицам, из числа которых исключается протагонист» [2: 341].

Представляется, что отмеченное исследователями дистанцирование говорящего от субъекта диктума является специфическим эгоцентрическим смыслом, нередко сопутствующим использованию предложений с неопределенно-личным субъектом. Актуализируя оппозицию *своё — чужое*, оно может быть осмыслено по аналогии с дейктическим противопоставлением *я — не-я*. Нередко (но далеко не всегда) сопровождающее это смысловое противопоставление **оценочное** окрашивание чужого как **чуждого**, порой недружественного, возникает уже на уровне прагматики: *Оставили его одного, побежали развлекаться, ан не получилось. <…> Слушали меня холодно, глядели отчужденно* (Н. Ильина).

Е. Н. Никитина в статье «Другие в синтаксической конструкции, в образной системе и в развитии сюжета» пишет об известной фразе из «Евгения Онегина» «*Как сурова! Его* ***не видят****, с ним ни слова*»: «Когда нет условий для осмысления формы в прямом грамматическом значении, её семантика переводится в план поэтики (для изображения ощущаемой героем холодности, снисходительности и пренебрежительности со стороны антагониста)» [6: 52]. Как пишет Е. Н. Никитина, в этом случае мы смотрим на Татьяну глазами Онегина, героя, находящегося в данный момент в фокусе авторской эмпатии. Именно ему в этот момент героиня представляется чужой и даже враждебной. (Любопытно, что пушкинский прием до сих пор воспринимается как нестандартный — в современных переизданиях «Евгения Онегина» можно обнаружить вариант «Его не **видит**, с ним ни слова» [12] — результат излишней активности редакторов.)

Фокус эмпатии может смещаться и более радикально: как пишет Т. В. Булыгина, произнося фразу *Говорят тебе русским языком*, говоря-

щий словно «покидает» собственную дейктическую позицию, становясь для адресата «чужим», посторонним, враждебно настроенным деятелем [2: 341]. Добавим, что в предложениях типа *Намусорили, напачкали тут!*, подразумевающих конкретного адресата, негативная эмоция подчеркивается его перемещением в зону неопределенного, т. е. чуждого говорящему субъекта.

Отмеченный нами выше смысл *чужой (не-я)* у предложений с неопределенно-личной семантикой стоит скорее назвать не эгоцентрическим, а «альтероцентрическим», но указание на наличие «другого» в противопоставлении «своему» в конечном итоге всё равно приводит нас к «Я» говорящего, конструирующего мир в своём высказывании (ср.: [13: 104–106]. Учитывая широкое употребление этого смысла в нарративе, а не только в диалоге, в рамках субъектной сферы персонажа, будет корректнее назвать его не дейктическим, а квазидейктическим.

Н. К. Онипенко в статье «Модель субъектной перспективы и классификация эгоцентрических элементов» различает в семантическом плане так называемые «эгоцентрические нули» в предложениях с неэксплицированным субъектом. Она отмечает, что дейктические субъектные нули — это определенно-личные нули, тогда как неопределенно-личные нули имеют только кванторную природу (со значением исключения: «никто, кроме») [9: 113–114]. Можно, однако, предположить, что дейктическая и кванторная функции местоимений в нулевых показателях неопределенно-личных конструкций взаимодействуют, ведь речь идет об исключении (кванторная составляющая) говорящего (дейктическая составляющая) из сферы субъектов диктума.

Переводчики нередко активизируют соответствующий компонент семантики предложений с неопределенно-личным субъектом и сопутствующую ему прагматику отчуждения. Именно этот смысл они эксплицируют, когда речь в сюжете произведения идет о противопоставленных протагонисту персонажах.

1.1. And now when I am dead **they have set me up here** so high that I can see all the ugliness and all the misery of my city. (O. Wilde, “The Happy Prince”)

И вот теперь, когда я уже неживой, **меня поставили здесь,** наверху, так высоко, что мне видны все скорби и вся нищета моей столицы. (Пер. К. Чуковского, 1912.)

1.2. ...(‘fools’) wore motley, with caps and bells, and **were expected** to be always ready with sharp witticisms... (E. Poe, “Hop-Frog”.)

... «дураки» были одеты в пестрые костюмы... и **от них всегда ожидали метких острот** на тот или иной случай. (Пер. К. Бальмонта, 1911.)

1.3. So **they pulled down** the statue of the Happy Prince. (O. Wilde, “The Happy Prince”.)

И **свергли** статую Счастливого Принца. (Пер. К. Чуковского, 1912.)

1.4. You will never be in the best society unless you can stand on your heads. (O. Wilde, “The Devoted Friend”.)

Если вы не научитесь стоять на голове, **вас никогда не примут** в хорошее общество. (Пер. Ю. Кагарлицкого, 1960.)

Особый интерес для исследования представляет сопоставление последовательных редакций перевода, созданных одним из мастеров переводческого цеха. Ниже приведены две редакции перевода рассказа Рэя Брэдбери “Tomorrow’s child”, предложенные Норой Галь (первая редакция называется «А ребенок — завтра», вторая «И все-таки он наш»). Работая над текстом, переводчица намеренно заменяет близкое к оригиналу двусоставное предложение с определенно-личным субъектом (*Они задразнят его до смерти*) неопределенно-личным вариантом (*Его в два счета задразнят до смерти*), выводящим обозначение агрессивного деятеля за пределы текста, фокусирующим внимание читателя на состоянии жертвы издевательств (см. пример 2.1.). Последовательно отражая в переводе задуманное автором противопоставление главных героев, в семье которых родился необычный ребенок-пирамидка, и чуждого мира окружающих людей, неспособных принять такого малыша, Нора Галь для интерпретации пассивных конструкций предпочитает неопределенно-личное предложение даже предложению с неопределенным местоимением (см. пример 2.2), и такое решение продиктовано стремлением передать не только диктумную семантику предложения с неизвестным субъектом, но и его прагматическую окраску (главный герой, потрясенный известием о рождении «странного» сына, совершенно одинок в своем горе).

R. Bradbury "Tomorrow's child"
1-я ред. перевода Норы Галь («А ребенок — завтра»)
2-я ред. перевода Норы Галь («И всё-таки он наш»)

2.1. This child can't be allowed to have normal playmates; why, **they'd pester** it to death in no time.

Этому ребенку нельзя будет иметь обычных товарищей, ему не с кем будет играть — **они** его **затравят (задразнят)*** до смерти.

Этому ребенку нельзя будет иметь обычных товарищей, ему не с кем будет играть — ведь его в два счета **задразнят** до смерти.

2.2. A drink was thrust into Horn's hands.

И **кто-то сунул ему** в руки стакан.

Ему сунули в руки стакан.

2. Реализация эпистемической модальности: низкая персуазивность и прагматика саспенса

Другой компонент семантики неопределенно-личных предложений имеет прямое отношение к **модальности, к ее эпистемической разновидности**. «Неизвестный» деятель может определяться говорящим в контексте неполноты его знаний о происходящих событиях, недостаточной осведомленности или неуверенности в сообщаемом: *В его сумку положили записку. Возможно, это была Люба.* В этом случае указание на неопределенность субъекта функционально сближается с показателями низкой персуазивности — а они традиционно входят в список эгоцентриков, маркируя «внешнюю» точку зрения на положение дел, то есть неполное знание субъекта о нём.

Помимо персуазивности можно отметить и эвиденциальные смыслы, реализуемые подобными конструкциями. Е. Н. Никитина в статье «Субъектные нули и перцептивный модус» пишет об эвиденциальном статусе информации, передаваемом различными типами предложений с неопределенно-личной семантикой. Так, зрительная перцептивная рамка сочетается с предложениями с неопределенным местоимением (*Было видно, как кто-то вошел в калитку*), но не сочетается с неопределенно-личными конструкциями (**Было видно, как в калитку вошли*). При этом аудиальная рамка, свидетельствующая о более низком эвиденциальном статусе информации, с такими конструкциями сочетается (*Было слышно, как за стеной пели*).

Низкая персуазивность неопределенно-личных предложений активно используется в переводах в том случае, когда точка зрения героя ограничена, ему не все известно. Нередко переводчики используют этот прием для отображения нарастающей интриги, саспенса в тексте. Такие примеры мы находим в русских переводах романа «Дракула».

B. Stoker "Dracula"
Перевод Н. Сандровой, 1912
Перевод Т. Красавченко, 1993

3.1. I tried to stir, but **there was some spell upon me**.

Я была не в силах пошевелиться. **Какая-то неведомая сила приковала меня к месту.**

Я пробовала встать, но не могла пошевелиться, как будто меня **околдовали**.

3.2. [...] a key was turned with the loud grating noise of **long disuse.**

[...] ключ повернулся с большим трудом, как бы **после долгого бездействия**.

[...] повернулся в замочной скважине ключ — им явно **давно не пользовались**.

3.3. Mate could not make out what was wrong. **They** only **told** him there was SOME- THING, and **crossed** themselves.

Старший офицер не мог добиться толку, **матросы** только **сказали**, что было «что-то», и **перекрестились**.

Помощник никак не может добиться, что случилось: ему **сказали** только — на судне творится что-то неладное — и **перекрестились.**

Повествование у Б. Стокера полно недомолвок и тайн, в оригинале задействован целый ряд способов уклонения от прямой номинации личного субъекта: активно используются девербативы с незаполненной субъектной валентностью, пассивные конструкции. В современном переводе романа, предложенном филологом Т. Красавченко (см. перевод выше), соответствующие смыслы последовательно реализуются при помощи неопределенно-личных предложений (даже в последнем примере, где речь идет о наблюдаемом действии определенной группы людей, находящихся на судне). В целом количество неопределенно-личных конструкций в этом переводе в три раза превышает их количество в варианте Н. Сандровой.

3. Аксиологическая модальность, прагматика дефокусирования

Наконец, неопределенность личного субъекта в предложении может быть следствием нежелания говорящего фокусировать на нём внимание: *Когда уже мне погладят рубашку?* Такая ситуация, безусловно, связана с оценкой, или аксиологической модальностью (одним из ключевых модусных смыслов). Е. Н. Никитина справедливо замечает, что в текстах XIX века неопределенно-личные конструкции часто используются при обозначении действий слуг, подчиненных, которые как бы «не имеют личностных, индивидуальных черт <...>, уподобляются инструменту, обслуживающему героя» [6: 51]. Действительно, во фразах типа *Несут на блюдечках варенья, На столик ставят вощаной Кувшин с брусничною водой...* (А. С. Пушкин), *Нет, зачем? Это пустое, а впрочем, пожалуй, пусть дают коврик* (Н. В. Гоголь). *Вам, князь, подвязывали салфетку за кушаньем?* (Ф. М. Достоевский) деятель в соответствии с оценочной установкой, со стереотипом говорящего как бы не заслуживает упоминания. При этом само по себе «затушевывание» субъекта диктума, перемещение его в область фона высказывания, дефокусирование — это уже явление уровня прагматики, которое может реализовываться в языке разными способами [17]. В европейских языках сходную прагматическую функцию реализует пассивный залог, в русском же языке, как мы знаем, страдательные конструкции тяжеловесны, и неопределенно-личные предложения зачастую представляются переводчикам наилучшим стилистическим решением при передаче «дефокусирующего» пассива.

4.1. A thick coating of the latter **was** accordingly **plastered** upon the coating of tar. (E. Poe, "Hop-Frog".)

...на слой смолы теперь **был положен** довольно густой слой пеньки. (Аноним. пер. в изд. В. Маракуева, 1885.)

Итак, к смоле **приклеили** густой слой пеньки. (Пер. М. Викторова, 1927.)

4.2. ...at the dwarf's suggestion, the keys **had been deposited** with *him*. (E. Poe, "Hop-Frog".)

...по совету карлика ключи **были переданы** *ему*. (Аноним. пер. в изд. «Вестника иностранной литературы», 1912.)

...по предложению шута, ключи **отдали** ему. (Пер. В. Рогова, 1970.)

4.3. To all appearance it (the chateau) **had been** temporarily and very lately **abandoned**. (E. Poe, "The Oval Portrait".)

По всей видимости, он (замок) **был покинут** на время и совсем еще недавно. (Пер. К. Бальмонта, 1911.)

По всей видимости, его **покинули** ненадолго и совсем недавно. (Пер. В. Рогова, 1970.)

4.4. The king and his ministers **were** first **encased** in tight-fitting stockinet shirts and drawers. (E. Poe, "Hop-Frog".)

Сначала король и его министры **были одеты** в рубашки и кальсоны из трико, плотно прилегавшего к телу. (Аноним. пер. в изд. В. Маракуева, 1885.)

На короля и его министров прежде всего **надели** плотно прилегающие белые балахоны из полушерстяной материи. (Аноним. пер. в изд. И. Сытина, 1908.)

Три отмеченных модусных смысла (квазидейктический, персуазивный и оценочный) далеко не всегда реализуются в комплексе, однако хотя бы один из них обязательно присущ неопределенно-личному предложению. То же самое можно сказать и о прагматической окраске конструкции, которая может комбинировать дефокусирование, отчуждение и интригующую недосказанность, а может акцентировать лишь один из этих аспектов.

Возвращаясь к нашему исходному примеру, еще раз сопоставим его с оригиналом и ответим на вопрос: почему переводчик предпочел здесь неопределенно-личное предложение, несмотря на то что субъект диктума, к которому осуществляется референция, не был ни личным, ни неопределенным?

The little male could not understand this, and he used to become very incensed **at being ignored**. (J. Durrell, "The Bafut Beagles".)

Малыш не понимал, чем она так занята, но его очень оскорбляло, что **им пренебрегают.** (Пер. Э. Кабалевской, 1973.)

На первый план здесь выходит квазидейктический смысл — деятель чужд персонажу, с точки зрения которого подана ситуация, он представлен как недружелюбный, враждебный; однако деятель этот значим для героя настолько, что он обретает равный ему личный статус (и свинка, и поросенок в этом тексте представлены как люди, со своими характерами, точкой зрения, фокусом эмпатии,

в этом особенность текстов Дж. Даррелла); но еще важнее деятеля — его действие, или вернее, бездействие, оскорбительное для героя. Поэтому на первом плане оказывается предикат, а не субъект. Так реализуется субъективная оценка происходящего, позволяющая нам безошибочно определить перспективу — взгляд несчастного поросенка на поведение неверной подруги. Именно модусная семантика и прагматическая окраска конструкции (формирующие то, что можно назвать эгоцентрической составляющей неопределенно-личного предложения), позволили переводчику воплотить в тексте интенцию автора.

Исследование, результаты которого положены в основу статьи, опирается на материал обширного корпуса русских переводных текстов конца XIX — начала XX в. (112 переводов 30 оригинальных произведений на английском языке), собранных автором вместе с участниками исследовательского семинара «Текст в зеркалах интерпретаций» [14]. Все изученные нами случаи употребления в русских переводах неопределенно-личных предложений позволяют с уверенностью говорить о специфике их модусной семантики, включающей в конкретных контекстах как минимум один из ряда вышеописанных компонентов: квазидейктический, эпистемический или аксиологический. Нередко эти смыслы реализуются в комбинации: деятель предстает одновременно как чуждый и неизвестный для носителя точки зрения, или чуждый и при этом нерелевантный для сообщения, или неизвестный и пренебрегаемый говорящим («не знаю и знать не хочу»). В зависимости от жанра текста, стиля автора и художественного замысла конкретного произведения реализация прагматических оттенков отчуждения, интригующей недосказанности или дефокусирования, для которых при переводе могут быть привлечены неопределенно-личные конструкции, оказывается более или менее востребованной. И если передача авторского замысла нуждается в таких средствах, то переводчики активно используют неопределенно-личные предложения, избегая таким образом излишнего стилистического «утяжеления» текста пассивными конструкциями и девербативами.

ПРИМЕЧАНИЕ

* В рукописи Норы Галь здесь изначальный вариант «затравят» исправлен на «задразнят».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Булыгина Т. В.* Я, ты и другие в русской грамматике // RES PHILOLOGICA. Филол. исследования. М.; Л., 1990. С. 111–126.

2. *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на матер. русской грамматики). М., 1997.

3. *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

4. *Копров В. Ю.* Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. Воронеж, 2010.

5. *Линева Е. А.* Структура и семантика неопределенно-личных предложений с локативным детерминантом: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.

6. *Никитина Е. Н.* Другие в синтаксической конструкции, в образной системе и в развитии сюжета // Gramatyka a tekst / Eds. H. Fontański, J. Lubocha-Kruglik. T.4. Katowice, 2014. S. 45 — 61.

7. *Никитина Е. Н.* Неопределенно-личные предложения. Матер. для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. (http://rusgram.ru). М., 2011.

8. *Никитина Е. Н.* Субъектные нули и перцептивный модус (к вопросу о выражении категории эвиденциальности в русском языке) // Вопр. языкознания. 2013. № 2. С. 69–82.

9. *Онипенко Н. К.* Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических средств // Проблемы функциональной грамматики. Принцип естественной классификации. СПб., 2013. С. 92–121.

10. *Падучева Е. В.* Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // Вопр. языкознания. 2012. № 1. С. 27–41.

11. *Падучева Е. В.* Семантические исследования. М., 1996.

12. *Пушкин А. С.* Евгений Онегин. Драмы. Поэмы. Сказки. Харьков, 2011.

13. *Сидорова М. Ю.* Неопределенно-личность в поэтике Чехова. // Gramatyka a tekst / Eds. H. Fontański, J. Lubocha-Kruglik. T.3. Katowice, 2011. S. 110–115.

14. Текст в зеркалах интерпретаций: Исследовательский семинар А. В. Уржи к конференции «50 лет научной школе Г. А. Золотовой»: Сб. ст. / Под ред. А. В. Уржи. М., 2017.

15. *Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис. М., 2001.

16. *Уржа А. В.* Модусная семантика и ее вербализация в тексте: Учеб.-метод. матер. М., 2014.

17. *Уржа А. В.* Первый план и фон нарратива: направления зарубежных исследований в сфере лингвистики и переводоведения // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2018. № 2. С. 494–525.

18. *Хазова О. Н.* Русские неопределенно-личные предложения и их место в синтаксической системе современного русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.

19. *Шмелева Т. В.* Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. Вып. 1 / Под ред. К. В. Горшковой, Е. В. Клобукова. М., 1984. С. 78–100.

REFERENCES

1. Bulygina T. V. (1990) Ia, ty i drugie v russkoi grammatike [I, you and others in Russian grammar]. In: *RES PHILOLOGICA. Filologicheskie issledovaniia [RES PHILOLOGICA. Studies in Philology]*. Moscow; Leningrad, pp. 111–126. (in Russian)

2. Bulygina T. V., Shmelev A. D. (1997) *Iazykovaia kontseptualizatsiia mira (na materiale russkoi grammatiki) [Language conceptualization of the world (on the material of Russian grammar)]*. Moscow. (in Russian)

3. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Iu. (1998) *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka [Communicative grammar of the Russian language]*. Moscow. (in Russian)

4. Koprov V. Iu. (2010) *Semantiko-funktsional'nyi sintaksis russkogo iazyka v sopostavlenii s angliiskim i vengerskim [Semantic-functional syntax of the Russian language compared to English and Hungarian]*. Voronezh. (in Russian)

5. Lineva E. A. (2007) *Struktura i semantika neopredelenno-lichnykh predlozhenii s lokativnym determinantom [Structure and semantics of indefinite personal sentences with the locative determinant]* (Extended abstract of candidate's thesis, Philology), Moscow State Regional Pedagogical Institute, Moscow. (in Russian)

6. Nikitina E. N. (2014) Drugie v sintaksicheskoi konstruktsii, v obraznoi sisteme i v razvitii siuzheta [Others in syntax constructions, in the system of images and in the development of the plot]. In: Fontański H., Lubocha-Kruglik J., eds. *Gramatyka a tekst [Grammar in a text]*, vol. 4. Katowice, pp. 45–61. (in Russian)

7. Nikitina E.N. (2011) *Neopredelenno-lichnye predlozheniia. Materialy dlia proekta korpusnogo opisaniia russkoi grammatiki. Na pravakh rukopisi. [Indefinite personal sentences. Materials for the project of corpus description of the Russian grammar]*. Available at: http://rusgram.ru (accessed 15.04.2019). Moscow. (in Russian)

8. Nikitina E. N. (2013) Sub»ektnye nuli i pertseptivnyi modus (k voprosu o vyrazhenii kategorii evidentsial'nosti v russkom iazyke) [Subjective zeros and the mode of perception (to the matter of verbalizing of the category of evidentiality in Russian)]. *Voprosy iazykoznaniia [Topics in the study of language]*, no. 2, pp. 69–82. (in Russian)

9. Onipenko N. K. (2013) Model' sub»ektnoi perspektivy i problema klassifikatsii egotsentricheskikh sredstv [The model of subject perspective and the problem of classifying the egocentric means]. In: Bondarko A.V., Kazakovskaya V.V., eds. *Problemy funktsional'noi grammatiki. Printsip estestvennoi klassifikatsii [Issues of functional grammar. The principle of natural classification]*. St. Petersburg, pp. 92–121. (in Russian)

10. Paducheva E. V. (2012) Neopredelenno-lichnoe predlozhenie i ego podrazumevaemyi sub»ekt [Indefinite personal sentence and its meant subject]. *Voprosy iazykoznaniia [Topics in the study of language]*, no. 1, pp. 27–41. (in Russian)

11. Paducheva E. V. (1996) *Semanticheskie issledovaniia [Semantic studies]*. Moscow. (in Russian)

12. Pushkin A. S. (2011) *Evgenii Onegin. Dramy. Poemy. Skazki [Eugene Onegin. Dramas. Poems. Tales]*. Kharkov. (in Russian)

13. Sidorova M. Iu. (2011) Neopredelenno-lichnost' v poetike Chekhova [Indefinite personal sentences in Chekhov's poetics]. In: Fontański H., Lubocha-Kruglik J., eds. *Gramatyka a tekst [Grammar in a text]*, vol. 3. Katowice, pp. 110–115. (in Russian)

14. *Tekst v zerkalakh interpretatsii* (2017) *[Text in the mirrors of interpretation]*. The materials of the research seminar of A. V. Urzha presented for the conference *"50 let nauchnoi shkole G. A. Zolotovoi" [50 years of scientific school of G. A. Zolotova]*. The collection of articles (ed by A. V. Urzha). Moscow, 2017.

15. Testelets Ia. G. (2001) *Vvedenie v obshchii sintaksis [Introduction to the general syntax]*. Moscow. (in Russian)

16. Urzha A. V. (2018) Pervyi plan i fon narrativa: napravleniia zarubezhnykh issledovanii v sfere lingvistiki i perevodovedeniia [Foreground and background in a narrative: trends in foreign linguistic and translation studies]. *Slověne = Slovѣne. International Journal of Slavic Studies*, no. 2, pp. 494–525. (in Russian). DOI: 10.31168/2305–6754.2018.7.2.20

17. Urzha A. V. (2014) *Modusnaia semantika i ee verbalizatsiia v tekste [Modal semantics and its verbalization in a text]*. Moscow (in Russian)

18. Khazova O. N. (1985) *Russkie neopredelenno-lichnye predlozheniia i ikh mesto v sintaksicheskoi sisteme sovremennogo russkogo iazyka [Russian indefinite personal sentences and their place in the syntax system of modern Russian]*. (Candidate's thesis, Philology), Moscow State Regional Pedagogical Institute, Moscow. (in Russian)

19. Shmeleva T. V. (1984) Smyslovaia organizatsiia predlozheniia i problema modal'nosti [Semantic organization of a sentence and the concept of modality]. In: Gorshkona K.V., Klobukov E.V., eds. *Aktual'nye problemy russkogo sintaksisa [Actual issues of Russian syntax]*, iss. 1, pp. 78–100. Moscow. (in Russian)

[хроника]

МЕЖДУНАРОДНАЯ ВСТРЕЧА РУСИСТОВ В КРЫМУ

(Продолжение на с. 36, 41, 75)

INTERNATIONAL MEETING OF RUSSIANISTS IN CRIMEA

В Ялте с 8 по 12 июня 2019 года состоялся третий международный симпозиум «Русский язык в поликультурном мире», который проводился в рамках XIII Международного фестиваля «Великое русское слово».

На этом представительном симпозиуме встретились не только российские лингвисты, литературоведы и методисты, представляющие более тридцати российских городов, но и русисты из Беларуси, Казахстана, Китая, Македонии, Польши, Сербии, Словакии, Словении, США, Турции и других стран. Объединяло исследования ученых и практиков «русское слово»: его разнообразные словообразовательные возможности, национально маркированный ценностный потенциал, способность глубоко раскрывать художественный смысл, открытость поликультурному миру.

Общий научный тон был задан на Пленарном заседании, где вслед за приветственными выступлениями высоких официальных лиц Республики Крым прозвучали доклады, посвященные самым актуальным проблемам лингвистики, литературоведения, методики обучения русскому языку и литературе. Основными направлениями исследований, предложенными участниками Пленарного заседания, стали динамические процессы в языковом сознании современников: «Власть и авторитет в языковом сознании и системе ценностей русских» (Н. В. Уфимцева), «Представления о культуре русской речи через призму молодежного сознания (О. С. Иссерс); современные тенденции в словообразовании: «Ключевые для современной эпохи словообразовательные модели в русском языке» (Е. В. Петрухина), «Классификации морфем и их отражение в разборе слова по составу» (А. Л. Шарандин); гражданская позиция поэта в периоды исторических испытаний и общенациональных угроз: «Клеветникам России: к пониманию авторской позиции» (В. В. Орехов); актуальные вопросы обучения русскому языку: «Использование GOOGLE классов в системе высших учебных заведений» (Е. А. Давиденко) и др.

Обсуждение названных и многих других актуальных направлений русистики вызвало широкие дискуссии и было продолжено в четырех больших секциях «Русский язык в мировом пространстве», «Преподавание русской словесности в школе и вузе», «Медиалингвистика. Юридическая и политическая лингвистика», «Филологический анализ художественного дискурса: подходы, методики, аспекты», а также на заседаниях круглых столов: «Русский язык в сфере городской коммерческой номинации», «Русский язык в Республике Крым», «Ассоциативный эксперимент и изучение регионального языкового сознания».

На заседаниях первой из названных секций основными стали следующие темы: различные аспекты современных языковых контактов, создание учебников и словарей по русскому языку, современные тенденции ономастических исследований, новое в лингвокультурологии и концептологии, современное состояние лексики, грамматики и фразеологии русского языка.

Языковые контакты были исследованы на материале идиоматики (сопоставлялись фразеологический потенциал

Т. Л. Каминская

DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12032

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТРЕНДЫ РОССИЙСКОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО PR

TATYANA L. KAMINSKAYA

COMMUNICATIVE TRENDS OF RUSSIAN ECOLOGICAL PR

В статье посредством контент-анализа и дискурс-анализа различных онлайн-платформ исследуются стратегии PR-коммуникации, используемые экологическими организациями в России. Актуальность исследования связана с всевозрастающей ролью экологического дискурса в современной политике и с вовлечением в этот дискурс все большего числа людей.

Ключевые слова: экология; коммуникация; политика; сторителлинг; геймификация; медиадискурс.

The author explores PR communication strategies used by environmental organizations in Russia through content analysis and discourse analysis of various online platforms. Such a study is relevant due to the increasing role of environmental discourse in modern politics and with the involvement of an increasing number of people in this discourse.

Keywords: ecology; communication; politics; storytelling; gamification; media selection.

Татьяна Леонидовна Каминская

Доктор филологических наук, профессор департамента политологии и массовых коммуникаций

Финансовый университет при Правительстве РФ

Ленинградский проспект, 49, Москва, 125993, Россия

► tlkam1@mail.ru

Tatiana L. Kaminskaia

Financial University under the Government of the Russian Federation

49 Leningradsky pr., Moscow, 125993, Russia

Масштабность экологических проблем и коммуникативная активность экологических организаций (прежде всего Гринпис и Фонда защиты дикой природы — WWF) позволяют говорить сегодня о сложившемся в России экологическом дискурсе. Обращаясь к таким целевым аудиториям, как госструктуры, бизнес и СМИ, экологические организации, прежде всего, имеют целью мобилизацию активной общественности и привлечение неактивной части населения к этой деятельности.

Так, например, в последние два года совершенствуются коммуникативные и технологические инструменты, используемые на сайтах самых крупных и активных в России экологических организаций – Гринпис и WWF [7].

На этих платформах в первую очередь осуществляется личностная подача информации посредством блогов, созданных в виде лонгридов и актуализировавшегося в последние годы сторителлинга. Использование сторителлинга, согласно опросу ведущих специалистов мира в области корпоративных коммуникаций, является ведущим коммуникативным трендом 2019 года (https://exlibris.ru/news/goryachie-trendy-pr-2018-issledovanie/). На сайте Гринпис есть целый раз-

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету

дел «Истории» (https://greenpeace.ru/publications/stories/), в котором в десятках созданных за 2018–2019 годы текстов о проблемах мусора, возможностях безотходного производства и т. д. рассказывается посредством повествования от первого лица в виде занимательной истории из реальной жизни. В такой истории всегда есть коллизия/конфликт, преодоление, советы, личный опыт главного героя и активная ссылка для вовлечения в процесс или освоение технологии. Например, *История Кристины Шелемехи, которая открыла в Тюмени магазин без упаковки* представляет филолога по образованию, открывшую магазин без упаковки «Пакета.нет» в Тюмени. Коллизии взаимоотношений с поставщиками и покупателями, помощь мужа в становлении нетривиального бизнеса, поиск новых форм продаж и поставок — все это написано в форме коротких приключений. Дочитавшим до конца предлагается активная ссылка для голосования *Хочу, чтобы супермаркеты тоже отказались от излишней упаковки.* Еще один текст: *История Екатерины Матанцевой, которая использует безотходные технологии в производстве и продаже косметики* – история молодой мамы и ухаживающей за собой социально активной женщины, которая ездит по выставкам и ищет новые идеи для своего бизнеса. Тем, кто использует активную ссылку после текста *Узнать, как стать экологичнее,* предлагается подписать манифест и получить мобильное приложение для фиксации собственных *осознанных покупок.*

Сторителлинг, являясь широко используемым сегодня продуктом бизнес-коммуникации в русле американской лингвокультуры, только недавно попал в поле зрения российских филологов. Так, Т. И. Попова называет его перспективным направлением медиаисследования и отмечает, что его «главным достоинством <...> признается возможность создавать полифоничное коммуникационное полотно, состоящее из разноформатных элементов, которые расположены в кроссплатформенной среде» [6: 265].

Для вовлечения аудитории в экологическую проблематику путем коммуникативного соучастия активно используется и геймификация. Так, на сайте WWF представлены викторины и тесты (по типу *Узнай, на кого из зверей вы похожи*? (https://wwf.ru/)), для получения результатов которых необходима регистрация на сайте.

Экологические организации широко используют также эффекты перфоманса и визуализацию общественных процессов, ориентацию на зрелищность. Недаром современную цивилизацию вслед за определением Дебора «общество спектакля» [1] российские исследователи коммуникации называют «шоу-цивилизация» [2].

Современная коммуникативная ситуация все очевиднее демонстрирует предсказания Дебора 1967 года: то, что раньше переживалось непосредственно, теперь предстает как игра и спектакль.

Лидеры экологических организаций используют также публичность, необходимую шоу-цивилизации, как в одиночных акциях протеста, так и в мировом масштабе, вовлекаясь в повестку дня всемирных организаций, таких, как ООН (http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/2018/un-0412/). Экологические организации активно участвуют в политическом дискурсе, используя при этом мобилизационную стратегию коммуникации с целевой аудиторией.

Здесь необходимо отметить такой коммуникативный тренд, как идейное лидерство. Общественное мнение изменяется посредством различных механизмов, среди которых есть стихийные способы (чаще всего использование влияния лидера мнений через эмоциональное выступление в медиаполе). Общественное мнение формируется также посредством механизма стереотипизации, при котором в текстовый поток информации внедряются упрощенные и стандартные представления, содержащие определенные оценочные ассоциации, стереотипы или стандарты. Эти коммуникативные механизмы активно использовались экологическими организациями (в частности, в процессе мусорных бунтов в Архангельске, Подмосковье) как в медиаформатах, так и при митинговой оффлайн-коммуникации:

> *«Население сегодня выступает с политическими требованиями, говорит о том, что Воробьева в отставку, потому что за пять лет он ничего не сделал. И сегодня*

эти же люди, которые пять лет нас уничтожали, говорят о том, что они вас будут спасать. Вы доверите убийце свою жизнь? Нет. И мы не доверяем. Поэтому мы выходим на митинги, вся Московская область 14 апреля, потому что 14 апреля день рождения Воробьева. Мы уверены в том, что этот день рождения он встретит в последний раз в статусе губернатора» (https://www.svoboda.org/a/29140413.html).

На митингах и других стихийных способах коммуникации высказывания авторитетным лидером собственной позиции уже рассматриваются как явно выраженные мнения граждан. Комментарии и интерпретации выступления в целом поддерживают мнение лидера, тем самым усиливая его значение. Этот коммуникативный механизм включает в себя мнения и интеллектуальной элиты с целью вынудить власть реагировать на высказанные мнения и оценки. Автором статьи отмечались появившиеся факты официальной коммуникативной реакции властей на дискуссии в социальных сетях [3].

В обществе сложился и стабильно функционирует особый механизм реагирования на социально-значимые проблемы через высказывание по ним суждений заинтересованными слоями населения. Такую реакцию населения нельзя назвать случайной, она представляет собой постоянно действующий фактор общественной жизни. Общественное мнение демонстрирует процессы, происходящие в массовом сознании, и является каналом прямой и обратной связи между различными социальными институтами и их представителями с массами. Очевидно, что самым действенным инструментом сегодня (в связи с медиатизацией политики) в формировании общественного мнения в плане экологии являются медиа. Однако воздействующие на массовое сознание информационные потоки уже не распространяются прямолинейно (вертикально и горизонтально), как это было возможно еще несколько десятилетий назад. Объяснение сетевому взаимодействию современности существует в теории испанского социолога Мануэля Кастельса [8]. По его мнению, именно сети составляют сегодня новую социальную и коммуникативную морфологию наших обществ. И здесь речь идет не столько о социальных сетях в Интернете. То есть, по мысли Кастельса, сетевое взаимодействие в любом аспекте социальной жизни сегодня связано с наличием нескольких центров, значимость которых в разные периоды времени меняется. Главенства одного центра (будь то партия, лидер или правитель) больше не существует. Это в первую очередь касается и производства смыслов, стереотипов и информационных потоков.

Зачастую экологические организации представляют некие сетевые сообщества, являясь не только участниками, но и инициаторами оппозиционного дискурса. Здесь можно вести речь, прежде всего, о происшествиях, связанных с причинением вреда здоровью / жизни рядовых граждан, а также о новых управленческих инициативах власти, касающихся большинства граждан (сферы ЖКХ, экологии, образования и здравоохранения).

В этом случае экологические тексты в медиаполе (преимущественно в социальных сетях) дублируются из одной социальной сети в другую, а затем попадают в интернет-медиа, обрастая комментариями читателей с политическими оценками и лексикой с негативной оценкой.

По различным оценкам, тема политики занимает место в первой десятке тем по интересу к ней аудитории в социальных медиа, тогда как тема экологии — базируется лишь во второй сотне. Однако контент-анализ показывает, что именно тема экологии сегодня зачастую является центральной в политическом (чаще всего оппозиционном) российском дискурсе [4].

Расширение экологического дискурса за счет политики и наоборот, политики за счет экологии, происходит по линии обвинения властей в некомпетентности, коррумпированности. Интересно, что даже позитивные тенденции ответственного отношения властей к экологии подаются с маркерами *больше не, на этот раз*:

«Пожары тушат, причем очень неплохо. Без добровольных лесных пожарных ***пока не получается*** *вовремя найти все торфяные пожары.* ***Но на этот раз*** *власти от помощи добровольцев не отказываются, прятать пожары не пытаются и бросают большие силы на тушение»* (*Аллахвердов А.* Будут ли снова большие пожары. URL: https://greenpeace.ru/blogs/2019/06/07/budut-li-snova-bolshie-pozhary/).

Как известно, целевые аудитории в политической коммуникации в зависимости от характера коммуникативного поведения подразделяются на: 1) равнодушную, 2) реагирующую на любые проблемы, 3) реагирующую на одну проблему и 4) аудиторию вокруг обострившейся проблемы. Вовлекая в коммуникацию все больше людей, экологический пиар основывается на создании единого образа сложившийся ситуации. Экологические активисты стремятся перевести первый тип аудитории в четвертый, добиваясь **однозначного** понимания происходящего. Это способствует формированию совершенно четких отношений, эмоционального состояния, шаблонов и стереотипов по отношению к власти и ее социальным инициативам. В такой ситуации часто используют методы подсознательного стимулирования, то есть мифологизация.

В зависимости от ситуативных политических условий, в которых функционирует общественное мнение, различные механизмы могут выполнять роль объективного выразителя воли общественного мнения. Так, базирующийся на понятии «общественное мнение» феномен «спирали молчания» авторства Э. Ноэль-Нойман демонстрирует, как люди, боясь остаться в меньшинстве, примыкают к мнению большинства. Поэтому зачастую осуществляется мифологизация ситуации, связанная с демонстрацией мнения большинства. Искусство мифологизации состоит в том, чтобы представить мифологические события и явления как реальные и воспринимающиеся как система объективных фактов.

При этом согласно типологиям политических мифов экологический пиар раскрывает две сюжетные линии, которые отображаются и в экологических текстах, а также и в их визуальных компонентах:

1) современная социальная реальность — катастрофа;
2) прошлое/будущее — идиллия.

Таким образом, посредством конфликтных текстов медиа [5] автоматически формируется положительная или отрицательная реакция общественности на то или иное событие.

Помимо данного метода внушения используется метод убеждения, цель которого — привлечь людей на свою сторону посредством передачи им определенной информации. И убеждение, и внушение применительно к экологии связаны с такими важнейшими функциями общественного мнения, как консультативная и директивная. Консультативная функция дает возможность корректировать коммуникацию, а директивная определяет, по сути, сам исход событий.

Суммировать наблюдения за PR-трендами экологических организаций в России можно следующим образом:

1) вовлечение обычных людей из различных российских регионов в активные действия посредством личностных историй. Коммуникация посредством личностной истории в онлайн-форматах с использованием *Мы-высказываний* и *Вы-высказываний* демонстрирует солидаризацию с аудиторией и причастность к решению ее различных проблем;
2) включение экологического дискурса в оппозиционный политический дискурс, активизируясь во время выборов и во время реализации социальных проектов (строительство, инвестиции) и увеличивая протестные настроения. Информационный повод, связанный с экологией, зачастую смещается в политическую плоскость. В этом случае применяется стратегия мифологизации и однозначной трактовки событий;
3) использование цитат авторитетных людей/лидеров мнений, коммуникативный выход на масштабные мировые форумы;
4) применение геймификации и визуализации экологического дискурса, сетевой характер коммуникации без обозначения единого коммуникативного центра: порой пикеты и митинги являются лишь поводом для активизации экологического дискурса в Сети (работа на сайтах, в блогосфере и социальных медиа). Визуализация действий и зрелищность акций, связанных с экологией, соответствуют «обществу спектакля» и «шоу-цивилизации»;
5) усложнение экологического пиара технологически и лингвистически, тяготение его к интертекстуальности и конвергентности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дебор Ги.* Общество спектакля. URL: https://royallib.com/book/debor_gi/obshchestvo_spektaklya.html.

2. *Ильченко С. Н.* Шоу-цивилизация : реальность современной медийной практики // Вестн. СПбГУ. Сер. 9. 2012. Вып. 1. С. 227–229.

3. *Каминская Т. Л.* Медиастилистика современной политической памяти: взгляд из региона // Междунар. науч. фо-

рум «Медиа в современном мире. Петербургские чтения». СПбГУ, 17–19 апр. 2019. URL: http://smif.spbu.ru/index.php/19–2019-menyu-aktualnogo-goda/materialy-uchastnikov/47-nauchno-prakticheskij-seminar-po-medialingvistike.

4. *Каминская Т. Л.* Экологическая проблематика оппозиционного регионального дискурса в интернете // Экологический PR как инструмент устойчивого развития: матер. междунар. науч.-практ. конф., 13–15 мая 2014 г., [Санкт-Петербург] СПб., 2014. С. 136–140.

5. *Коньков В. И.* Речевая практика СМИ в аспекте экологии // Экологический PR как инструмент устойчивого развития: матер. междунар. науч.-практ. конф., 13–15 мая 2014 г., [Санкт-Петербург]. СПб., 2014. С. 148–150.

6. *Попова Т. И.* Актуальные направления исследования медийного интернет-пространства Медиалингвистика. 2018. Т. 5. № 3. С. 258–272.

7. *Хакимова Е. М.* Об инструментах продвижения организации в интернете на примере НКО «Гринпис России» // Гуманитарная парадигма. 2018. № 4 (7). С. 33–37.

8. *Castells M.* The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society and Culture, Vol. 2. Wiley-Blackwell – 2010. URL: http://gendocs.ru/v9374/manuel_castells._end_of_millennium,_the_information_age_economy,_society_and_culture_vol._iii.

REFERENCES

1. Debor Gi. Obshchestvo spektaklia [Society of the spectacle]. Available at: https://royallib.com/book/debor_gi/obshchestvo_spektaklya.html. (in Russian)

2. Il'chenko S. N. (2012) Shou-tsivilizatsiia : real'nost' sovremennoi mediinoi praktiki [Shaw-civilization: the reality of modern media practice]. *Vestnik SPbGU [Vestnik of Saint Petersburg University]*, Series 9, iss. 1, pp. 227–229. (in Russian)

3. Kaminskaia T. L. (2019) Mediastilistika sovremennoi politicheskoi pamiati: vzgliad iz regiona [Mediastinitis modern political memory: the view from the region]. Proceedings of the International scientific forum *"Media v sovremennom mire. Peterburgskie chteniia" [Media in the modern world. Petersburg readings]* (Russia, St. Petersburg, 17–19.04.2019). Available at: http://smif.spbu.ru/index.php/19–2019-menyu-aktualnogo-goda/materialy-uchastnikov/47-nauchno-prakticheskij-seminar-po-medialingvistike. (in Russian)

4. Kaminskaia T. L. (2014) Ekologicheskaia problematika oppozitsionnogo regional'nogo diskursa v internete [Ecological problems of regional oppositional discourse in the Internet]. Proceedings of the International scientific and practical conference *"Ekologicheskii PR kak instrument ustoichivogo razvitiia" [Environmental PR as a tool for sustainable development]* (St. Petersburg, 13–15.05.2014). St. Petersburg, pp. 136–140. (in Russian)

5. Kon'kov V. I. (2014) Rechevaia praktika SMI v aspekte ekologii [Speech practice of mass media in the aspect of ecology]. Proceedings of the International scientific and practical conference *"Ekologicheskii PR kak instrument ustoichivogo razvitiia" [Environmental PR as a tool for sustainable development]* (St. Petersburg, 13–15.05.2014). St. Petersburg, pp. 148–150. (in Russian)

6. Popova T. I. (2018) Aktual'nye napravleniia issledovaniia mediinogo internet-prostranstva [Current trends in research on media Internet space]. *Medialingvistika [Medialinguistic]*, vol. 5, iss. 3, pp. 258–272. (in Russian)

7. Khakimova E. M. (2018) Ob instrumentakh prodvizheniia organizatsii v internete na primere NKO "Grinpis Rossii" [On the promotional tools of the organization on the Internet by the example of NGO «Greenpeace Russia»]. *Gumanitarnaia paradigma [Humanitarian paradigm]*, no. 4 (7), pp. 33–37. (in Russian)

8. Castells M. (2010) *The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society and Culture*, vol. 2. Wiley-Blackwell–2010. Available at: http://gendocs.ru/v9374/manuel_castells._end_of_millennium,_the_information_age_economy,_society_and_culture_vol._iii (accessed 10.04.2019). (in English)

[хроника]

МЕЖДУНАРОДНАЯ ВСТРЕЧА РУСИСТОВ В КРЫМУ

(Начало на с. 31. Продолжение на с. 41, 75)

русского и сербского, русского и белорусского языков, а также пословицы тематической группы «Добро-Зло» в русском и украинском языках) и глагольной лексики (рассматривались интернациональные и национальные тенденции в глагольных новациях русского языка, глаголы с возвратными показателями в русском и скандинавском языках, двувидовые глаголы в русском, украинском и словенском языках). Значительное внимание было уделено созданию новых типов словарей русского языка. Участники конгресса познакомились с презентациями «Полиязычного словаря метафор», «Гипертекстового лингвокультурологического словаря», «Русско-турецкого грамматического словаря».

В направлении, посвященном ономастическим исследованиям, рассматривались основные этапы и перспективные направления развития ономасиологии в XXI веке, генезис имени собственного, поэтонимология как самостоятельная научная дисциплина.

Среди актуальных проблем лингвокультурологии и концептологии оказались как общие вопросы (компонентный состав коннотативного значения слова и шкала языковой образности, трудности перевода прецедентных текстов, соотношение базовых концептов в русском и казахском языках, смена оценки в содержании религиозных концептов, роль метафор в описании психологических процессов и др.), так и исследование конкретных концептов и культурно маркированных единиц языка (концепт «общество» по данным русскоязычных интернет-форумов, концепт «грех» в современной русской речи, средства объективизации концепта «патриотизм», концепт «город» в дихатомическом единстве языка и архитектуры и др.).

В рамках первой секции прозвучали доклады, посвященные новым направлениям в исследовании фразеологии (фразеологические единицы рассматривались как средство выражения значений сквозь призму образности, как способ характеристики ситуации, как материал для исследования видовой коррелятивности глагольных фразеологизмов), лексики (логическая структура слова в художественном тезаурусе, процесс заимствования в истории русского языка, глагольные неологизмы в русском языке конца XX — начала XXI века).

На второй, методически ориентированной секции «Преподавание русской словесности в школе и вузе» одной из основных стала тема, посвященная проблемам преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи» в школе и вузе. В прозвучавших докладах этого направления рассматривались пути совершенствования качества речи студентов в современных условиях, развитие их языкового вкуса, преодоление «публичной немоты» студента, пути устранения интерференции на лексико-семантическом уровне на занятиях по культуре речи. Другая важная тема секции была посвящена современным методам и технологиям в преподавании русского языка как иностранного (приемы работы с различными видеоматериалами, возможности инфографики в обучении иноязычной речи, использование современных настольных игр как средство вовлечения иностранных студентов в коммуникацию, практика использования кибертекста на занятиях по русскому языку как иностранному, когнитивный подход к лингвистическому интервьюированию в практике преподавания РКИ и др.).

О. С. Баканова

DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12037

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ОТЗЫВОВ ОФИЦИАЛЬНЫХ ОППОНЕНТОВ О ДИССЕРТАЦИИ)

OKSANA S. BAKANOVA
PECULIARITIES OF EXPRESSION OF A POSITIVE EVALUATION IN SCIENTIFIC TEXT: ON THE BASIS OF REVIEWS OF OFFICIAL OPPONENTS OF THE THESIS

В статье рассматриваются типичные способы выражения положительной оценки в отзывах официальных оппонентов о диссертации на соискание ученой степени. Описываются языковые средства усиления и смягчения положительной оценки, помогающие субъекту сохранить этическое и психологическое равновесие в научной коммуникации.

Ключевые слова: субъект; объект; оценка; научный текст; отзыв.

The article presents the results of the evaluation study, in particular, the typical ways of expressing a positive assessment in the reviews of official opponents of the thesis for a degree. The article describes the language means of enhancing and mitigating a positive assessment that help the subject to maintain ethical and psychological balance in scientific communication.

Keywords: subject; object; evaluation; scientific text; review.

Оксана Станиславовна Баканова
Аспирант
Башкирский государственный университет
ул. Заки Валиди, д. 32, г. Уфа, Респ. Башкортостан, 450076, Россия
► Stasya-chamed@rambler.ru

Oksana S. Bakanova
Bashkir State University
32, Z. Validie Street, Ufa, Bashkortostan, 196605, Russia

Научный руководитель:
канд. филол. наук, доц. Т. В. Григорьева

В последние десятилетия в современной лингвистике с развитием антропоцентрической парадигмы, в которой смещаются акценты с изучения языка как независимой системы к взаимосвязи языка и человека, в центре внимания ученых оказывается субъект. Научный текст является важным объектом исследования, в котором, несмотря на присущую ему объективность и рациональность, субъект проявляется в полной мере. Особенно ценным для анализа является жанр научного отзыва, в котором субъект — ключевая фигура, со своей ценностной системой координат, со своими жизненными установками и вместе с тем со знанием научного этикета и пониманием важности его соблюдения. Одним из способов проявления субъекта является оценка. В научном отзыве она имеет свои особенности.

Лингвистический подход к изучению категории оценки осуществляется в исследованиях многих ученых в рамках различных аспектов: семантического, прагматического, функционального и формального (Н. Д. Арутюнова, Л. М. Васильев, Е. М. Вольф, Т. В. Маркелова, Л. А. Сергеева, Г. Я. Солганик, В. Н. Телия и другие), что породило неоднозначное толкование этого термина. Согласно одному из мнений, «оценочные значения представляют собой совокупность признаков раз-

личной степени абстрактности (перцептивные, когнитивные, аффективные и другие), причем в них фиксируются свойства различных предметов, явлений, событий и тому подобное по их отношению к разного рода ценностям, отраженным в сознании носителей языка» [8].

При исследовании оценки особое внимание уделяется ее структуре, которая включает субъект, объект и основание оценки [4]. Данные компоненты объединяются в единую смысловую доминанту, отражающую отношения между человеком и миром объектов с точки зрения «хорошо» / «плохо». В научном отзыве субъектом оценки является оппонент, который оценивает «актуальность избранной темы, степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность и новизну» [6]; объектом — само диссертационное исследование; основанием, соотносящимся с ценностями, — те нормы, в соответствии с которыми должна быть выполнена диссертационная работа (актуальность, корректность, последовательность, грамотность и др.).

Несмотря на то что научный текст должен быть объективным и рациональным, в нем присутствуют положительная и отрицательная оценка, которые играют весьма важную роль. Основная задача отзыва — дать объективное изложение своего мнения о выполненной работе, обязательно отметив при этом ее сильные и слабые стороны. Существенное место в отзыве занимает положительная оценка, которая раскрывает достоинства диссертационной работы, подчеркивает проявленные в ней качества соискателя.

Для выражения положительной оценки в отзывах используются стабильно устойчивые повторяющиеся слова или словосочетания, стереотипные фразы, имеющие информативно-необходимый характер и относящиеся «к целесообразному применению готовых формул в соответствии с коммуникативными требованиями той или иной речевой сферы» [9], которые помогают оппоненту выразить свое мнение, но при этом не выйти за рамки научного стиля.

Целью настоящей статьи является изучение и описание принятых в научном сообществе способов выражения положительной оценки на материале научных отзывов официальных оппонентов о диссертациях на соискание ученой степени.

Материалом для исследования послужили более 50 научных отзывов официальных оппонентов в области языкознания и литературоведения, а также истории, в основном взятые на официальных сайтах Башкирского государственного университета, МГУ имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета.

Рассмотрим распространенные способы выражения положительной оценки в научном отзыве.

1. Употребление слов с общеоценочным значением, реализующимся при помощи таких прилагательных и наречий, как *хороший*, *хорошо, замечательный*, а также при помощи их синонимов, выражающих стилистические и экспрессивные оттенки слов:

> «*И. А. Соков* ***хорошо*** *ориентируется в литературе, связанной с проблематикой его исследования*» (1)*;
>
> «*Отметим* ***замечательный*** *отбор идей из лингвистической литературы*» (10).

Такая оценка составляет собственно денотативное значение слов и, по наблюдениям Н. Д. Арутюновой, является холистической оценкой, выражает аксиологический итог и даётся по совокупности разнородных свойств [1].

2. Использование слов с контекстуальными частнооценочными значениями, подчеркивающими достоинства работы и характеризующими логику исследования, — очень важный показатель любого научного сочинения. Так, оппоненты выделяют обоснованность тезисов, очередность глав и параграфов:

> «***Четкая последовательность*** *с детальной нумерацией позволяет сопоставить лексемы каждой семантической группы в разных языках и увидеть соответствия или несоответствия при сравнении*» (2).

Частотно употребление слов *четко* и *последовательность* в едином контексте: либо как словосочетание, в котором акцентируется внимание на продуманной последовательности изложения мысли (*четкая последовательность*); либо как однородные члены при глаголах, усиливающие значение проделанной работы:

«*В работе* ***последовательно*** *и* ***четко*** *используются терминологический аппарат функциональной грамматики, что тоже является достоинством диссертационного исследования*» (3).

Логичность преподнесения материала особенно важна в диссертационной работе, потому что является основой научной мысли, помогает понять ход исследования и сделать верные умозаключения:

«*В этой связи* ***логичным*** *представляется обращение диссертанта к материалу „спорных“ текстов, являющихся объектом рассмотрения в судебной лингвистической экспертизе*» (4).

В словарных статьях лексемы *четкий, последовательный, логичный* не имеют оценочного значения, но они его приобретают в контексте научного отзыва, отражая важнейшие качества диссертационного исследования.

3. Употребление метафоры с количественно-качественным значением, указывающим на большой размер. Если опираться на классификацию Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в этой группе оценочных средств мы имеем дело с ориентационной метафорой, связанной с пространством. «Такие типы пространственных отношений возникают вследствие того, что человеку присуще тело определенной формы, взаимодействующее с материальным миром» [5]. Например, слова *богатый, высокий, полный, широкий* и другие подчеркивают объем проделанной работы и оценивают ее качество. В одном из значений слово *высокий* понимается как «очень хороший, отличный» [2], что уже указывает на абсолютную степень оценивания какой-то части научного исследования.

«*Отметим* ***высокий уровень*** *теоретической части работы А. Н. Моргуновой*» (6).

Встречаются слова, указывающие на объем (размер) проделанной работы или проведенного анализа исследования:

«*Концепция исследования сформулирована на основе* ***глубокой*** *проработки многочисленных научных изысканий отечественных и зарубежных ученых, занимавшихся изучением проблем, связанных с описанием языковой картины мира*» (5).

Исследователи отмечают, что слова *глубокий, глубина* «передают устоявшиеся и уже не осознаваемые представления о явлениях гносеологической сферы как о неких емкостях, которые чем глубже, тем больше вмещают познавательной информации и тем более ценными являются» [3]. Подобное утверждение справедливо и для лексем *широкий, ширина*:

«*Кроме того, Анна Николаевна обнаруживает „специфические употребления“ анализируемого слова оно, свидетельствующее о его гибридной, „синкретичной“, природе и предопределяющие* ***широкий*** *стилистический* ***диапазон*** *рассматриваемого прономинатива*» (6).

Использование количественно-качественной метафоры помогает оппоненту также раскрыть потенциал соискателя, оценить его компетентность в изученном материале:

«*Достоинством работы является* ***широкая эрудиция*** *автора по всем затрагиваемым проблемам*» (4).

4. Употребление слов, в противопоставление предшествующей группе, базирующихся на детализации и демонстрирующих ценность тщательности и скрупулезности в исследовании материала. Деталь в исследуемой области трактуется как маленькая часть или мелкая подробность, дающая более полное объяснение представленному материалу:

«*Тщательный и* ***детальный*** *по своему содержанию анализ семантики исследуемого концепта позволяет по праву судить о сформированности исследовательских навыков и способности к самостоятельному поиску научных решений, присущих автору диссертационного исследования*» [8].

Идею детали помогают передать и морфемы *микро-, мини-*:

«*Анализ лексикографического семантического поля, проведенный Е. В. Шиловой во второй главе скрупулезно и последовательно <...>, отражает своеобразный лингвистический* ***микроскоп*** *исследования в ранге дифференциальных сем, опирающегося на лучшие словари, в том числе словарь синонимов Николая Абрамова*» (8).

Такие слова приобретают оценочность только в контексте, помогая передать субъективное отношение к подробному, скрупулезному анализу объекта исследования.

Существенной особенностью положительной оценки в научном отзыве является ее смежность с категорией интенсивности и смягчения.

Интенсивность в речи «говорящего включает в себя необходимость для слушающего обратить внимание на силу признака и привести свое поведение в соответствии с возникшей ситуацией» [7]. Оппонент тем самым выделяет и усиливает в тексте лучшие стороны работы. Самыми распространенными способами выражения интенсивности в научном отзыве являются следующие:

– употребление слов *весьма, крайне, очень*, выражающих высокую степень проявления оценочного признака:

«***Крайне** важным является также предложение автора начать разработку лингвистической шкалы инвективности*» (4);

– использование конструкций, построенных на двойном отрицании, которые позволяют усилить оценку:

«***Нельзя не согласиться** с акцентом, поставленным диссертантом на важности расширения представлений о пословичной картине мира*» (9).

Смягчение позволяет оппоненту быть максимально объективным, умеренным в оценивании диссертации и соискателя. К частотным способам смягчения положительной оценки можно отнести следующие:

– употребление наречий и частиц, выражающих сдержанность в оценивании диссертационной работы: *достаточно, вполне*:

«*Избранная автором методика анализа является применимой в подобного рода исследованиях и приносит **вполне** релевантные результаты*» (5);

– употребление слов, выражающих внутрисинтаксическую модальность, демонстрирующую отношение субъекта к действительности: такие глаголы, как *старается, пробует*, акцентируют внимание на стремлении диссертанта решить определенные задачи:

«*В работе диссертант **старается** грамотно использовать научно-терминологический аппарат исследования, корректно уточнять необходимые понятия когнитивной лингвистики и лингвокультурологии; а также грамотно и корректно использовать научные методы...*» (7).

Итак, анализ отзывов о диссертации на соискание ученой степени в гуманитарной области демонстрирует, что оценка является распространенным способом проявления субъекта в научном тексте, невзирая на то, что научный текст должен быть объективным и рациональным. Важное место в научном тексте занимает положительная оценка, которая влияет на первостепенное мнение аудитории и строится по стереотипным формам, принятым в научном обществе. К частым способам проявления положительной оценки можно отнести: употребление общеоценочных слов, лексем с метафорическим выражением количественно-качественного значения, с семантикой детали, частнооценочным значением, приобретенным в контексте, отражающим как достоинства диссертации, так и самого соискателя. Положительная оценка в научном отзыве не существует изолированно, а вступает в сложные отношения с другими приемами, в частности категорией интенсивности, дающей возможность усилить оценочное значение, и с приемом смягчения, помогающим автору отзыва при помощи слов с семантикой меры и степени, внутрисинтаксической модальностью и другими элементами уйти от категоричности, сохранить сдержанность, этическое равновесие в научной коммуникации и объективность характеристики исследования.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Здесь и далее в круглых скобках указаны номера источников:

1. *Акимов Ю. Г.* Отзыв официального оппонента о диссертации Сокова Ильи Анатольевича... URL: https://volsu.ru/upload/iblock/267/отзыв_первого_оппонента.pdf

2. *Григорьева Т. В.* Отзыв официального оппонента о диссертации Айдаровой Алсу Мирзаяновны... URL:https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/dissertation/f658139106/otzyv_opponenta_grigorevoj_tv.pdf

3. *Зиновьева Е. И.* Отзыв официального оппонента... о диссертации Дмитриевой Ольги Альбертовны... URL: https://spbu.ru/sites/default/files/otzyv_zinovieva_dimitrieva.pdf

4. *Ионова С. В.* Отзыв официального оппонента о диссертации Гульдары Сиреневны Макаренко ...URL: http://www.bashedu.ru/sites/default/files/dissovets_files/offopp/otzyv_oficialnogo_opponenta_d.fil_.n._prof._ionovoy_s.v._.pdf

5. *Казанцева Е. А.* Отзыв официального оппонента ... о диссертации Ма Лин... URL: http://www.bashedu.ru/sites/default/files/dissovets_files/offopp/otzyv_oficialnogo_opponente_k.f.n._doc._kazancevoy_e.a..pdf

6. *Колесникова С. М.* Отзыв официального оппонента о диссертации Моргуновой Анны Николаевны... URL:http://www.bashedu.ru/sites/default/files/dissovets_files/offopp/otzyv_oficialnogo_opponenta_d.fil_.n._prof._kolesnikovoy_s.m.pdf

7. *Корнеева Т. А.* Отзыв официального оппонента на диссертационную работу Дмитриевой Ольги Альбертовны... URL: https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/dissertation/f1832010201/otzyv_of.opponenta_korneevoj_ta.pdf

8. *Маркелова Т. В.* Отзыв официального оппонента о диссертации Шиловой Елены Владимировны... URL: http://www.philol.msu.ru/~ref/dcx/2016_ShilovaEV_otzyv_oo_avt-MarkelovaTV.pdf

9. *Селиверстова Е. И.* Отзыв официального оппонента... о диссертации Михаила Алевсандровича Бредиса ... URL: https://spbu.ru/sites/default/files/otzyv_seliverstova.pdf

10. *Халикова Н. В.* Отзыв официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени кандидата филол. наук Руеангдам Ангсаны... URL: https://istina.msu.ru/dissertations/99318157/

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М., 1999.

2. Грамота.ру. URL: http://gramota.ru/slovari/dic/?word=априори&all=x

3. *Григорьева Т. В.* Функциональная модель развития оценочного значения и ее особенности // Вестн. Томского гос. ун-та. 2017. № 420. С. 23–29.

4. *Ивин А. А.* Основание логики оценок. М., 1970.

5. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М., 2004.

6. Постановление Правительства РФ «О порядке присуждения учёных степеней» от 24 сент. 2013 г. № 842.

7. *Родионова С. Е.* Категория интенсивности и особенности ее выражения в рекламном дискурсе // Восьмые междунар. Виноградовские чтения «Русский язык: уровни и аспекты изучения»: Сб. науч. тр. М., 2015.

8. *Сергеева Л. А.* Оценочные значения в семантической системе языка // Исследования по семантике: Межвуз. науч. сб. Вып. 23 / Под ред. Р. М. Гайсина. Уфа, 2007. С. 54–64.

9. Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М., 1998.

REFERENCES

1. Arutiunova N. D. (1999) *Iazyk i mir cheloveka [Language and the world of man]*, 2nd ed., Moscow. (in Russian)

2. *Gramota.ru*. Available at: http://gramota.ru/slovari/dic/?word=apriori&all=x (in Russian)

3. Grigor'eva T. V. (2017) Funktsional'naia model' razvitiia otsenochnogo znacheniia i ee osobennosti [Functional model of development of estimated value and its features]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk state University]*, no. 420, pp. 23–29. (in Russian)

4. Ivin A. A. (1970) *Osnovanie logiki otsenok [Basis of evaluation logic]*. Moscow. (in Russian)

5. Lakoff G, Johnson M. (2004) *Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors We Live]*. Moscow. (in Russian)

6. *Postanovlenie Pravitel'stva RF «O poriadke prisuzhdeniia uchenykh stepenei» ot 24 sentiabria 2013 g. № 842 [Resolution of the government of the Russian Federation "On the procedure for awarding academic degrees" dated September 24, 2013 № 842]*. (in Russian)

7. Rodionova S. E. (2015) Kategoriia intensivnosti i osobennosti ee vyrazheniia v reklamnom diskurse [Category of intensity and features of its expression in advertising discourse]. Proceedings of the *8th International Vinogradov Readings «Russkii iazyk: urovni i aspekty izucheniia» [Russian language: levels and aspects of study]*. Moscow. (in Russian)

8. Sergeeva L. A. (2007) Otsenochnye znacheniia v semanticheskoi sisteme iazyka [Estimated values in the semantic system of language]. Gaisin R. M., ed. *Issledovaniia po semantike [Studies in semantics]*, iss. 23. Ufa, pp. 54–64. (in Russian)

9. Iartseva V. N., ed. (1998) *Iazykoznanie: Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' [Linguistics: the Great encyclopedic dictionary]*, 2nd ed. Moscow. (in Russian)

[хроника]

МЕЖДУНАРОДНАЯ ВСТРЕЧА РУСИСТОВ В КРЫМУ

(Начало на с. 18, 36. Окончание на с. 75)

В третьей секции, посвященной проблемам медиалингвистики, юридической и политической лингвистики были представлены исследования, посвященные языку современной деловой прессы, ключевым особенностям современного медиалекта, интолерантному коммуникативному поведению в политическом медиадискурсе, современному медиатексту в аспекте формирования аксиологической модальности, грамматическим канонам и языковой игре в современном газетно-публицистическом дискурсе).

В рамках четвертой секции, посвященной филологическому анализу художественного дискурса, исследователями были представлены авторские интерпретации текстов русской классической литературы (Л. Толстой, С. Аксаков, А. Куприн, Н. Лесков, А. Чехов), поэтов и писателей XX века (А. Грин, С. Есенин, Б. Пастернак, В. Маяковский, Б. Ахмадулина, М. Булгаков, В. Астафьев) и других авторов.

Особое место в программе конференции принадлежало круглым столам. Один из них был посвящен русскому языку в сфере городской коммерческой номинации. На фоне докладов, посвященных общим вопросам городской номинации (например, графическая трансформация современного эргонима, современные эргонимы в пространстве города и др.), особый интерес вызвали выступления, посвященные региональной практике номинации внутригородских пространственных объектов современного Донбасса, Симферополя, Севастополя, «дизайн-коду» крымских городов, «речевой одежде» улиц Симферополя.

Большой интерес собравшихся на симпозиуме вызвал круглый стол, посвященный русскому языку в Республике Крым. Участники этого круглого стола говорили о тех вопросах, которые имеют особую значимость не только для русистики, но и для культуры Российской Федерации: о доминантных смыслах языкового сознания человека «Крымской весны», о лингвокультурологическом подходе к исследованию топонимики крымского региона, о витальности современного крымско-татарского языка, о метафорическом образе Крыма в текстах региональных СМИ, об ассоциативном поле «Родина» в языковом сознании жителей Крыма и многих других вопросах.

М. А. Васильченко

DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12042

ТЕРМИНЫ «ЖАНР», «РЕГИСТР» И «СТИЛЬ» В РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

MARIA A. VASILCHENKO
THE TERMS "GENRE", "REGISTER" AND "STYLE" IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGE DISCOURSE

Мария Александровна Васильченко

Соискатель кафедры стилистики русского языка факультета журналистики, преподаватель РКИ

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Россия

► maria.a.vasilchenko@gmail.com

Maria A. Vasilchenko

Lomonosov Moscow State University

GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

Научный руководитель:
д-р филол. наук, проф. Н. И. Клушина

Цель статьи состояла в обзоре, анализе и сравнении дефиниций ключевых для лингвистики категорий «жанр», «регистр» и «стиль», представленных в русско- и англоязычном лингвистическом дискурсе. Были проанализированы классические труды российских лингвистов (М. М. Бахтин, М. Н. Кожина, В. В. Виноградов и др.), а также программные работы англо-саксонских ученых (К. Миллер, Д. Кристал и др.). Результаты исследования показали, что пересечения между двумя традициями существуют только в отношении понятия «жанр», в то время как трактовка терминов «регистр» и «стиль» кардинально различаются. Полученные данные могут быть полезны как для российских, так и англоязычных лингвистов. Кроме того, выводы, сделанные в работе, говорят о необходимости обсуждения и координации терминологического аппарата, что, несомненно, послужит развитию диалога между представителями данных школ.

Ключевые слова: жанр; регистр; стиль; лингвистика; стилистика.

The purpose of the article is to review, analyze and compare definitions of the key categories of "genre", "register" and "style" presented in the Russian and English-speaking linguistic discourse. The classical works of Russian linguists (M. M. Bakhtin, M. N. Kozhina, V. V. Vinogradov, etc.), as well as the program works of Anglo-Saxon scholars (C. Miller, D. Crystal and other). The results of the study showed that the intersections between the two traditions exist only in relation to the concept of "genre", while the interpretation of the terms "register" and "style" are fundamentally different. The data obtained can be useful for both Russian and English-speaking linguists. In addition, the conclusions of the work suggest the need for discussion and coordination of the terminological apparatus, which would undoubtedly contribute to the development of dialogue between the representatives of these schools.

Keywords: genre; register; style; linguistics; stylistics.

Современные российские исследования в области стилистики все чаще проводятся на материале английского языка, внимание исследователей привлекает образ России в зарубежных СМИ, имидж зарубежных политиков и т. д. В то же время наблюдается интерес англоязычных ученых к русскому языку. Контакты между российскими и зарубежны-

ми исследователями, в том числе в области стилистики и дискурсивного анализа, становятся всё более очевидными. Очевидно, что для полноценного анализа текста на иностранном языке необходимо использование работ исследователей, для которых этот язык является родным. Однако в случае с английским и русским языками они осложняются различиями в трактовках ключевых категорий, таких, как жанр, регистр и стиль, которые выделяются на основе различных сфер дискурсивных практик (см., напр.: [10]). Задачей данной работы является выявить основные отличия в трактовках указанных понятий в англо- и русскоязычных работах по стилистике. Для реализации этой цели были выбраны как классические труды российских и англо-саксонских лингвистов (М. М. Бахтин, В. В. Виноградов, М. Н. Кожина, Д. Кристал, К. Миллер и др.), так и работы иностранных исследователей русского и славянских языков А. Вежбицкой и Ст. Гайды, поскольку их работы на русском языке оказали значительное влияние на российских учёных.

Относительное сходство научных взглядов у русско- и англоязычных исследователей наблюдается в отношении понятия «жанр», что в значительной степени определяется влиянием работ М. М. Бахтина. В своей известной работе «Жанры речи» (1954) М. М. Бахтин указывает на них как на «относительно устойчивые типы высказываний» [1: 237], существующие в определенной сфере использования языка. РЖ объединяет «тематическое содержание», языковой стиль (то есть «отбор словарных, фразеологических и грамматических средств»), но главное — его композиционное построение: «Все эти три момента — тематическое содержание, стиль и композиционное строение — неразрывно связаны в целом высказывания и одинаково определяются спецификой данной сферы общения» [Там же]. Высказывание, в свою очередь, является единицей речевого общения (в отличие от отдельного слова или предложения), это завершенная реплика, границы которой определяются «сменой речевых субъектов» и которую нельзя рассматривать вне «цепи речевого общения» [Там же: 280], «*звеном*» которого оно является: «Каждое высказывание следует рассматривать как ответ на предшествующие высказывание данной сферы» [Там же: 271]. Высказывание характеризуется не только завершенностью, но и целостностью, которая определяется: 1) предметно-смысловой исчерпанностью; 2) речевым замыслом или речевой волей говорящего; 3) типическими жанровыми формами завершения [Там же: 255]. «Речевая воля говорящего осуществляется прежде всего в *выборе определенного речевого жанра* <...> Мы говорим прежде всего определенными речевыми жанрами, то есть все наши высказывания обладают определенными и относительно устойчивыми типическими *формами построения целого*» [Там же: 257]. По мысли М. М. Бахтина, жанры организуют речь, авторский замысел выражается именно в выборе жанра, а неудача в общении объясняется плохим владением РЖ. В целом, высказывание — является звеном речевого общения, диалога, оно само по себе является ответом и провоцирует ответ, а выбор РЖ (его композиция, стиль и тема) — являются проявлением авторского замысла, авторского «Я». Таким образом, «отливая» речь в «форму определенного жанра», говорящий самовыражается и участвует в общении.

Ст. Гайда, продолжая мысль М. М. Бахтина, предлагает свое определение «жанра текста (высказывания)»: «Жанр — это культурно и исторически оформленный, общественно конвенционализированный способ языковой коммуникации; *образец организации текста* (курсив наш. — *М. В.*). <...> этот термин также означает совокупность текстов, в которых определенный образец является актуализированным, реализованным» [5: 106]. Очевидно сходство этих концепций: жанр понимается как исторически сложившийся способ организации текста, необходимый для речевой коммуникации. Ст. Гайда, как и немецкий ученый Х-Р. Яусс [23: 88], считает, что жанр — это также «горизонт ожидания для слушающих и модель построения для говорящих» [5: 24]. Дополнением к концепции М. М. Бахтина можно считать тезис Ст. Гайды о том, что жанром следует называть также текстовые образцы, которые исторически сложились в определённой культуре и присутствуют в сознании носителей национального языка. Это

можно соотнести с тезисом М. М. Бахтина о том, что обучение языку происходит через обучение языковым жанрам, следовательно, для обучения необходима демонстрация определенных устоявшихся образцов. Также Ст. Гайда отмечает необходимость учета контекста, в котором существует высказывание. Контекст, в свою очередь, может быть трех типов: контекст ситуации, социокультурный (типы ситуации, категории участников) и общекультурный [6: 108]. Мнение М. М. Бахтина о природе речевых жанров разделяет и Анна Вежбицка [3: 104], подчеркивая, что жанр охватывает все от простых бытовых высказываний до сложных литературных жанров и детерминирован прежде всего «при помощи последовательности простых предложений, выражающих мотивы, интенции и другие ментальные акты говорящего». К. А. Рогова, анализируя средства выражения РЖ, отмечает, что в российской лингвистике существует «тенденция в понимании речевой системности», которая связана с «выделением первичных речевых интенционально и тематически обусловленных образований, отмеченных наиболее общими тенденциями в отборе конструкций для передачи смысла и выделением принципа их объединения» [17: 265].

Понятие «жанр» находит широкое распространение и в англоязычной лингвистической литературе. Так, К. Миллер в своей программной статье «Жанр как социальное действие» [25] выдвигает тезис, что жанр — «это типичное риторическое действие в повторяющихся ситуациях» (здесь и далее перевод наш. — *М. В.*). Основной тезис К. Миллер состоит в том, что жанр является социальным действием в том смысле, что представляет собой намеренное риторическое действие, обусловленное социальным запросом (social exigence), направленное на формирование определенного ответа, понимания со стороны участников коммуникации. Таким образом, «жанры необходимы для выражения мысли понятным и узнаваемым в том или ином обществе способом» [Там же: 159]. Сходство концепцией речевых жанров здесь очевидно.

Продолжая мысль К. Миллер, Э. Дэвитт [21: 578] указывает на то, что жанр — это не только способ «адаптации» к ситуации, способ донести свою мысль с учетом определенных условий, но и способ конструирования ситуации: «Жанр и ситуация настолько близко связаны, что их невозможно отделить друг от друга, однако жанр детерминирует ситуацию точно так же, как ситуация детерминирует жанр», жанр одновременно является и способом конструирования ситуации и реакции на нее. Это именно действие.

Д. Бибер и С. Конрад [19: 21] относят жанр к риторической и композиционной организации текста. В интерпретации исследователей к жанровым особенностям относятся те языковые средства, которые необходимы для создания структуры текста, например, такие фразы, как: «Искренне Ваш», «Уважаемый сэр», «С наилучшими пожеланиями» и пр.

Таким образом, русско- и англоязычные исследователи разделяют мнение о том, что жанр относится к риторической организации высказывания (текста), которая зависит от контекста и одновременно его обусловливает и которая необходима для выстраивания коммуникации.

Далее уточним понятие «регистр», поскольку оно является рабочим для англоязычной литературы. В англоязычной литературе понятия «жанр» и «регистр» часто используются как синонимы из-за того, что и в том и в другом случае исследователи считают определяющим для них ситуационный контекст. Например, компоненты ситуации, которые М. А. К. Халлидэй называет регистром, а именно: поле (что происходит), направление (кто участвует) и модальность (какую роль играет язык) [22: 31–35], Э. Дэвитт намеренно называет жанром. Д. Бибер и С. Конрад обсуждают отличия регистра и жанра, указывая на близость эти понятий [19: 28]. Они определяют регистр как некий тип высказываний (текстов), обусловленный ситуационным контекстом и коммуникативными задачами: «описание регистра охватывает три основных компонента: ситуационный контекст, лингвистические особенности и функциональные отношения между первыми двумя компонентами» [Там же]. Д. Бибер и С. Конрад считают, что языковые средства, которые характерны для того или иного жанра, по-

являются в тексте только один раз, именно в этой локальной структуре, в то время как маркеры регистра распространены по всему тексту. В связи с этим жанр можно определить только при анализе всего текста, а регистр на примере его отрывков. В этом исследователи видят основное отличие данных явлений. Часто регистр описывается как отбор языковых средств, связанный со степенью формализованности и официальности текста. Например, М. Мэнсер и С. Кёрстис [24: 200] трактуют регистр как «вариант или уровень использования языка, который определяется степенью формальности и выбором лексем, произношения и синтаксиса в соответствии с коммуникативной целью, социальным контекстом и положением пользователя». Такое понимание регистра оказывается близким существующему в русскоязычной литературе понятию «функциональный стиль»: «одно из свойств языковой ткани текста, обусловленное общей спецификой экстралингвистической основы текста (или совокупности текстов) и выражающееся во взаимосвязи языковых единиц текста общего функционального значения» [14: 35].

Совсем иначе понятие «регистр» используется русскоязычными исследователями. Так, Г. А. Золотова [9: 402] определяет понятие «коммуникативные регистры» как «коммуникативные типы», обладающие совокупностью признаков: а) «характер отображаемой в речи действительности»; б) «пространственно-временная дистанцированность позиции говорящего или персонажа-наблюдателя и — соответственно — способ восприятия, сенсорный или ментальный»; в) «коммуникативные интенции говорящего». Г. А. Золотова выделяет репродуктивный (изобразительный), информативный, генеретивный, волюнтивный регистры, различающиеся по своей функции: воспроизведение действительности средствами языка, сообщение о явлениях действительности, осмысление действительности, побуждение к действию. То есть основным условием выделения регистров оказывается то, что обозначено в пункте б): «пространственно-временная дистанцированность позиции говорящего или персонажа-наблюдателя и — соответственно — способ восприятия, сенсорный или ментальный». Что касается «отображаемой в речи действительности», то автор опирается на функционально-смысловые типы речи (ФСТР): описание и повествование (репродуктивно-описательный и информативно-описательный, а также репродуктивно-повествовательный и информативно-повествовательный регистры [Там же: 30]). Заметим, что ФСТР, традиционно входящие в русскую риторику, в том же составе разрабатываются и в зарубежной лингвистике под названием *пассажи* — «фрагменты дискурса с *единым типом изложения*» [11: 598].

Коммуникативные функции регистров реализуются через выразительные языковые средства.

Рассматривая проблему восприятия рекламного сообщения его адресатом, Е. Г. Борисова [2: 62] использует понятие «регистр восприятия» («способ подачи информации в зависимости от оценки достоверности адресатом») и выделяет четыре таких регистра: информирующий, основная цель которого передать информацию, пафосный (эмоциональная подача), юмористический и стилизация [Там же: 154].

Можно заключить, что в русско- и англоязычной литературе понятие «регистр» используется кардинально разным образом, несмотря на то что в обеих традициях учитывается его коммуникативная функция. Если в англоязычной литературе регистр понимается как совокупность языковых средств, необходимая для выражения мысли говорящего способом, уместным в той или иной ситуации, то в российской литературе «регистр» — это «модель отображения действительности, обусловленная точкой зрения говорящего, его коммуникативными интенциями и выражаемая совокупностью языковых средств» [9: 331].

Переходя к определению понятия «стиль», необходимо отметить, что в данной работе мы, прежде всего, сравниваем определения этого понятия в лингвистическом аспекте, которые, тем не менее, неотделимы от понимания стиля в художественной литературе (и в других видах искусства), а также стиля вообще. М. М. Бахтин называл стилем «отбор словарных и грамматических средств» [1: 237], который неразрывно

связан с РЖ: «где стиль, там и жанр» [1: 244], тематикой, а главное композицией высказывания, «типами его завершения, типами отношения говорящего к другим участникам речевого общения» [Там же: 242]. Как следствие, использование стиля, несвойственного тому или иному жанру, «разрушает» его и препятствует коммуникации.

В англоязычной литературе, где основными понятиями являются «жанр» и «регистр», к понятию «стиль» сложилось неоднозначное отношение, поскольку оно не вписывается в концепцию анализа высказывания исключительно с позиций его коммуникативных целей и конситуативных детерминант. Стиль, таким образом, понимается англоязычными исследователями как особая характеристика художественной литературы, авторский стиль, отбор выразительных средств языка с элокутивной целью (например, стиль Джеймса Джойса). Так, Д. Бибер и С. Конрад указывают, что, в отличие от языковых средств, связанных с регистром, средства, связанные со стилем, не функциональны, а определены эстетическими предпочтениями автора [19: 18]. С подобным утверждением спорит, например, Д. Кристал [20: 280], утверждая, что понятие «регистр» редукционистское, и описывает стиль как «языковые привычки, выделяющиеся среди общей массы лингвистических средств английского языка, используемых в любой мыслимой ситуации; эти средства ограничены конкретным социальным контекстом». Д. Кристал предлагает использовать систему дискурсов (новостной, религиозный, разговорный и др.), в которых существуют те или иные стили. Эту концепцию можно сравнить с системой функциональных стилей, предложенной М. Н. Кожиной в русской стилистике. П. Стоквелл [26: 746], рассуждая о проблемах стилистки, подчеркивает, что сложность формулировки ее основных задач обусловлена именно невозможностью определить термин «стиль», который может быть детерминирован либо личностью автора, либо контекстом ситуации, что раздвигает «границы стиля» до границ национального языка, следовательно, невозможно отделить стиль от «не-стиля».

Между тем в русскоязычной лингвистической литературе существует разграничение между понятиями «идиостиль», «функциональный стиль», «стиль (вообще)». В. В. Виноградов указывает на то, что индивидуальный стиль — это «структурно единая и внутренне-связанная система средств и форм словесного выражения» [4: 105]. В. П. Григорьев [8: 3] подчеркивает, что «описание идиостиля должно быть устремлено к выявлению глубинной семантической и категориальной связности его элементов, воплощающих в языке творческий путь поэта, к сущности его явной или неявной рефлексии над языком». В свою очередь, под функциональным стилем понимается «своеобразный характер речи той или иной социальной ее разновидности, соответствующей определенной сфере общественной деятельности и соотнесенной с ней форме сознания, создаваемый особенностями (принципами) функционирования в этой сфере языковых средств и специфической речевой организацией» [13: 62].

Наиболее распространённым определением термина «стиль», которое повлияло на появление термина «функциональный стиль», является дефиниция В. В. Виноградова: «Стиль — это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой практике данного народа» [4: 73].

Ст. Гайда в статье «Что есть стиль?» [7] приводит восемь трактовок данного понятия и предпринимает попытку создать интегративную концепцию. По мнению ученого, стиль детерминирован не только социокультурным контекстом и коммуникативными задачами, но и авторским «Я», всем знанием человека о мире. Ст. Гайда предлагает рассматривать стиль как «гуманистическую структуру текста», «наивысшую организационную инстанцию в тексте», стиль — это поведение индивидуума в речевой коммуникации. Говорящий в коммуникации — это «творческий

субъект», который воспринимает и реконструирует текст, стиль говорящего — объединяет все компоненты текста в единое целое: «Стиль пронизывает текст, составляет его душу, объединяя в одно целое все тексто- и стилеобразующие элементы» [7: 98].

Концепция Ст. Гайды во многом коррелирует с утверждением М. М. Бахтина о том, что любой стиль неразрывно связан с «типическими формами высказываний, то есть речевыми жанрами», но любое высказывание индивидуально и может «обладать индивидуальным стилем». При этом наиболее благоприятны для авторского самовыражения жанры художественной литературы, в отличие от жанров, в которых необходима «стандартная форма». Разница двух концепций заключается в том, что М. М. Бахтин отводит именно РЖ ключевую роль в речевой коммуникации, в то время как Ст. Гайда убежден, что именно стиль — это структура, которая детерминирует абсолютно все характеристики текста, поскольку их отбор, в том числе и выбор жанра, детерминирован именно волей и личностью говорящего.

Таким образом, русская стилистика представляется гораздо более глубоко разработанной дисциплиной, чем англо-саксонская. К такому выводу заставляет прийти тот факт, что в русскоязычной литературе уже решены многие важные проблемы, в том числе, различие авторского стиля и стилистического образца, выражения индивидуального стиля в нехудожественном высказывании (тексте), соотношения понятий «жанр» и «стиль». В то время как англоязычная литература не располагает подобным категориальным аппаратом. В русской стилистике возникают новые значимые вопросы: например, о соотношении стилей языка и стилей речи [16], взаимодействие нормы и стиля [18] и многие другие. Продолжается изучение стиля масс-медиа. Так, В. И. Коньков пишет о том, что тексты стиля медиа являются слишком «разноплановыми», чтобы изучать их с позиций функциональной стилистики, а публицистическая составляющая в них часто отсутствует, в связи с чем принципы стилистического анализа В. Г. Костомарова здесь более уместны: «Отталкиваясь от конкретного стилистического явления, мы пытаемся сформировать концепцию речевого поведения, в результате чего и возникает <...> стилевое явление» [15: 15]. Н. И. Клушина также предлагает альтернативный подход в рассмотрении текстов СМИ и выдвигает концепцию медиастиля как совокупности различных нарративов, развивающихся во времени, среди которых прослеживается базовый нарратив [12].

В целом, можно заключить, что если в области изучения жанров научные традиции во многом совпадают, благодаря прежде всего влиянию работ М. М. Бахтина, то в отношении терминов «регистр» и «стиль» пересечений наблюдается крайне мало. Понятие «регистр» используется англо- и русскоязычными исследователями по-разному: первые интерпретируют отбор лексических и грамматических средств, вторые рассматривают способ, модель подачи сообщения или ее восприятия. Дефиниции термина «стиль» отчасти совпадают только в одном: под стилем понимаются выразительные средства языка. В связи со всем сказанным, становится очевидной необходимость научных дискуссий, стремление согласовать терминологический аппарат, или, по крайне мере, обозначить круг проблем, нуждающихся в осмыслении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров; примеч. С. С. Аверинцев, С. Г. Бочаров. М., 1979.

2. *Борисова Е. Г.* Рекламный текст с позиции адресата // Борисова Е. Г., Викулова Л. Г. Маркетинговая лингвистика: коллективная монография. М., 2019. С. 57–65.

3. *Вежбицка А.* Речевые жанры // Жанры речи: Сб. науч. ст. Саратов, 1997. С. 99–112.

4. *Виноградов В. В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 60–87.

5. *Гайда С.* Проблемы жанра // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая организация: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1986. С. 22–29.

6. *Гайда С.* Жанры разговорных высказываний // Жанры речи: Сб. науч. ст. Саратов, 1999. С. 105–113.

7. *Гайда С.* Что есть стиль? // Стереотипность в творчестве и тексте: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2003. С. 93–102.

8. *Григорьев В. П.* Грамматика идиостиля: В. Хлебников / Отв. ред. А. Д. Григорьева. М., 1983.

9. *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2003.

10. *Кашкин В. Б.* Дискурс: пределы точности // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: кол. мо-

нография / Под ред. Г. Я. Солганика, Н. И. Клушиной, Н. В. Смирновой. М., 2014. С. 46–51.

11. *Кибрик А. А.* Когнитивный анализ дискурса: локальная структура // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев. М., 2015. С. 595–634.

12. *Клушина Н. И.* Медиастилистика: монография. М., 2018.

13. *Кожина М. Н.* Речеведение и функциональная стилистика: вопр. теории. Пермь, 2002.

14. *Кожина М. Н.* Стилистика русского языка. М., 1977.

15. *Коньков В. И.* Стилистические явления в речевой практике СМИ // Вестн. Пермского ун-та. 2009. Вып. 6. С. 14–18.

16. *Москвин В. П.* Вопрос о стилях языка и стилях речи // Актуальные проблемы стилистики. 2016. № 2. С. 31–37.

17. *Рогова К. А.* Речевой жанр и языковые средства его реализации // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: сб. тр. конф. СПб., 2015. С. 264–266.

18. *Хазагеров Г. Г.* Форма, норма, репутация и задачи стилистики // Актуальные проблемы стилистики. 2016. № 2. С. 37–45.

19. *Biber D., Conrad S.* Regester, Genre and Style. Cambridge, 2009.

20. *Crystal D., Davy D.* Investigating English Style. Longman, 1969.

21. *Devitt Amy J.* Generalizing about genre: New conceptions and old concept // College composition and Communication. 1993. Iss. 44. N 4. P. 573–586.

22. *Halliday M. A. K.* Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. London, 1978.

23. *Jauss H. R.* Towards an Aesthetic of Reception. Minneapolis, MN, 1982.

24. *Manser M. H., Curtis S.* The Facts on File Guide to Style. Infobase Publishing, 2014.

25. *Miller C. R.* Genre as a social action // Quarterly journal of speech. 1974. P. 151–167.

26. *Stockwell P.* Stylistics: language and literature // Bas Arts and April McMahon (eds.) The Handbook of English Linguistics. Oxford, 2005.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. (1979) Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. In: Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal art]*. Moscow. (in Russian)

2. Borisova E. G. (2019) Reklamnyi tekst s pozitsii adresata [Advertising text from the position of the addressee]. Borisova E. G., Vikulova L. G. *Marketingovaia lingvistika [Marketing linguistics]*. Moscow, pp. 57–65. (in Russian)

3. Vezhbitska A. (1997) Rechevye zhanry [Speech genres]. *Zhanry rechi [Genres of speech]*. Saratov, pp. 99–112. (in Russian)

4. Vinogradov V. V. (1955) Itogi obsuzhdeniia voprosov stilistiki [Results of discussion of stylistics issues]. *Voprosy iazykoznaniia [Topics in the study of language]*, no. 1, pp. 60–87. (in Russian)

5. Gaida S. (1986) Problemy zhanra [Problems of the genre]. In: *Funktsional'naia stilistika: teoriia stilei i ikh iazykovaia organizatsiia [Functional Stylistics: Theory of Styles and their Language Organization]*. Perm', pp. 22–29. (in Russian)

6. Gaida S. (1999) Zhanry razgovornykh vyskazyvanii [Genres of colloquial expressions]. In: *Zhanry rechi [Genres of speech]*, Saratov, pp. 105–113. (in Russian)

7. Gaida S. (2003) Chto est' stil'? [What is style?]. In: *Stereotipnost' v tvorchestve i tekste [Stereotypicality in art and text]*. Perm', pp. 93–102. (in Russian)

8. Grigor'ev V. P. (1983) *Grammatika idiostilia: V. Khlebnikov [The grammar of idiostyle. V. Khlebnikov]*. Moscow. (in Russian)

9. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Iu. (2003) *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka [Communicative grammar of the Russian language]*. Moscow. (in Russian)

10. Kashkin V. B. (2014) Diskurs: predely tochnosti [Discourse: limits of accuracy]. In: Solganik G. Ia., Klushina N. I., Smirnova N. V., eds. *Diskurs i stil': teoreticheskie i prikladnye aspekty [Discourse and style: theoretical and applied aspects]*. Moscow, pp. 46–51. (in Russian)

11. Kibrik A. A. (2015) Kognitivnyi analiz diskursa: lokal'naia struktura [Cognitive discourse analysis: Local structure]. In: Kibrik A. A., Koshelev A. D., comp. *Iazyk i mysl': Sovremennaia kognitivnaia lingvistika [Language and thougte: Contemporary cognitive linguistics]*. Moscow, pp. 595–634. (in Russian)

12. Klushina N. I. (2018) *Mediastilistika [Mediastilistics]*. Moscow. (in Russian)

13. Kozhina M. N. (2002) *Rechevedenie i funktsional'naia stilistika: voprosy teorii [Speechology and functional stylistics: theory questions]*. Perm'. (in Russian)

14. Kozhina M. N. (1977) *Stilistika russkogo iazyka [Stylistics of the Russian language]*. Moscow. (in Russian)

15. Kon'kov V. I. (2009) Stilisticheskie iavleniia v rechevoi praktike SMI [Stylistic phenomena in the speech practice of mass media]. *Vestnik Permskogo universiteta [Perm University Herald]*, iss. 6, pp. 14–18. (in Russian)

16. Moskvin V. P. (2016) Vopros o stiliakh iazyka i stiliakh rechi [The question of language styles and speech styles]. In: *Aktual'nye problemy stilistiki [Actual problems of stylistics]*, no. 2, pp. 31–37. (in Russian)

17. Rogova K. A. (2015) Rechevoi zhanr i iazykovye sredstva ego realizatsii [Speech genre and language means of its realization]. In: Proceedings of the Conference *"Russkii iazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury" [Russian language and literature in the world culture]*. St. Petersburg, pp. 264–266. (in Russian)

18. Khazagerov G. G. (2016) Forma, norma, reputatsiia i zadachi stilistiki [Form, norm, reputation and stylistics problems]. In: *Aktual'nye problemy stilistiki [Actual problems of stylistics]*, no. 2, pp. 37–45. (in Russian)

19. Biber D., Conrad S. (2009) *Regester, Genre and Style*. Cambridge. (in English)

20. Crystal D., Davy D. (1969) *Investigating English Style*. Longman. (in English)

21. Devitt Amy J. (1993) Generalizing about genre: New conceptions and old concept. *College composition and Communication*. 1993, iss. 44, no. 4, pp. 573–586. (in English)

22. Halliday M. A. K. (1978) *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. London. (in English)

23. Jauss H. R. (1982) *Towards an Aesthetic of Reception*. Minneapolis, MN. (in English)

24. Manser M. H., Curtis S. (2014) *The Facts on File Guide to Style*. Infobase Publishing. (in English)

25. Miller C. R. (1974) Genre as a social action. *Quarterly journal of speech*, pp. 151–167. (in English)

26. Stockwell P. (2005) Stylistics: language and literature. In: Bas Arts and April McMahon, eds. *The Handbook of English Linguistics*. Oxford, 2005. (in English)

Т. В. Анисимова, С. А. Чубай

DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12049

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ

TATIANA V. ANISIMOVA, SVETLANA A. CHUBAY

FEATURES OF INTERTEXTUALITY IN RUSSIAN SOCIAL ADVERTISING

В статье приводится классификация видов интертекстуальности, характерных для дискурса социальной рекламы. На первом этапе разделяются интериконичность и интертекстуальность. Последняя, в свою очередь, разделяется на прямую, где заимствуемый текст имеет форму дословного воспроизведения речи другого человека, и косвенную, где заимствуемый текст сообщается в пересказе.

Ключевые слова: социальная реклама; интертекстуальность; интериконичность.

The article provides a classification of the types of intertextuality characteristic for social advertising discourse. At the first stage, intericonicity and intertextuality are distinguished. The latter, in turn, is divided into a direct one, in which the borrowed text has the form of literal reproduction of the speech of another person, and indirect one, where the borrowed text is reported in the retelling.

Keywords: social advertising; intertextuality; intericonicity.

Татьяна Валентиновна Анисимова

Профессор кафедры русской филологии и журналистики

► atvritor@yandex.ru

Светлана Анатольевна Чубай

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики

► chubaj77@mail.ru

Волгоградский государственный университет

Университетский пр., д. 100, Волгоград, 400062, Россия

Tatiana V. Anisimova, Svetlana A. Chubay

Volgograd State University

100, Universitetsky pr., Volgograd, 400062, Russia

1. Введение

Считается аксиомой, что задачей социальной рекламы (СР) является привлечение внимания адресата к социально значимым проблемам, стоящим перед обществом. Основная сложность в решении этой задачи состоит, с одной стороны, в большой конкуренции в борьбе за внимание потенциального адресата, а с другой стороны, в том, что срок восприятия и осмысления адресатом таких текстов достаточно ограничен. Следовательно, плакаты СР, размещенные в городе, должны быть рассчитаны на быстрое и легкое воздействие и включать разнообразные приемы удержания внимания, начиная от ярких красок и необычных изображений и заканчивая всевозможными eye-stopper, способными удивить (заинтриговать) зрителя.

Одним из способов ускорения восприятия и повышения эффективности воздействия СР является использование различных интертекстуальных включений, поскольку они заранее известны адресату и имеют устоявшиеся ассоциативные связи, что значительно облегчает процесс их опознания и усвоения, оптимизирует убеждение благодаря понятности содержания. «Сохраняя определенный начальный смысл, они обладают возможностью, попадая в поле человеческого восприя-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 18-412-340005, р_а

тия, обновлять и приумножать этот смысл» [13: 32]. Кроме того, подобные включения создают интригу, побуждают адресата вспомнить прототекст, причем процесс узнавания источника цитаты может принести ему эмоциональное удовлетворение.

Изучение инородных вкраплений в тексты СР показывает, что прежде всего они должны быть разделены на текстуальные и визуальные. Последние играют в дискурсе СР особую роль, что предполагает отдельное рассмотрение понятия интериконичности, под которым понимается «отсылка к прототексту (тексту источника) не вербального, а визуального характера, визуализированная интертекстуальность» [14: 36]. В свою очередь, собственно интертекстуальность в СР реализуется в форме использования прецедентных текстов и прецедентных имен, причем присутствие текстов проявляется «в двух видах цитации: присутствии ссылок на мнения экспертов (политиков, общественных деятелей, других СМИ) и собственно интертекстуальных знаков, обладающих лингвокультурологической ценностью» [Там же: 30]. В СР первый вид цитации проявляется, как правило, в использовании ссылок на законы и постановления авторитетных организаций. Во втором случае интертекстуальные знаки служат для формирования образа, оценки.

Для описания особенностей интертекстуальности в СР нами было собрано около 12 000 плакатов методом сплошной выборки из различных медиабанков сети Интернет, посвященных социальной рекламе (на официальных интернет-ресурсах общественных организаций и фондов, бизнес-субъектов, государственных органов, российских фестивалей и конкурсов социальной рекламы, рекламных порталов и т. п.).

2. Интериконичность

Как известно, СР по большей части использует уже устоявшиеся в общественном речевом узусе образные выражения. Оживление подобных штампов происходит за счет соотнесения вербальной части рекламного текста с невербальным визуальным компонентом [11].

Наблюдения показывают, что в СР наиболее частотными являются следующие виды визуальных заимствований.

1. Знаки дорожного движения (знаки, используемые в кластере «Соблюдение ПДД» в прямом значении, в расчет не принимаются) помогают четко и наглядно передать простую идею с помощью знакомых всем символов. Чаще всего в этой функции используются формы знаков «Стоянка запрещена» и «Движение без остановки запрещено», поскольку они позволяют создать выразительный образ запрета (рис. 1).

Из других знаков популярностью пользуются «Дети» (*Осторожно, жестокость!*) и всевозможные дорожные указатели (*До дома 60 км/час, до морга 160 км/час*) (рис. 2).

2. Произведения изобразительного искусства в некоторых случаях выполняют иллюстративную функцию: передают атмосферу, создают эмоциональный настрой (рис. 3).

Как видим, на первом плакате воспроизводится картина К. Петрова-Водкина «Мать», второй образец входит в серию плакатов «Здоровый

Рис. 1. Запрещающие знаки как вид визуального заимствования

образ жизни — это искусство», представляющую наиболее популярные виды спорта (футбол, хоккей, конный спорт и т. п.), каждый из которых иллюстрируется картиной советского художника. Этот прием служит повышению эстетической ценности СР, что помогает сделать плакат более запоминающимся, привлекательным, необычным.

В других ситуациях известные картины помогают глубже понять идею плаката, поскольку устанавливают ассоциации между пропагандируемым тезисом и содержанием картины (рис. 4).

На первом плакате фрагмент картины И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван» является наглядной иллюстрацией того, к чему может привести несдержанность, служит предосте-

Рис. 2. Предупреждающие знаки и дорожные указатели как вид визуального заимствования

Рис. 3. Произведения изобразительного искусства в СР

Рис. 4. Использование картин, помогающих понять идеи плакатов

режением родителям, привыкшим слишком строго наказывать своих детей. На втором плакате присутствует надпись «Чтобы испортить что-то неповторимое, достаточно вырезать из него часть. Подумай об этом, если собираешься делать аборт». Здесь проводится аналогия между мировым шедевром живописи и жизнью нерожденного ребенка, с помощью которой подчеркивается ценность последней.

3. Графика. В СР довольно часто используются сюжеты советских плакатов, способные вызвать у адресата соответствующие ассоциации. Наиболее популярным оказался известный плакат — *Ты записался добровольцем?* — который встречается во многих тематических рубриках. При этом изображенный на нем красноармеец может переходить на новый плакат как в неизменном виде, так и подвергаться разнообразным трансформациям, что возможно именно по причине узнаваемости этого персонажа (рис. 5).

Кроме того, активно используются плакаты «*Родина мать зовет!*», «*Ленгиз. Книги по всем отраслям знания*» и «*Нет!*» (плакат, изначально пропагандирующий отказ от спиртного) (рис. 6).

Особенно много таких переосмысленных советских плакатов в кластере, агитирующем против внедрения в России ювенальной юстиции (о принципах тематической классификации СР см.: [3]). Здесь активно используются плакаты времен Великой Отечественной войны, с помощью которых подчеркивается идея смертельной опасности, нависшей над страной и народом: «Родина мать зовет» (*Тревога, родители! Отрежут по живому*); «Ты записался добровольцем?» (*Ты готов отдать своего ребенка?*); «Воин Красной армии, защити!» (*Проснись, Россия! Иначе проспишь своих детей!*) и т. д.

4. Изображения известных людей. Необходимо отметить, что в данную группу попадают только те фотографии и портреты, которые

Рис. 5. Сюжеты советских плакатов в современной СР

Рис. 6. Сюжеты советских плакатов в современной СР

получили известность отдельно от СР и имеют самостоятельную узнаваемость (рис. 7).

Как видим, на первом плакате использован автопортрет А. С. Пушкина; на втором — известное фото актрисы М. Монро; наконец, на третьем представлен классический портрет А. П. Чехова.

5. Персонажи из известных художественных и мультипликационных фильмов, звезды эстрады и т. п. В условиях засилия массовой культуры подобные отсылки обладают большим воздействующим потенциалом (рис. 8).

На первом плакате в качестве доктора, прописавшего чтение, выступает заглавный персонаж телевизионного сериала «Доктор Хаус». На втором мы видим любимую многими детьми героиню мультфильма «Маша и Медведь». На третьем плакате проводится аналогия между людьми и дельфинами, причем из людей выбраны певец Дельфин, а также композитор и певец И. Николаев, прозванный Дельфином после исполнения песни «Дельфин и Русалка».

6. Детские рисунки на плакатах СР позволяют добиться интимизации послания, подчеркивают полезность предлагаемого для жизни (рис. 9).

7. Наконец последнюю группу составляют плакаты, где в качестве прецедентных изображений используются **известные символы идей, видов деятельности, городов** и т. п. (рис. 10).

В первом примере используется образ справедливого правосудия, популярный в юриспруденции; во втором примере прокурор принимает облик Георгия Победоносца с копьем, убивающего змея; на третьем плакате использован символический образ голубя мира.

Из специфических символов отметим реалии, имеющие отношение к торговле, употребительные во многих рубриках: штрихкод на голове человека (*Алкоголь превращает тебя в товар!*),

Рис. 7. Изображения известных людей на современных плакатах СР

Рис. 8. Известные персонажи в современной СР

ценник на спине у девочки (*А вы гладите только вещи?*), а также различные торговые этикетки. Так, один из плакатов воспроизводит советскую коробку папирос «Казбек», где был изображен силуэт скачущего всадника на фоне горы Казбек. Однако на плакате всадник падает с лошади. Подпись гласит: *Спорт и курение несовместимы.*

3. Интертекстуальность

В современной науке существует большое количество разнообразных определений понятия «интертекстуальность», конкретное наполнение которых в большой степени зависит от взглядов ученого и целей его исследования. Однако, как подчеркивают авторы, изучающие это явление, во всех определениях присутствуют некоторые инвариантные признаки, которые могут быть сведены к следующему: «интертекстуальность — присутствие в тексте других текстов или их элементов» [9: 7]. При этом если для собственно научных целей такого определения вполне достаточно, то при изучении степени эффективности СР появляется дополнительный компонент определения: под интертекстуальностью понимается «особый коммуникативный процесс, при котором автор текста не только намеренно включает в него фрагменты других текстов, но и ожидает от читателя, что тот распознает интертекстуальное включение, осознает его как намеренно используемое автором и как важное для понимания текста» [8: 6]. Таким образом, интертекстуальность может быть квалифицирована как средство воздействия только в тех случаях, когда она понятна адресату и вызывает соответствующие ассоциации.

Разработке классификации видов интертекстуальности посвящены десятки трудов (см., например, обзор работ в [10]). Вместе с тем наблюдения показывают, что весьма сложно создать универсальную классификацию, поскольку в разных дискурсах актуальны неодинаковые

Рис. 9. Мотивы детских рисунков на современных плакатах СР

Рис. 10. Известные символы как элемент заимствования в современной СР

источники и способы заимствования. По нашим наблюдениям, для дискурса СР актуально разделение всех форм использования прецедентных текстов на прямое и косвенное.

3.1. Прямое взаимодействие

Прямое взаимодействие текстов имеет форму «дословного воспроизведения речи другого человека» [4: 511]. Все случаи такого взаимодействия могут быть объединены в две группы. В первую мы включаем цитацию — воспроизведение фрагментов документов и мнения людей, которые квалифицируются как авторитетная инстанция. Для дискурсов, где оценивается общественная практика (политический, судебный, дискурс СР и др.), ссылка на авторитет (если она правильно построена) приравнивается к рациональным аргументам, поскольку нормы, зафиксированные в документах, равно как и суждения, сформулированные экспертами (специалистами в рассматриваемой области), претендуют на истину. Во вторую группу включаются заимствования из литературных источников и товарной рекламы. Их особенностью является наличие аллюзий и метафорического компонента, который способствует возникновению разнообразных дополнительных ассоциаций.

1. Цитирование законов, документов и других официальных источников. К представленной группе относятся:

1) **ссылки на законы.** Если это элемент прямого взаимодействия, норма закона полностью приводится на плакате:

В соответствии с Законом № 15-ФЗ с 15.11.2013 полностью запрещена реклама табака, табачной продукции, табачных изделий и курительных принадлежностей. Штраф за нарушение данного запрета для организаций составит от 150 до 600 тыс. руб. К ответственности могут быть привлечены рекламодатели, рекламопроизводители и рекламораспространители;

2) **ссылки на документы** авторитетных учреждений:

По определению ***всемирной организации здравоохранения****, здоровье — это состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие болезней;*

3) **ссылки на «Красную книгу»** часто встречаются в кластере «Охрана диких животных»:

Атлантический морж. Уникальный вид, обитающий в Баренцовом море. Эти млекопитающие входят в Красную книгу РФ. Атлантический морж — самый уязвимый к развитию нефтегазовой промышленности вид. В опасности!;

4) **ссылки на священные книги.** Нередко для верующих такая ссылка оказывается более авторитетной, чем ссылка на закон или мнение ученого:

Делайте добро сиротам и таким, которые в нужде. Коран; Кто мой ближний? Оказавший милость. Библия; С точки зрения Вед, аборт — это самое жестокое убийство, которое только существует.

2. Цитирование мнения авторитетного человека в СР имеет достаточно специфический вид, поскольку часто обращается не к мнению специалиста, а к мнению человека, пользующегося авторитетом у целевой группы. Следовательно, по тому, кто привлекается в качестве авторитета, можно определить, к какой именно целевой группе обращается адресант. Здесь выделены следующие разновидности.

1. ***Апелляция к мнению известных современников***. Это самая обширная группа включений. Вместе с тем если в других дискурсах «аллюзивные имена собственные образуют ядро системы интертекстуальных элементов» [7: 5], то в СР в абсолютном большинстве случаев авторы плакатов используют в этой функции образы реальных спортсменов, артистов и телеведущих (в редких случаях политиков), а не аллюзивные фигуры. Это значит, что никакого метафорического потенциала упоминаемые имена не несут, а выступают именно в роли людей, к мнению которых захочет прислушаться целевая группа адресатов.

Необходимо выделить две степени соответствия обнаруженного материала концепции интертекстуальности:

– персонажи СР высказывают свои собственные суждения о затрагиваемой проблеме, поэтому апелляция к их мнению может быть признана формой интертекстуальности: *Для меня мех — это сомнительная роскошь ценой чьей-то жизни* (певица Ёлка); *Будь гражданином! Сорви рекламу пива в метрополитене!* (на плакате фото депутата Гос. Думы Игоря Брумеля, который, ведет активную антиалкогольную работу);
– персонажи транслируют лозунги СР, разработанные адресантом (а не свои мысли): *Займись спортом, будь на максимуме!* (Анатолий Чиканчи, мастер спорта международного класса по таэквондо); *Займись спортом, будь лучшим!* (Эдуард Найденков, капитан ХК «Строитель»); *Займись спортом, преодолей себя!*

(Раиса Головина, лыжница, абсолютная чемпионка мира). Полная однотипность лозунгов в серии (всего 9 плакатов), отсутствие индивидуальности текстов показывает, что они были задуманы автором серии, а не персонажами.

Следует признать, что между этими случаями нет непроходимой границы, поскольку далеко не всегда понятно, излагает персонаж свои собственные мысли или только транслирует рекомендованный автором текст.

2. ***Апелляция к мнению лиц*** прославившихся, вошедших в историю. Эти персонажи всегда оцениваются как авторитетные инстанции. Чаще всего в этой роли выступают известные писатели: *Природа-мать мудра, да сын безмозглый...* (У. Шекспир); *От курения тупеешь, оно не совместимо с творческой работой* (Иоганн Гете); ученые: *Доказано, что даже малые дозы алкоголя ослабляют умственные способности* (В. М. Бехтерев); *Подвижный, быстрый человек гордится стройным станом. Сидящий сиднем целый век подвержен всем изъянам* (Авиценна); исторические деятели: *Кто украдет из казны больше, чем стоит метр веревки, тот на этой веревке повешен будет* (Петр I); *Народ, не имеющий национального самосознания, есть навоз, на котором прорастают другие народы* (П. А. Столыпин, великий русский государственный деятель).

Особой разновидностью этого вида цитирования является обращение к высказываниям святых и праведников:

«Вот вам мое завещание: не имейте в дому своем не только вина, но даже посудины винной» (Серафим Саровский о грехе винопития); *«Заклающий вола — то же, что убивающий человека»* (Исайя. 66: 3).

3. Цитирование литературных источников

1. Цитаты из известных ***произведений художественной литературы*** могут воспроизводиться полностью и с указанием автора:

«Русь, куда ж несешься ты?» (Н. В. Гоголь). *Не превышайте скорость, о ваших мертвых душах книгу не напишут; На улицах столицы живет около 30 тысяч бездомных собак. Мы в ответе за тех, кого приручили* (Антуан де Сент-Экзюпери).

В других случаях автор цитаты не указывается. Чаще всего это касается наиболее известных фрагментов, уже ставших фразеологическими оборотами:

Быть или не быть? Алтай без наркотиков; Аборт. Преступление без наказания?

Остальные неавторизованные цитаты относятся к детской литературе:

(изображение котенка и щенка) *Нет у нас подушки, нет и одеяла. Жмемся мы друг к дружке, чтоб теплее стало. Возьми друга из приюта!* (цитата из стихотворения С. Маршака «Кошкин дом»).

Особенно много подобных цитат в рубрике «Семья», где регулярно встречается стихотворное оформление текста плаката, однако нигде не указано, кто автор этих стихов:

Крошка сын пришел к отцу и сказала кроха: С папой очень хорошо, а без папы плохо!

2. Цитаты из ***песен***. Наиболее показательным примером является фрагмент из песенки мамонтенка, который используется на многих плакатах, посвященных проблеме усыновления детей из детских домов:

Пусть мама услышит, пусть мама придет. Пусть мама меня непременно найдет.

Нередко при использовании подобных цитат допускается замена отдельных компонентов:

*Пусть всегда будет **книга**!; Я, ты, он, она — вместе дружная **семья**!*

3. ***Высказывания персонажей из любимых кинофильмов***.

Прежде всего здесь следует упомянуть серию плакатов *Служим России, служим закону! (10 ноября День сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации)*. На плакатах изображены портреты и запомнившиеся зрителям высказывания известных киномилиционеров: капитана милиции Глеба Жеглова (В. Высоцкий) *Вор должен сидеть в тюрьме* («Место встречи изменить нельзя»); кинолога Владимира Глазычева (Ю. Никулин) *Мухтар постарается...* («Ко мне, Мухтар!»); комиссара милиции Николая Кондратьева (Е. Жариков) *Мы ведь для будущего живем. Значит, должны помнить прошлое* («Рождённая революцией»); сержанта милиции Василия Шанешкина (Л. Харитонов) *Мне достаточно одного взгляда — и я вижу человека насквозь. Как рентген* («Улица полна неожиданностей»). Из других примеров упомянем плакат из кластера «Борьба с коррупцией»: *Я мзду не беру, мне за державу обидно* (к/ф «Белое солнце пустыни»), плакат из кластера «Охрана природы»: *Кто ж его посадит? Оно же дерево! Посади его ты, в своем дворе, на улице, около школы, где учатся твои дети...* (ср.: *Кто ж его посадит? Он же памятник!* к/ф «Джентльмены удачи»).

4. ***Апелляция к народной мудрости*** принимает форму пословиц и поговорок, а также других устойчивых суждений, содержащих морально-этические оценки:

Мы за здоровый образ жизни! ***В здоровом теле — здоровый дух!***; ***Кто не рискует — тот не пьет шампанское****. Кто пьет за рулем — рискует потерять все.*

Причем часто эти пословицы используются в трансформированном в соответствии с ситуацией виде:

Рожденный ездить — летать не должен!! (об автомобиле, превышающем скорость. Ср.: *Рожденный ползать — летать не может*); *Хочешь жить — умей светиться!* (об использовании пешеходами фликеров в ночное время суток. Ср: *Хочешь жить — умей вертеться*).

4. Аллюзии к текстам товарной рекламы. Аллюзия определяется как «стилистический прием, содержащий конкретные ссылки на различные вербальные и невербальные претексты, угадываемые читателем» [12: 19]; «разновидность реминисценции, заключающая в себе намек» [5: 45]. В СР встречаются аллюзии только к текстам товарной рекламы, поскольку большая доступность и легкая узнаваемость таких прототекстов приводит к тому, что цитаты из них встраиваются в послания СР безо всяких комментариев и пояснений:

Не дай себе засохнуть! Прочти книгу! (ср.: «*Sprite*». *Не дай себе засохнуть!*).

В большинстве случаев отсылки к товарной рекламе сопровождаются сменой положительной коннотации исходного текста на отрицательную в СР. Например, стремление персонажей помочь людям из рекламы порошка «Тайд» (*Тогда мы идем к вам!*) превращается в СР в угрозу: *Вы еще не знаете о ювенальной юстиции? Тогда они идут к вам!* Особенно много подобных аллюзий в антиалкогольной СР: *Никто не пойдет за Клинским* (ср.: *Кто сегодня идет за «Клинским»?*); *Пиво с мужским характером сделает твою фигуру более женственной* (ср.: «*Арсенальное*». *Пиво с мужским характером*) и т. п.

3.2. Косвенное взаимодействие

Косвенное взаимодействие — самый распространенный вид интертекстуальности, поскольку позволяет адресанту свободно варьировать модальность, оценочность, экспрессивность и т. п. исходного высказывания. В данном случае адресант не цитирует прототекст, а сообщает его содержание своими словами. При этом нередко допускаются достаточно вольные интерпретации старого, что приводит к некоторому искажению исходного послания. Подобная форма воспроизведения слов другого человека называется *реминисценцией* и определяется как «различные разновидности цитатной речи, основными характерными чертами которых являются имплицитность указания на источник, ассоциативная связь с текстом-основой, способность легко подвергаться формальной перестройке, зависимость интерпретируемости от тезауруса читателя» [1]. В отличие от дискурса СМИ, рекламного и т. п., где разнообразные реминисценции используются весьма активно, в СР присутствуют только самые нейтральные и неэмоциональные из них. Что касается намеков, аллюзий и т. п. форм, то авторы СР их, как правило, избегают, поскольку такие формы могут быть не опознаны адресатом или истолкованы неправильно, чего в СР допустить нельзя. С другой стороны, и такие популярные в других ситуациях формы, как косвенная речь или пересказ, здесь невозможны, что связано с малым объемом предлагаемого текста. Из всех форм косвенных высказываний в СР актуальны только две.

1. *Ссылки на прецедентный текст.* В отличие от цитирования здесь никак не предъявляется содержание прототекста (он только упоминается). Вместе с тем указанные тексты общеизвестны, легко доступны и каждый желающий может сам с ними ознакомиться. В СР этот прием используется, если необходимо подчеркнуть, что та или иная мысль не является изобретением самого автора, а зафиксирована в некотором авторитетном источнике. Чаще всего в этой роли выступает законодательство и постановления властей, с помощью которых подтверждается правомерность требований адресанта:

*Взятка — не подарок! (****Ст. 291 УК РФ****. Дача взятки. Специальная линия «Нет коррупции»)* и т. п.

В эту же группу включаем ссылки на **разработки отдельных наук.** Сами разработки не при-

водятся, включается только информация о том, что они есть:

> *Мама! Папа! У меня должна быть сестра или брат!* ***С точки зрения социологии и психологии*** *семья не считается полноценной, если в ней менее двух детей. Дети растут более замкнутые, более внутренне одинокие. В них не воспитывается чувство поддержки. Не делайте ваших детей наполовину.*

2. Заимствование жанровых форм. Отдельным видом интертекстуальности должно быть названо заимствование жанровой формы, характерной для текстов других дискурсов. Традиция выделения этого вида интертекстуальности восходит к Ж. Жанетту, который выделял этот вид межтекстовых взаимодействий (архитекстуальность), наряду с другими (паратекстуальность, метатекстуальность, гипотекстуальность) [6]. Однако этот вид заимствования уже был подробно описан нами в других работах (см., напр.: [2]).

Выводы

Рассмотрение форм интертекстуальности в дискурсе СР позволяет сделать вывод о том, что они существенно влияют на усиление эффективности посланий СР. Среди функций, выполняемых интертекстуальными элементами, можно выделить наиболее характерные для текстов СР, причем некоторые из них присущи всем заимствованиям, другие имеют факультативный характер. Среди универсальных функций можно назвать следующие.

1. Аттрактивная функция (функция привлечения внимания). Эту функцию можно считать самой естественной, поскольку использование известного текста в новом, не свойственном ему контексте всегда привлекает внимание целевого адресата. В большей степени это относится к ситуациям, когда указанные тексты претерпевают в СР существенные изменения: их сокращают, заменяют одни слова другими и т. п. Следует также отметить, что аттрактивная функция особенно часто реализуется с помощью визуальных компонентов, обладающих более выраженной способностью привлекать внимание адресата.

2. Персуазивная функция (функция побуждения к действию). Поскольку прямое побуждение к действию часто оказывается неэффективным вследствие сопротивления адресата, авторы плакатов прибегают к помощи авторитетного источника, к которому у адресата есть доверие. Это значительно повышает вероятность достижения запланированного успеха.

3. Функция повышения авторитетности (влиятельности) высказывания. Она связана с тем, что соображения, высказанные от имени авторитетного для целевой группы человека, обладают большей воздействующей силой, чем суждения некоторого анонимного автора. В этой ситуации важно определить, какой именно авторитетный источник вызовет большее доверие у адресата. С большой вероятностью к таким источникам можно отнести ссылки на законы и постановления авторитетных учреждений, а также обращение к народной мудрости (пословицы, религиозные книги и т. п.), поскольку истинность подобных суждений проверена веками, следовательно, они способны преодолеть критический настрой адресата. Среди персонифицированных адресантов наибольшей воздействующей силой, по мнению создателей СР, обладают спортсмены, вероятно, потому, что их образы не несут никакой дополнительной идеологической нагрузки, а отношение к ним не зависит от культурного уровня, возраста и т. п. адресата.

Среди факультативных функций наиболее важными оказываются следующие.

1. Функция компрессии смысла. Использование прецедентного текста в СР часто способствует приращению смысла и позволяет небольшим количеством слов передать больший объем информации.

2. Эстетическая функция. Тексты СР редко обладают какой-либо эстетической ценностью, поскольку СР, как и любая реклама, имеет сугубо утилитарное значение. Вместе с тем для усиления воздействия на адресата могут использоваться различные прототексты, увеличивающие эстетичность рекламного послания. Эстетизация СР предстает как способ сделать рекламный текст более привлекательным, запоминающимся и смягчить априори критическое отношение к любым навязываемым сентенциям.

3. Игровая функция. Использование приемов языковой игры в тексте СР позволяет создать оригинальный и остроумный рекламный текст, привлекающий к себе внимание адресата. Кроме того, игровая функция может быть выделена в тех текстах, где присутствуют разнообразные приемы нарушения правил лексической сочетаемости, актуализации иного значения слова или всей фразы по сравнению с исходным текстом и т. п.

Таким образом, апелляция к культурной памяти, использование элементов интертекста в качестве базы для рекламного сообщения позволяют обеспечить большую коммуникативную эффективность за счет увеличения аттрактивности и смысловой емкости рекламного сообщения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алещанова И. В.* Цитация в газетном тексте (на матер. современной английской и российской прессы): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.

2. *Анисимова Т. В.* Жанры социальной рекламы // Вестн. ВолГУ. Сер. 2: Языкознание. 2018. Т. 17, № 1. С. 160–171.

3. *Анисимова Т. В., Чубай С. А.* Риторика социальной рекламы. Волгоград, 2019. URL: http://scipro.ru/conf/rhetoric.pdf.

4. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 2007.

5. *Глушак Т. С., Мирский А. А.* Интертекст и интертекстуальность // Дискурсивный континуум: Текст — интертекст — гипертекст: Матер. Всерос. науч. конф. Самара, 2007. С. 40–47.

6. *Женетт Ж.* Палимпсесты: Литература во второй степени. М., 1982.

7. *Захарова М. А.* Семантика и функционирование аллюзивных имен собственных: на матер. англоязычных художественных и публицистических текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004.

8. *Костыгина К. А.* Интертекстуальность в прессе: на матер. немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.

9. *Кушнерук С. Л.* Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006.

10. *Лобан Т. В.* Прецедентный феномен как объект исследования // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. 2016. № 2 (48). С. 117–123.

11. *Мещерякова Н. В.* Стилистические и прагмалингвистические особенности рекламных текстов социальной направленности: автореферат дисс... канд. филол. наук. М., 2012.

12. *Новохачева Н. Ю.* Стилистический прием литературной аллюзии в газетно-публицистическом дискурсе конца XIX — начала XX вв.: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005.

13. *Постнова Т. Е.* Прецедентные тексты в рекламе. М., 2007.

14. Современный медиатекст: учеб. пособие / Отв. ред. Н. А. Кузьмина. Омск, 2011.

REFERENCES

1. Aleshchanova I. V. (2000) *Tsitatsiia v gazetnom tekste (na materiale sovremennoi angliiskoi i rossiiskoi pressy) [Citation in the newspaper text (on the material of the modern English and Russian press)]* (Candidate's thesis, Philology), Volgograd. (in Russian)

2. Anisimova T. V. (2018) Zhanry sotsial'noi reklamy [Genres of social advertising]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Volgograd State University]*, Series 2: Linguistics, vol. 17, no. 1, pp. 160–171. (in Russian)

3. Anisimova T. V., Chubai S. A. (2019) *Ritorika sotsial'noi reklamy [The rhetoric of social advertising]*. Volgograd. Available at: http://scipro.ru/conf/rhetoric.pdf. (in Russian)

4. Akhmanova O. S. (2007) *Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]*. Moscow. (in Russian)

5. Glushak T. S., Mirskii A. A. (2007) Intertekst i intertekstual'nost' [Intertext and Intertextuality]. In: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference *"Diskursivnyi kontinuum: Tekst — intertekst — gipertekst" [Discourse Continuum: Text — Intertext — Hypertext]*. Samara, pp. 40–47. (in Russian)

6. Genette J. (1982) *Palimpsesty: Literatura vo vtoroi stepeni [Palimpsesta: Literature in the second degree]*. Moscow. (in Russian)

7. Zakharova M. A. (2004) *Semantika i funktsionirovanie alliuzivnykh imen sobstvennykh: na materiale angloiazychnykh khudozhestvennykh i publitsisticheskikh tekstov [The semantics and functioning of the allusive proper names: on the material of English-language artistic and publicistic texts]*. (Candidate's thesis, Philology), Samara. (in Russian)

8. Kostygina K. A. (2003) *Intertekstual'nost' v presse: na materiale nemetskogo iazyka [Intertextuality in the press: on the material of the German language]* (Candidate's thesis, Philology), St. Petersburg. (in Russian).

9. Kushneruk S. L. (2006) *Sopostavitel'noe issledovanie pretsedentnykh imen v rossiiskoi i amerikanskoi reklame [Comparative study of case names in Russian and American advertising]* (Candidate's thesis, Philology), Chelyabinsk (in Russian)

10. Loban T. V. (2016) Pretsedentnyi fenomen kak ob"ekt issledovaniia [Case phenomena as an object of study]. *Vesnik MDPU imia I. P. Shamiakina [Bulletin of I. P. Shamyakin Mozyr state pedagogical University]*, no. 2 (48), pp. 117–123. (in Russian)

11. Meshcheriakova N. V. (2012) *Stilisticheskie i pragmalingvisticheskie osobennosti reklamnykh tekstov sotsial'noi napravlennosti [Stylistic and pragmalinguistic features of advertising texts of a social orientation]* (Candidate's thesis, Philology), Moscow. (in Russian)

12. Novokhacheva N. Iu. (2005) *Stilisticheskii priem literaturnoi alliuzii v gazetno-publitsisticheskom diskurse kontsa XIX — nachala XX vv. [The stylistic method of literary allusion in the newspaper and journalistic discourse of the end of the XIX — beginning of the XX centuries]* (Candidate's thesis, Philology), Stavropol. (in Russian)

13. Postnova T. E. (2007) Pretsedentnye teksty v reklame [Case texts in advertising]. Moscow. (in Russian)

14. Kuz'mina N. A., ed. (2011) Sovremennyi mediatekst [Modern media text]. Omsk, 2011. (in Russian)

Н. А. Редько

DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12060

СОВЕСТЬ КАК КЛЮЧЕВАЯ ДОМИНАНТА РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

NATALYA A. REDKO

'CONSCIENCE' AS A KEY DOMINANT OF THE RUSSIAN NATIONAL PICTURE OF THE WORLD

'Совесть' относится к базовым концептам русской духовной культуры. К анализу семантики слова *совесть* и его производных в своих трудах обращались многие отечественные лингвисты. В статье на материале говоров архангельского региона представлен анализ образа совести в традиционной народной культуре. Буквальное прочтение метафорической глагольной сочетаемости слова *совесть* выявило «образы»-гештальты 'совести', характер которых свидетельствует о своеобразии изучаемого фрагмента диалектной картины мира и о наличии общей и вариативной части национальных представлений о совести.

Ключевые слова: языковая картина мира; концепт 'совесть'; говоры архангельского региона.

The author argues that 'conscience' refers to the basic concepts of Russian spiritual culture. Many Russian linguists in their writings turned to the analysis of the semantics of the word *sovest'* (*conscience*) and its derivatives. The article presents an analysis of the image of 'conscience' in traditional folk culture, based on the material of the Archangelsk region. A literal reading of the metaphorical verb combination of the word *sovest'* reveals some "images" (gestalts), the nature of which shows the peculiarity of the studied fragment of the dialectal picture of the world and the presence of a common and variable part of the national ideas about 'conscience'.

Keywords: language picture of the world; concept 'conscience'; dialects of the Arkhangelsk region.

Наталья Александровна Редько

Аспирант кафедры русского языка филологического факультета

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Россия

▸ nataliaredko@rambler.ru

Natalya A. Redko

Lomonosov Moscow State University

GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

Научный руководитель: д-р филол. наук, проф. Е. А. Нефедова

В современной русистике все более и более возрастает интерес к выявлению традиционных доминант языковой картины мира. В настоящее время не вызывает сомнения тот факт, что 'совесть' считается одним из базовых концептов русской духовной культуры. К анализу семантики слова *совесть* и его производных в своих трудах обращались многие отечественные лингвисты: Ю. Д. Апресян, В. В. Колесов, Н. Д. Арутюнова, Т. И. Вендина, Л. О. Чернейко, Анна А. Зализняк, Е. В. Урысон, М. К. Голованивская и др.

Впервые о месте совести в русской ЯКМ рассуждал Ю. Д. Апресян на страницах своей статьи «Воля и совесть — приведение в действие и торможение», позже вошедшей в его «Избранные труды» [2: 352–354]. По мнению Ю. Д. Апресяна, люди реализуют свои желания

при помощи силы, которая называется *волей*. Действие воли уравновешивается действием другой силы — *совести*, которая «мыслится как нравственный тормоз, блокирующий реализацию <...> аморальных желаний или побуждений». В дальнейшем «идея торможения» подвергнется критике со стороны некоторых ученых, так как *совесть* может быть абсолютной ценностью, не противопоставленной *воле* (*Было бы здоровье да совесть чиста*. — пример Е. В. Урысон), и служить стимулом к действию, а не тормозом (*Имей совесть, верни ему деньги*. — пример М. К. Голованивской). Несмотря на это, именно Ю. Д. Апресян впервые намечает «образный ряд» ‘совести’, характерный для русского языкового сознания, когда пишет, что *совесть* — это «внутренний голос», «некое существо внутри человека», «строгий внутренний судья», который может наказывать или миловать, давая предписания с опорой на понятие добра [2: 353–354].

Н. Д. Арутюнова в статье «О стыде и совести» прослеживает историю употребления слов *стыд* и *совесть* в письменных источниках от Ветхого и Нового Заветов до произведений Ф. М. Достоевского [3: 54–77]. Логический анализ *совести* в русском языке выводит исследователя на пять «аналогий»: совесть —

1) «нравственная норма» (*жить, поступать, говорить по совести, сделать на совесть* и др.);
2) «контрагент Эго (Другой)» (*прислушиваться к голосу совести, поступать по велению совести, сделка с совестью*; *совесть проснулась, совесть не велит* и др.);
3) «Судья» (*суд совести, совесть судила иначе, совесть вынесла приговор* и др.);
4) «судебный исполнитель» (*совесть мучает, терзает, грызет; угрызения, уколы, упреки, укоры совести* и др.);
5) «орган» (*чистая, незапятнанная совесть; иметь, потерять совесть* и др.) [Там же: 75].

Описанная Н. Д. Арутюновой сочетаемость слова *совесть* связывает концепт ‘совесть’ с ситуацией судебного заседания. «Нравственная норма» — внутренний закон, с которым сверяется сам человек или его контрагент («Другой»). Проступок человека приводит того в зал суда к совести-«Судье», выносящему приговор и назначающему «судебного исполнителя», который затем мучает, терзает, укоряет, упрекает провинившегося.

Аналогия «совесть — орган» позволяет Н. Д. Арутюновой сделать вывод о взаимодействии понятий *совесть* и *душа*: *грехи* могут *ложиться* тяжким бременем как *на душу*, так и *на совесть. Греховная совесть* — нечистый, запятнанный «орган».

Мысль о совести как внутреннем органе развивает в своих работах Е. В. Урысон [9; 10]. По ее мнению, совесть — «способность человека оценивать с нравственной точки зрения свои действия, а также мысли и чувства», глубоко переживать и менять свое поведение при его несоответствии нравственным нормам. Совесть относится к группе «невидимых органов» человека и помещается «где-то рядом с душой», как бы являясь ее частью (В. И. Даль называл совесть «тайником души»). Исследователь отмечает также, что совесть предстает как «некое существо внутри человека» и даже как «человек внутри человека» (*совесть грызет, переговоры с совестью*). Е. В. Урысон обнаруживает сходство совести с разумом: можно услышать *голос совести* и *голос разума*. Однако только совесть может наказать человека за непослушание, вызвав душевные мучения (*муки совести*), что, в свою очередь, сближает совесть и с сердцем — вместилищем чувств и переживаний [10: 34–36].

М. К. Голованивская в своей книге «Ментальность в зеркале языка» [4], сравнивая представления русских и французов о совести, обращается к древней символике. Символика рта применительно к концепту ‘совесть’ рассматривается как созидательная (т. е. связанная с говорением — *совесть говорит, подсказывает*; *слышать голос совести*, *заглушать* его в себе) и разрушительная (связанная с поглощением — *совесть грызет, гложет, снедает*). Совесть в первом случае — «судья», который не только *судит, велит*, но и *советует, подсказывает*. Во втором случае совесть — «червь», который *просыпается, шевелится* и *грызет* человека изнутри. М. К. Голованивская связывает такую концептуализацию с мифологическими и, позднее, христианскими представления-

ми о загробных пытках. Кроме того, по мнению ученого, совесть локализуется вместе с душой в груди человека, поэтому возникает образ «совести-жидкости» (*капля, остатки совести; чистая, спокойная совесть*). Другой образ — «совесть-предмет» реализуется в сочетаемости: *иметь, потерять, забыть совесть*. *Совесть* мыслится как свод законов, нравственных ориентиров, с которым надо сверяться [4].

Рассмотренные нами работы показывают, что даже примерно одинаковое количество моделей сочетаемости не позволяет сделать однозначных выводов о концепте ‘совесть’ в русском языке. Для одного лингвиста чистая совесть связана с родниковой водой, а для другого — с органом человека. Кто-то считает, что совесть грызет как мышь, а кто-то сравнивает ее с червем. Совесть-судья видится единообразным или подразделяется на внутреннего и внешнего. Разные исследователи дают различную интерпретацию почти идентичного набора моделей сочетаемости.

Более того, в рассмотренных работах не затрагивается пласт народной речи, однако моделирование национальной ЯКМ едва ли возможно без обращения к народной языковой культуре. «Диалектологические и этнолингвистические исследования свидетельствуют о том, что русские народные говоры являются речевым воплощением особой традиционной народной культуры» [5: 58]. Языковая картина мира — одна из составляющих этой культуры. Своеобразие диалектной картины мира «получает яркое выражение в ее когнитивной стороне» [6: 60].

Задача настоящего исследования — выявление образа совести в традиционной народной культуре. Материалом для анализа послужили данные бумажной и электронной картотек «Архангельского областного словаря», а также его девятнадцати выпусков [1].

Совесть в говорах архангельского региона — кодекс нравственных правил, с которым сверяется человек перед принятием какого-л. решения. Поступать *по совести* — действовать в соответствии с внутренним кодексом*:

Всё зарабо́тала по со́вести. Нельзя́ э́то выдёргивать, она́ тебе́ по со́вести дала́, а ты́ обраща́ешься с ру́чкой не та́к.

Не только люди *знают совесть*:

Ко́шка сама́ зна́ет со́весть, пое́ла дак не́ча дожида́ться ремня́ да ви́цы. (Ср. лит. *Знает кошка, чье мясо съела.*)

Совесть — ценная вещь, которая должна быть у каждого: *Своя́ со́весть должна́ быть*. Поступая неправильно, человек *теряет* свою *совесть*: *Отда́ть-то на́до, дак оне́, со́весть-то вот поте́ряна.* Люди растрачивают *совесть — проводят на что-н.* (т. е. разменивают) или *пропивают*:

У нас ра́ньше война́ была́ да го́лодно, ска́жут: У́, ты всю со́весть на карто́шку провела́. Пил, да со́весть не пропива́л.

Совесть мыслится носителями диалекта как существо сильнее человека. Это внешняя сила, которой он не способен противостоять. Она *бьёт, убивает, ударяет* поступающего бессовестно в качестве наказания или чтобы не позволить ему совершить аморальное действие. Не слушающего голоса *совести* она *бьёт*:

Найдёшь вино́, на стол поста́вишь, вот его́ и со́весь бьёт: тебе́ вот то́же де́ти бу́дут так плати́ть, отпла́чивать. И о́н разгорячи́лся, что до́м на дете́й пропи́сан, и уха́пал. А и со́весть поби́ла.

Удары *совести* — предупреждения, которые могут быть менее сильными, но повторяющимися, что доказывает употребление глагола с приставкой *под-*:

Сты́дно бы́ло, со́весть подбива́ла.

За серьезный проступок *совесть* не *бьёт* несколько раз, а *убивает*:

Со́весть уби́ла, три́ста рубле́й мне обра́тно вы́вернула. А по́сле его́ со́весть уби́ла, и о́н мне́ всё сде́лал.

«Смертельное» воздействие совести проявляется также в сочетании *совесть забивает*: *Со́весть-то забива́т* (когда сделал что-то плохое). В тех говорах, где глагол *убить* имеет значение ‘ударить, стукнуть’, выражение *совесть убивает* синонимично выражению *совесть бьёт* (*убивать* = ‘бить’):

А ка́к же, И́ра, я пойду́, как я́ не быва́ла? Меня́ со́весть уби́ла. Куда́ пойду́? Заче́м?

Выражение *совесть убила* встречается во многих русских говорах, что отмечено в [8]:

Как я так сказала, совесть убила их, они и пошли потихонечку из-за стола. Новосиб. *Что покраснел? Совесть убила?* Яросл.

Сочетаемость с глаголом *ударять* вскрывает глубинные представления о совести как о внешней силе, неподвластной человеку: *ударять* может не только живое существо, но и, например, молния. Эта ассоциация не лишена оснований, поскольку соотносится с мифологическими представлениями о молнии как о злом роке, наказании со стороны высших сил.

Другой возможный образ *совести* — это агрессивное существо, живущее внутри человека. В литературном языке отмечена сочетаемость: *совесть грызёт*, *мучает, заедает*. Диалектный материал дает иную сочетаемость при схожей концептуализации. В говорах архангельского региона *грызёт* не *совесть*, а *болезнь*, чаще *грыжа*:

Ра́не ма́лых ребя́т по́ят, чтобы гры́жа не гры́зла. Заболе́ла, гры́зло спи́ну, нагры́зло.

Совесть не *грызет*, зато может *заедать:*

Со́весть зае́ла всё-таки. Сде́лал, мол, по-хоро́шему. Вот его́ то́же со́весть зае́ла, так о́н и убежа́л со сце́ны. Сты́дно ста́ло.

Совесть как существо действует и до совершения человеком неправильного поступка:

А Ю́ре со́весть меша́ет, не на́до ему́ ро́спись де́лать.

Так *совесть* предостерегает человека от ошибок и безнравственных действий. Если неправильный поступок все-таки был совершен, *совесть гложет*:

Его́, наве́рно, со́весть-то гло́жо, зна́ет, что пра́вда не на его́ стороне́: он мне и «ветера́на труда́» зажи́лил.

Некоторые фольклорные контексты прямо указывают на то, что *совесть* находится внутри человека*:*

Ка́бы зна́ла в ре́чке глу́бь, / Я бы не купа́лася. / Ка́бы зна́ла в на́рне со́весть, / Я бы не влюбля́лася.

В исследуемых говорах *совесть* не обязательно является частью души, при описании аморального поведения субъекта они отрицаются по отдельности:

Я дак вот не могу́ терпе́ть вот э́тих люде́й, ни души́, ни со́вести, ничё у них нет.

Наивного, бесхитростного человека носители литературного языка могут назвать *простой душой* (*Люби его — он простая душа!* М. Горький), тогда как носители говоров отметят *простую совесть* такого человека:

Со́весть у нас проста́, мы бесхи́трые.

Совесть может приравниваться к разумному существу. Персонификация *совести* характерна для фольклорных контекстов, где олицетворение является одним из типичных изобразительных средств. Перед совершением неблаговидного поступка человек прощается со своей совестью:

Закури́л да и поло́жил / На око́шко тру́бочку. / До свида́нья, моя́ со́весть, / Я поле́з под ю́бочку.

Любимая девушка может идентифицироваться с *совестью*:

Да здра́вствуй, ла́пушка ми́лая, да здра́вствуй, со́весть дорога́я, да я пришёл к тебе́ на вре́мя, да на еди́ный на часо́к.

Слово *совесть* даже становится прозвищем:

Всё со́вестно, его́ Со́вестью и про́звали, у́лично зва́нье.

Кроме того, *совесть* — некая субстанция, которую видно *в глазах*:

У на́с со́весть в глаза́х е́сть. У них со́вести не быва́ло в глази́щах, пья́ницы.

«Количество» *совести* у разных людей можно «взвесить» и сравнить:

У на́ших со́вести-то бо́льше.

Отсутствие *совести* маркируется словом *нет*:

Да ну́, у неё со́вести нет. Она́, мол, сде́лает и то́, и то́...

Нехватка совести выражается с помощью сочетания *совести не набрать*:

Не отка́жет, ей со́вести не набра́ть.

Значение этого сочетания близко к общерусскому *совести не хватит*.

Совесть видится носителю диалекта и как некий орган или часть тела человека. Выражение

совесть не поднялась реализуется в значении ‘совести не хватило, не смог сделать что-л.’ (ср. с лит. фраземами *рука не поднялась* что-л. сделать, *язык не повернулся* что-л. сказать):

Тётя Кла́ва утеря́ла пла́вки. У меня́ со́весть не поднялáсь отнести́ и сказа́ть.

Совесть должна *подниматься* только на благое дело:

Э́та-то беда́ не тепе́рь заведёна! С учёбы вы́дешь — на́ть пода́рок (взятку), *в больни́цу при́дешь — на́ть пода́рок, и всё ма́ло, всё ма́ло! И беру́т! Ка́к со́весть-то подыма́ется?*

Таким образом, буквальное прочтение метафорической глагольной сочетаемости лексемы *совесть* выводит нас на широкий спектр ее гештальтов — «масок, которые язык надевает на абстрактное понятие» [11: 301]. Совесть осознается носителями диалекта как существо сильнее человека, как внешняя неподвластная сила; как агрессивное существо, живущее внутри человека; как существо, обладающее разумом, равное человеку; как субстанция внутри тела человека или как часть его тела. Совесть — нравственный кодекс, который обязательно должен быть у человека. При этом представления о судебном приговоре и совести как судебном исполнителе для изучаемых говоров не характерны.

Все рассмотренные выше «образы»-гештальты ‘совести’ представлены в таблице.

Таблица. Концептуализация ‘совести’ в литературном и диалектном языке

‘Совесть’ в русской национальной ЯКМ				
	по материалам литературного языка			*по диалектным данным*
	по Н. Д. Арутюновой	**по Е. В. Урысон**	**по М. К. Голованивской**	**по картотеке АОС**
свод нравственных правил	нравственная норма *жить по совести*	—	свод законов *иметь, забыть совесть*	нравственный кодекс *поступать по совести*
				ценная вещь *иметь, пропивать совесть*
(не)разумное существо	Судья *приговор совести*	—	судья *совесть судит, велит*	существо вне человека *совесть ударяет, убивает, мешает*
	судебный исполнитель *угрызения совести*	существо внутри человека *совесть грызет*	червь *совесть гложет, шевелится*	существо внутри человека *совесть заедает*
	контрагент Эго (Другой) *голос совести*	человек внутри человека *голос совести*	—	разумное существо (человек) *здравствуй, моя совесть*
телесная составляющая	орган *чистая совесть*	орган (~сердце) *муки совести*	—	орган, часть тела *совесть не поднялась сделать* что-л.
	—	—	жидкость *капля совести*	субстанция *совесть в глазах есть*

Сопоставление данных литературного языка и народных говоров показало, что диалектная картина мира отличается от той, которую формирует литературный язык, лишь частично. Эти различия касаются как набора гештальтов, так и их лексического воплощения в более широких кругах сочетаемости. Объединение данных литературного и диалектного языков позволяет сделать вывод о том, что совесть в сознании русского человека — это свод нравственных правил, с которым сверяется существо, живущее, как правило, внутри человека, наказывающее его за проступки или их предупреждающее. Действия совести «ощущаются» как движение / боль некоего органа или части тела человека, ее можно разглядеть в глазах (ср. лит. *бессовестные глаза* и диал. *совесть в глазах*).

Таким образом, включение диалектных данных в анализ культурно значимых концептов позволяет «выявить общую и вариативную часть национальных представлений о мире» и «представить русскую концептосферу в единстве, исключающем деление языка на высшую и низшую сферы» [7: 263].

ПРИМЕЧАНИЕ

* Зд. и далее примеры из картотеки и опубликованных выпусков АОС даются в орфографической записи с показом места ударения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой, Е. А. Нефедовой. Вып. 1–. М., 1980–.

2. *Апресян Ю. Д.* Избр. тр. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

3. *Арутюнова Н. Д.* О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000.

4. *Голованивская М. К.* Ментальность в зеркале языка. М., 2009. URL: https://mybook.ru/author/mariya-golovanivskaya/mentalnost-v-zerkale-yazyka-nekotorye-bazovye-miro/ (дата обращения: 28.03.2019).

5. *Гольдин В. Е.* Внутренняя типология русской речи и строение русистики // Русский язык сегодня. М., 2000.

6. *Гольдин В. Е.* Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сб. М., 2002.

7. *Нефедова Е. А.* О региональных вариантах русской национальной картины мира // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Т. 2. Краков, 2015.

8. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. Л.; СПб., 1965–.

9. *Урысон Е. В.* Голос разума и голос совести // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000.

10. *Урысон Е. В.* Проблемы исследования языковой картины мира. М., 2003.

11. *Чернейко Л. О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.

REFERENCES

1. Getsova O. G., Nefedova E. A., ed. (1980–) *Arkhangel'skii oblastnoi slovar' [Arkhangelsk Regional Dictionary]*. Iss. 1–. Moscow. (in Russian)

2. Apresian Iu. D. (1995) *Izbrannye trudy [Selected works]*, vol. 2. Integral'noe opisanie iazyka i sistemnaia leksikografiia [Integral description of language and systemic lexicography]. Moscow. (in Russian)

3. Arutiunova N. D. (2000) O styde i sovesti [About shame and conscience]. In: *Logicheskii analiz iazyka: Iazyki etiki [Logical analysis of language: Languages of ethics]*. Moscow. (in Russian)

4. Golovanivskaia M. K. (2009) *Mental'nost' v zerkale iazyka [Mentality in the mirror of language]*. Moscow. (in Russian) URL: https://mybook.ru/author/mariya-golovanivskaya/mentalnost-v-zerkale-yazyka-nekotorye-bazovye-miro/ (accessed: 28.03.2019). (in Russian)

5. Gol'din V. E. (2000) Vnutrenniaia tipologiia russkoi rechi i stroenie rusistiki [Inner typology of Russian speech and the structure of Russian science]. In: *Russkii iazyk segodnia [Russian language today]*. Moscow. (in Russian)

6. Gol'din V. E. (2002) Dominanty traditsionnoi sel'skoi kul'tury rechevogo obshcheniia [Dominants of the traditional rural culture of verbal communication]. In: *Avanesovskii sbornik [Avanesov collection]*. Moscow. (in Russian)

7. Nefedova E. A. (2015) O regional'nykh variantakh russkoy natsional'noy kartiny mira [About regional variants of the Russian national picture of the world]. In: *Iazyk i metod. Russkii iazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh XXI veka [Language and method. The Russian language in linguistic studies of the XXI century]*. Vol. 2. Krakov. (in Russian)

8. Filin F. P., Sorokoletov F. P., ed. (1965–) *Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]*, iss. 1–. Leningrad; St. Petersburg. (in Russian)

9. Uryson E. V. (2000) Golos razuma i golos sovesti [The voice of reason and the voice of conscience]. In: *Logicheskii analiz iazyka: Iazyki etiki [Logical analysis of language: Languages of ethics]*. Moscow. (in Russian)

10. Uryson E. V. (2003) *Problemy issledovaniia iazykovoi kartiny mira [Problems of study of the language picture of the world]*. Moscow. (in Russian)

11. Cherneiko L. O. (1997) *Lingvo-filosofskii analiz abstraktnogo imeni [Lingvo-philosophical analysis of an abstract name]*. Moscow. (in Russian)

Ф. Н. Двинятин

DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12066

ФОРМУЛА ИЛИ ТОПОС?

FEDOR N. DVINIATIN

FORMULA OR TOPOS?

Автор приводит примеры, позволяющие различить явления «формула» и «топос» применительно к русской прозе постриторического периода (общие места в описании внешности персонажей).

Ключевые слова: топос; формула; русская проза XIX века.

The author gives examples, allowing to distinguish the phenomena of "formula" and "topos" in Russian prose of the post-rhetorical period (common places in the description of the characters' appearance).

Keywords: topos; formula; 19th century Russian prose.

Федор Никитич Двинятин

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета

Санкт-Петербургский государственный университет

Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

► f.dvinyatin@spbu.ru

Fedor N. Dviniatin

Saint Petersburg State University

7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

Настоящая работа выполнена в рамках проекта, главной целью которого является теоретическое осмысление проблем топики и определение исторических границ применения понятия «топос» по отношению к анализу художественных текстов постриторической эпохи. Участники проекта пытаются дать общее определение топоса, разграничив его с многочисленными сходными и смежными явлениями, имеющими иную структуру и выполняющими иные функции. В ходе осуществления этой задачи была выдвинута идея связать понятие «топос» с иллокутивной целью высказывания и системой речевых жанров [4; 5]; предложено разделение топосов на два класса — концептулизаторов и дескрипторов, соответствующих фундаментальным категориям аргументации, «рассуждению» и «описанию» [2]; изучено соотношение традиционных и нетрадиционных (переосмысленных) топосов в литературе Нового времени [1]. В данной статье речь пойдет о соотношении топоса с еще одним пограничным по отношению к нему явлением — формулой.

В русских литературных текстах (и текстах, близких к литературным) романтической и постромантической эпохи можно подметить появление относительно устойчивых выражений и общих мест, которые как будто занимают промежуточное положение между «формулой» и «топосом». Сами по себе термины «формула» и «топос» многозначны, и здесь, конечно, имеются в виду их узкие и конкретные значения. «Формула» понимается не вполне так, как ее толкуют фольклористы, следуя полностью или преимущественно основополагающей концепции М. Пэрри и А. Лорда (см. центральную работу: [7]), и не так, как о ней говорят медиевисты, исследователи письменной традиции (в частности,

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
(проект «Топика постриторической эпохи: теория и практика», грант № 18-012-00570)

древнерусской; наиболее развернуто и теоретически насыщенно формула в древнерусском тексте обсуждается в книге: [3]). Точно также «топос» понимается не в строгом значении Э. Р. Курциуса, который ввел это понятие в современную филологию [6], то есть как общее место, обязательно возникшее в античной литературе и бытующее в последующей европейской словесности преимущественно риторического периода. Здесь имеются в виду такие аналоги эпической и средневековой книжной формулы и постантичного европейского топоса, которые возможны в русской словесности романтического и послеромантического периода.

Четкую границу, разумеется, определить трудно, но в чем можно увидеть хотя бы общее принципиальное различие? Формула, по-видимому, сводима к определенному лексико-грамматическому составу, имеющему твердое ядро, представленное в наиболее частых и типичных реализациях, и (в меньшей степени) к устойчивой смысловой и/или композиционной позиции в тексте либо к набору таких позиций. Топос, во-первых, как правило, представляет собой более обширное и менее четко структурированное общее место, с бóльшим объемом лексической и грамматической периферии, с бóльшим набором возможностей для конкретных реализаций. Во-вторых, топосу присуща бóльшая, чем у формулы, концептуальность в изобразительности и выразительности: топос всегда или почти всегда активно участвует в моделировании литературной реальности и ее осмыслении, вводя в текст клишированные, но богатые смыслом и подтекстами описания героев и их душевных движений, формулировки «бродячих» идей, именования устойчивых элементов картины мира.

Не менее пяти раз в исторических романах М. Н. Загоскина встречается коллокация «посиневшие губы дрожали» (в «Рославлеве», 1830; дважды в «Аскольдовой могиле», 1833; дважды в «Искусителе», 1838)*. Взятое само по себе, это выражение может казаться индивидуальным клише, чем-то вроде присущей идиостилю формулы — и не больше. Однако похожие описания встречаются и у других авторов романтической эпохи: *губы посинели и дрожали* — О. М. Сомов, «Сказки о кладах» (1829); *синие губы дрожали* — И. И. Лажечников, «Ледяной дом» (1835); *посинелые губы у него дрожали* — А. И. Герцен, «Кто виноват?» (1841–1846) — последний пример уже выходит за пределы исторического романтического романа с его «неистовыми» страстями. Так же и в другом примере из писателя новой эпохи, с другим цветом дрожащих губ, но в рамках явно все той же формулы: *побелевшие губы дрожали* — Ф. М. Достоевский, «Хозяйка» (1847). Если же следить только за «дрожащими губами», то видно, что похожий элемент описания встречается и у других современников Загоскина: при этом синий цвет губ не упоминается, но аффективное значение дрожащих губ поддерживается упоминанием «побледневших щек» и/или «сверкающих глаз». Ср.: *губы дрожали и смертная бледность покрыла щеки* — Ф. В. Булгарин, «Димитрий Самозванец» (1830); *губы его дрожали, глаза, страшно сверкая, как у безумного...* — К. П. Масальский, «Регентство Бирона» (1834); *он побледнел, губы его дрожали* — И. И. Лажечников, «Басурман» (1838); *черные глаза его сверкали, губы дрожали* — В. А. Соллогуб, «История двух калош» (1839); также *глаза его бродили, на бледном лице выражался испуг, речь исчезала на дрожащих губах* — А. А. Бестужев-Марлинский, «Вечер на кавказских водах в 1824 году» (1830). У того же Загоскина дрожащие губы часто сочетаются с бледными щеками и сверкающими глазами: *глаза его сверкали, ужасная бледность покрывала лицо, губы дрожали* — «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829). Представляется, что даже этих кратких выписок достаточно, чтобы заметить, что выявленное общее место уже с большими оговорками может быть описано как формула и только формула: расширяется набор относительно устойчивых позиций клишированного описания, возрастают ресурсы варьирования. Но дело, конечно, не только в этом.

Обсуждаемое общее место — довольно заметный элемент психологического и портретного инструментария романтической и раннереалистической прозы, стандартная позиция изображения движений душевной жизни через краткое

физиономическое описание. Гнев, ярость, злоба; страх, ужас; злобная радость; общее, труднее определимое, смятение чувств или исступление — вот четыре наиболее частых мотивации душевного состояния и телесной реакции персонажа с посиневшими дрожащими губами.

Пока Лжедимитрий говорил, лицо Молчанова страшно изменялось: брови насупились на глаза, *губы дрожали* и смертная бледность покрыла щеки. Заслуженное уничижение пробудило в нем самолюбие, которое терзало сердце и распаляло его злобою (*Ф. В. Булгарин*. «Димитрий Самозванец»).

С черного плаща его катились крупные капли дождя; шляпа надвинута была на самые брови, и он, не сняв ее, торопливо вбежал в залу. Мутные глаза его бродили, на бледном лице выражался испуг, речь исчезала на *дрожащих губах*. Тяжкими и долгими порывами дышал он и наконец бросился, или, лучше сказать, упал, в кресла, беспокойно озираясь кругом, будто боясь преследования (*А. А. Бестужев-Марлинский*. «Вечер на кавказских водах в 1824 году»).

Боже! небесные силы! это он... он самый, тот ужасный ненавистный немец, оскорбивший его так жестоко в Риме. Ошибиться нельзя: тот самый, которого преследует месть его столько лет, чьей крови хотел бы он напиться, продав себя хоть сатане, он самый теперь у ног его, в его власти.

Фиоравенти захохотал в душе своей адским хохотом; волосы встали бы у того дыбом, кто мог бы слышать этот смех. Руки его тряслись, *губы дрожали*, колена подгибались; но он старался оправиться и сказал с сатанинскою улыбкою:

— Хорошо, мы увидим (*И. И. Лажечников*. «Басурман»).

Надо было видеть, что делалось на лице боярина при слушании этого приказа. Он побледнел, губы его дрожали. Немчин, поганый немчин, басурман, латынщик, один из убийц сына его, будет жить с ним под одною кровлею, осквернит святыню его дома, опозорит его старость! (*И. И. Лажечников*. «Басурман»).

Впрочем, возможен и еще один случай: одержимость нечистой силой. Обсуждаемое описание обычно относится к героям-мужчинам, но возможно и в применении к героиням, например, так:

На широкой лавке лежит девушка лет двадцати, худая, бледная как смерть; около ее сидят родные и три или четыре старухи посторонних; она, казалось, спала или дремала от сильного утомления. Нам сказали, что она уже три дня нас ждала, тосковала, металась, как будто бы пришел ее последний час; теперь же немного поуспокоилась: видно, злой дух на время ее оставил. Вдруг она встрепенулась, вскочила и с криком и бранью бросилась на моего отца. Глаза ее страшно крутились и сверкали, губы посинели и дрожали, и в судорожном ее коверканье заметно было крайнее бешенство. Если б я не успел схватить ее за руки и несколько человек из семьи не подоспело ко мне на подмогу, то, верно бы, она задушила отца моего, как цыпленка (*О. М. Сомов*. «Сказки о кладах»).

Рассмотренный пример относится к области динамического портрета: описывается не столько внешность персонажа как таковая, сколько ее изменение под влиянием определенных душевных движений. Можно продемонстрировать подобное положение дел, относящееся к области статического портрета, а также к более поздней эпохе.

Начать можно с того же, что и в предыдущем примере, то есть с демонстрации контекстов, дающих основание предполагать, что существует формула, относительно четкая и замкнутая: *собой она была недурна, в русском вкусе: полна, слишком бела и слишком румяна* — Г. И. Успенский, «Первая квартира» (1867); *при среднем росте, она была полна, бела и румяна; имела большие серые глаза навыкате, не то бесстыжие, не то застенчивые, пухлые вишневые губы, густые, хорошо очерченные брови, темно-русую косу до пят и ходила по улице «серой утицей»* — М. Е. Салтыков-Щедрин, «История одного города» (1870); *полная, белая и румяная, с орлиными очами как уголья* — Е. А. Салиас-де-Турнемир, «Пугачевцы», I (1873); *первая красавица во всей нашей дворне, — высокая, полная, белая, румяная, — хохотунья, плясунья, пъвунья* — И. С. Тургенев, «Живые мощи» (1874); *высокая, полная, белая и румяная, с правильными чертами лица* — Е. А. Салиас-де-Турнемир, «Путешественники (1877); *полная, белая, румяная, красивая, с блестящими черными глазами и большой черной косой* — Л. Н. Толстой, «Фальшивый купон» (1880-е — 1904?) и т. д. Эти фрагменты (а также другие, не приведенные здесь) позволяют предположить, что в прозе реалистической эпохи, с кульминацией в микроэпохе начала и середины 1870-х годов, существовала портретная формула, относящаяся к описанию молодой женщины «полная — белая — румяная».

Если порядок прилагательных задан достаточно строго именно таким образом, то в других особенностях формулы возможно варьирование: обычно даются полные прилагательные, но иногда возможны краткие; перечисление бессоюзное или с союзом «и» перед последним членом; только эти три прилагательных или с какими-то добавлениями; с зависимыми словами перед ними или без них, и т. д.

Как и в предыдущем случае, здесь можно увидеть, что замеченная формула может быть описана и как сгущение, концентрация, кульминация более развернутого и более значимого общего места, которое уже вполне можно квалифицировать как топос. Более того, для самого этого топоса можно выделить две временны́е шкалы: одну — достаточно узкую, почти совпадающую со временем «кульминации» формулы «полная — белая — румяная» (конец 1860-х — начало 1880-х годов), и другую, гораздо более широкую и размытую, в пределе стремящуюся совпасть со всем временем жизни русской прозы, а то и искусства вообще. В последнем случае это идеал земной или чувственной женской красоты, который в русской прозе может дополняться определенными особенностями национального и/или сословного идеала. Очень похоже на обсуждаемую формулу описание красоты Ксении Годуновой из древнерусского «Написания о царях московских»: *зелною красотою лепа, бела велми, ягодами румяна... телом изообилна, млечною белостию облиянна* — которое в новейшей литературе цитировали, несколько переиначивая, М. А. Волошин и М. А. Булгаков. Можно указать на отдельные примеры из ранней русской классики — Наталья Павловна из «Графа Нулина» А. С. Пушкина и возможно продолжающая ее (портрет едва намечен) героиня «Тамбовской казначейши» М. Ю. Лермонтова, а также (судя по отзывам действующих лиц) — Агафья Тихоновна из «Женитьбы» Н. В. Гоголя. Далее следует область переходных случаев: Одинцова из «Отцов и детей» И. С. Тургенева с ее «богатым телом» (но без подробного описания); обе жены Пьера в «Войне и мире» Л. Н. Толстого. У Элен упоминаются только, как некая синекдоха, «полные плечи», а Наташа, худая в юности, полнеет в браке, и можно спорить о том, должно ли это восприниматься как указание на красоту или здоровье. Сюда же можно отнести Беловодову и Марфиньку в «Обрыве» И. А. Гончарова, хотя про первую говорится только о роскоши плеч и груди, а вторая — явная «не-героиня» (противопоставленная по контрасту истинной героине, Вере), к тому же «толстой» называет себя только она сама.

Полные молодые красавицы в большом количестве появляются в русской прозе начиная с рубежа 1860-х — 1870-х годов. По-видимому, здесь совпали бытовая мода (ср. французские живописные портреты, ню и жанровые сценки) и эволюция литературного реализма. В раннем реализме господствовал несколько аскетический, бесплотный идеал молодой героини (почти всегда девушки), а зрелый реализм часто принимал идеал «земной», чувственной или роскошной красоты, часто молодой замужней дамы или вдовы. Словесные портреты Анны Карениной у Л. Н. Толстого, Ахмаковой в «Подростке» и Грушеньки в «Братьях Карамазовых» у Ф. М. Достоевского — наиболее «классические» развернутые описания этого типа красоты.

> Анна была <...> в черном, низко срезанном бархатном платье, открывавшем ее точеные, как старой слоновой кости, *полные плечи и грудь* и округлые руки с тонкою крошечною кистью. <...> Она вышла быстрою походкой, так странно легко носившею ее довольно полное тело (*Л. Н. Толстой.* «Анна Каренина»).

> Вы полны, вы среднего роста, но у вас плотная *полнота*, легкая, *полнота* здоровой деревенской молодки. Да и лицо у вас совсем деревенское, лицо деревенской красавицы, — не обижайтесь, ведь это хорошо, это лучше — круглое, румяное, ясное, смелое, смеющееся и... застенчивое лицо! (*Ф. М. Достоевский.* «Подросток»).

> Правда, хороша она была очень, очень даже, — русская красота, так многими до страсти любимая. Это была довольно высокого роста женщина, <...> *полная*, с мягкими, как бы неслышными даже движениями тела, как бы тоже изнеженными до какой-то особенной слащавой выделки как и голос ее. <...> Она была очень бела лицом, с высоким бледно-розовым оттенком румянца <...> это было мощное и обильное тело. Под шалью сказывались широкие *полные* плечи, высокая, еще совсем юношеская грудь. Это тело может быть обещало формы Венеры Милосской, хотя непременно и теперь уже в несколь-

ко утрированной пропорции, — это предчувствовалось (*Ф. М. Достоевский.* «Братья Карамазовы»).

Мотивировка «полноты — красоты» у разных авторов и применительно к разным героиням различна, и часто несколько черт идут в связке, ощущаются одновременно: «русская красота», «народная красота» (но ни того ни другого нет в аристократке Карениной), «молодая, но повзрослевшая женщина», «сытая, праздная женщина», «телесная, земная, чувственная красота».

Подобное положение дел обнаруживается и в ряде других исследованных случаев. На протяжении почти всего XIX века в беллетристических и мемуарных текстах встречается формула (и, кажется, именно формула, настолько она устойчива) «разливала чай», или, точнее, «хозяйка разливала чай», или «NN разливала чай». И вновь внимательный анализ десятков примеров показывает, что помимо «фокуса» формулы в них читается и более пространная «рамка», будь то предметная или бытовая (частые упоминания чайного столика и/или самовара) или социальная (права и обязанности хозяйки; особый, хорошо, по-видимому, знакомый людям той эпохи — довольно большой, охватывающей жизни нескольких поколений — обряд). При этом сохраняют значение и собственно лексико-грамматические характеристики. Очень важным признаком топоса (и он теряется одним из первых, когда топос начинает разрушаться) является полное отсутствие каких-либо расширителей при формуле *разливать чай*: нет указаний типа **кому (гостям, родственникам, всем присутствующим...)*, **по чему (по чашкам, стаканам, блюдцам...)* или **во что (в чашки, стаканы, блюдца...)* — разливание чая мыслится как деятельность, не переходящая на субъекты или другие (чем сам чай) объекты, это просто некое исполнение своего рода русской чайной церемонии.

Итак, формула сжата и относительно устойчива, а топос существует в наборе более распространенных и более вариативных реализаций; формула более сосредоточена в фокусе, а топос предполагает более значимую «рамку», контекст; топос в существенно большей мере, чем формула. выведен на уровень «картины мира» или «словаря действительности». Но в конкретном анализе часто приходится сталкиваться с переходными случаями, и особенно часто — с такими, в которых формула и топос фактически сосуществуют: формула — ядро топоса, его сгущение и краткий конспект, топос — распространение, расширение формулы, ее размыкание и концептуализация.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Здесь и далее большинство примеров приводится по Национальному корпусу русского языка, который оказывает неоценимую помощь исследователю формул и топосов. Почти столь же значительные возможности дает обращение к сетевым библиотекам и поисковой системе Google Books.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильева И. Э.* Топос в культуре Нового времени: постановка проблемы // Мир русского слова. 2018. № 4. С. 70–78.

2. *Васильева И. Э., Двинятин Ф. Н., Степанов А. Д.* Два вида топосов // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica. 2020. № 13 (в печати).

3. *Колесов В. В.* Древнерусский литературный язык. Л., 1989.

4. *Степанов А. Д.* Понятие «топос» — проблема границ // Мир русского слова. 2018. № 2. С. 41–46.

5. *Степанов А. Д.* Топос «все люди смертны» в русской литературе постриторической эпохи // Русское слово в многоязычном мире: Матер. XIV Конгресса МАПРЯЛ, (г. Нур-Султан, Казахстан, 29 апр. — 3 мая 2019 года) / Ред. Н. А. Боженкова, С. В. Вяткина, Н. И. Клушина и др., СПб.: МАПРЯЛ, 2019 (в печати).

6. *Curzius E. R.* Europäische Literatur und Lateinisches Mittelalter. Bern, 1948.

7. *Lord A. B.* The Singer of Tales. Cambridge (Mass.), 1960.

REFERENCES

1. Vasil'eva I. E. (2018) Topos v kul'ture Novogo vremeni: postanovka problemy [Topos in Modern Age Culture: posing the problem]. *Mir russkogo slova [The World of Russian Word]*, no. 4, pp. 70–78. (in Russian)

2. Vasil'eva I. E., Dviniatin F. N., Stepanov A. D. (2019) Dva vida toposov [Two Kinds of Topoi]. *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica*. 2020. № 13. (in print). (in Russian)

3. *Kolesov V. V. (1989) Drevnerusskii literaturnyi yazyk [Ancient Russian Literary Language].* Leningrad. (in Russian)

4. Stepanov A. D. (2018) Poniatie «topos» — problema granic [The Concept of the Topos: the Problem of the Borders]. *Mir russkogo slova [The World of Russian Word]*, no. 2, pp. 41–46. (in Russian)

5. Stepanov A. D. (2019) Topos "vse lyudi smertny" v russkoj literature postritorichesskoj epohi [The Topos "All People are Mortal" in Russian Literature of Post-Rhetorical Age]. In: Proceedings of the International conference "*Russkoe slovo v mnogoyazychnom mire: Materialy XIV Kongressa MAPRYAL*" [*Russian Word in Multi-Cultural World. The Materials of 14th Congress of MAPRYAL*] *(Nur-Sultan, Kazakhstan, 29.04 — 3.05.2019)* (eds. N. A. Bozhenkova, S. V. Vyatkina, N. I. Klushina, etc., St. Petersburg. (in print). (in Russian)

6. Curzius E. R. *(1948) Europäische Literatur und Lateinisches Mittelalter. Bern. (in German).*

7. Lord A. B. (1960) *The Singer of Tales.* Cambridge (Mass.). (in English)

С. Н. Воробьева

DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12071

АПОКРИФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

SVETLANA N. VOROBYEVA
APOCRYPHA IN THE CONTEXT OF THE RELIGIOUS-MORAL EDUCATION OF THE ANCIENT RUSSIAN PERSON

Светлана Николаевна Воробьева

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

Тверской государственный технический университет

ул. Маршала Конева, д. 12, г. Тверь, 170023, Россия

► vorobeva-66@mail.ru

Svetlana N. Vorobyeva

Tver State Technical University

12 Marshal Konev Str., Tver, 170023, Russia

В данной статье автор обращается к апокрифической литературе, к сожалению, мало востребованной и недостаточно изученной. В центре внимания апокриф «Хождение Зосимы к рахманам», который рассматривается с точки зрения назидательно-практического аспекта, связанного с формированием определенных жизненных установок, духовно-нравственных основ, на которых древнерусский человек должен был выстраивать свою жизнь. Анализ осуществляется в контексте генетической связи с православием в рамках его догматических и экзегетических представлений. Как и многие другие произведения, данный текст сыграл особую роль в формировании догматического сознания, в передаче богословских знаний и установлении вероучительных истин, повлиявших на процесс становления христианских представлений о жизни верующих.

Ключевые слова: апокриф; праведная жизнь; блаженство; духовно-нравственный; установки.

The author turns to apocryphal literature, which, unfortunately, is not in demand and is not well understood yet, and author focuses on the Apocrypha "The Walking of Zosima to the Rahmanas", which is explored from the point of view of an instructive and practical aspect related to the formation of certain attitudes, spiritual and moral foundations on which the ancient Russian man had to build his life. The analysis is carried out in the context of a genetic connection with Orthodoxy in the framework of its dogmatic and exegetical ideas. Like many other works, this text has played a special role in the formation of dogmatic consciousness, in the transfer of theological knowledge and the establishment of doctrinal truths that influenced the process of formation of Christian conception about the life of believers.

Keywords: Apocrypha; righteous life; bliss; spiritual and moral; attitudes.

Религиозно-нравственное воспитание, являясь основной и всеобщей категорией общественной жизни, занимало ведущее положение в древнерусской педагогической системе воспитания, в том числе и в контексте религиозно-нравственных принципов, норм и ценностей XIV века, так как способствовало формированию личности, ориентированной на воспроизводство ценностей религиозной и общечеловеческой культуры. В связи с тем что методологическая база воспитательного процесса в современном ее понимании еще не была сформирована, все усилия были направлены на совершенствование личности в соот-

ветствии с действующими христианскими догматами, транслирование которых осуществлялось и через художественный текст, который, обладая необъятным воспитательным и дидактическим потенциалом, рассматривался в качестве основного средства внедрения в общественное сознание общечеловеческих, религиозных и духовно-нравственных ценностей, способствующих обучению и воспитанию древнерусского человека.

Предлагаемый читательскому вниманию эмпирический материал произведения давал возможность через абстрагирование и обобщение предмета освоения устанавливать связи между извлекаемым прошлым и представленной ситуацией. Осуществлялся процесс усмотрения определенных в нем смыслов, идейных парадигм, ценностей, чувств, представлений, знаний, понятий веры, что формировало у читающего готовность к рефлексии, приводящей к образованию определенного пространства понимания, где рефлексия формировалась в виде духовных сущностей — смыслов и идей. Все это, безусловно, способствовало не только обогащению духовного пространства читающего и слушающего. Через заложенную систему религиозных предписаний и основные религиозные установки акцентировалось внимание на личности с определенным набором добродетелей, формировавших определенного рода поведенческие стереотипы, которые должны были применяться верующими в повседневной жизни и вести их к всеобщему спасению.

В данной статье мы обратимся к древнерусскому литературному периоду, когда звучащая или письменная речь — это слово, обращенное к Богу и к слушателям, целью которого являлось их спасение, духовное преображение, обретение Царствия Небесного. Реализация этой главной литургической задачи, представленной в произведениях древнерусской литературы, осуществлялась через многообразную жанровую систему: жития, хождения, видения, поучения. Немаловажное значение отводилось и апокрифам, преимущественно переводным неканоническим сочинениям, знакомившим древнерусских читателей с различными религиозно-философскими концепциями, которые оказывали сильное воздействие на духовную жизнь Древней Руси. Однако мировоззренческие противоречия, присутствие сомнительных идей, не совпадающих с ортодоксально-церковными представлениями, снижали их литературный статус, что не мешало вводить их в церковные сборники. Такое положение дел могло свидетельствовать о том, что с точки зрения церковно-учительных задач апокрифические тексты в состоянии были выполнять общую с религиозной литературой духовную работу — духовно-нравственное воспитание древнерусского человека в духе общепризнанных христианских ценностей.

Об особой роли, месте и значении этого замечательного памятника древнерусской культуры в историческом контексте эпохи, культурном наследии писали известные исследователи (Д. С. Лихачев [1; 2], В. В. Мильков [3; 4] и Л. Н. Смольникова [6], М. В. Рождественская [5] и др.). Используя в своих научных изысканиях разные аналитические формы и методы, они в полной мере оценили художественность и уникальность этого материала древнерусской словесности. Однако сказать, что этот художественный пласт достаточно изучен, нельзя.

В данной статье мы обратимся к анализу одного из известнейших апокрифов «Хождение Зосимы к рахманам», которое датировалось приблизительно V веком и снискало особую популярность на Руси уже в XIV веке. Как и многие другие произведения, этот текст входил в состав разных сборников, хотя и был включен в Индексы запрещенных книг. Данное произведение будет интересовать нас с точки зрения его назидательно-практического аспекта. Дело в том, что для большинства населения апокрифическая литература, в силу своей доступности и понятности, являлась в определенном смысле книгой жизни, через чтение которой осуществлялось приобщение к чужому жизненному опыту, через осмысление и преломление которого формировались определенные жизненные установки, те духовно-нравственные опоры, но основе которых выстраивалась или должна была выстроиться дальнейшая собственная жизнь. Ярким примером тому

в этом смысле и является «Хождение Зосимы к рахманам».

В «Хождении» повествуется о том, как прославившийся отшельническими подвигами старец Зосима, преодолевая многочисленные земные преграды (пустыня, лютые звери, бури, землетрясения), достигает непроходимой реки Евмасион, встречается с блаженным народом рахманами, записывает их житие, чтобы поведать всем верующим о праведной жизни, которая дает им возможность наследовать Царствие Небесное. Однако в произведении речь идет не только о благочестивой жизни рахман. Рассказ о существовании этого загадочного народа включается в житие праведного отшельника Зосимы, отчего текст имеет и дополнительное название «Житие и жизнь преподобного отца нашего Зосимы, как ходил к рахманам». С композиционной точки зрения повествование о старце обрамляет сюжетную линию о рахманах, так как текст апокрифа начинается с рассказа о жизни отшельника и завершается повествованием о его духовной победе над дьяволом, силой греха и заслуженным вознаграждением, которым становится райское блаженство, наследование Царствия небесного. Такая тематическая направленность текста для составителей сборников имела огромное значение, потому что давала возможность через популяризацию праведной христианской жизни проповедовать основные христианские истины. А занимательность повествования, обилие чудес и сказочной фантастики, введение в текст многих дополнительных деталей, о которых ничего не говорится в Священном Писании, позволяли в доступной форме излагать сухие догматические суждения, становившиеся привлекательными для большинства населения (см.: [7]).

Так, например, представленные через фантастический сюжет произведения происходящие с главными героями происшествия не оставляли у читателя сомнения в том, что Бог есть высшее и совершенное Существо, абсолютная Сущность, свободная Личность. Запредельный миру по сущности, Бог присутствует везде. Являясь Всемогущим, Он приводит в исполнение угодное Ему, так как не испытывает никакого затруднения или препятствия, никакой силы, способной удержать или стеснить Его. В Нем все движется, существует и зависит.

Звучит в апокрифе и другая назидательная мысль, не противоречащая догматическим представлениям о том, что жизнь Бога есть гармоническое блаженство, и особая близость к Нему, непосредственное общение с Ним является источником вечной жизни, поэтому человек со своей стороны должен Его любить. Выражением этого чувства становится прославление Бога в молитвах, потому что в непрекращающихся благодарственных восхвалениях «смысл и оправдание его бытия, и вместе с тем его наивысшее блаженство».

Герои произведения Зосима и рахманы называются блаженными, то есть счастливыми потому, что именно так и живут, молясь Богу день и ночь, их постоянное молитвенное обращение обеспечивает им осуществление просимого. Бог, всеблаженный, всеблагой и любящий, дарует им столько благ, сколько нужно для блаженства.

> «Услышьте, сыны человеческие, что нет у нас ни винограда, ни сосудов, ни железа, ни домов, ни зданий, ни огня, ни ножа, никакого железного предмета, которое применяется для дела ремесла. Нет у нас серебра и золота, сильных дождей <. ...> Нет у нас счета ни годам, ни часам, ни месяцам, ни дням — все дни, как один. <...> Пищу вкушаем мы в шестой час каждого дня. Ибо от древа исходит плод в шестой час, и мы едим и пьем, пока не насытимся. И снова плод возвращается обратно. <...> Когда же приходит время поста, все плоды древесные исчезают, и с небес нам падает манна, которую отцам нашим в пустыне дал Господь. Манна эта слаще меда. Поэтому знаем мы, как идут года и время. Когда же приближается день Воскресения Господня, деревья дают плоды благоуханные. <...> Знаем мы год нашей смерти: ибо нет муки, и страдания, и болезни у наших тел, но мир, и утешение великое, и любовь» [7]

При этом все повествование апокрифа говорит читателю о том, что любовь и милость, проявляющиеся к падшему человечеству, безмерны от полноты совершенства Творца, который хочет от людей ответной любви, проявляющейся и в соблюдении духовно-нравственного закона, ведущего к совершенству человеческой природы, что и пропагандируется в тексте на примере жития героев. Они называются автором праведными, потому что ориентируются в своей жизни

на основные христианские истины, не противоречащие евангельскому учению. Однако это невозможно без веры, поэтому ключевым моментом произведения становится мысль о том, что Божественную сущность можно познать только верой, иное постижение невозможно.

Интересно это произведение еще и тем, что в нем поднимались вопросы загробного существования, популярная в то время тема райского вознаграждения, вызывавшие в общественном сознании особый интерес. Апокрифический текст давал своим читателям возможность понять, что преемниками рая могут быть только праведники, потому что люди греховны по своей природе, так как унаследовали первородный грех прародителей своих Адама и Евы, которые ослушались Творца и нарушили данную им заповедь. До грехопадения их отношения к Богу были отношением всецелого и радостного послушания, они находились в непосредственном общении с Богом, поэтому Божественная благодать открывала им путь дальнейшего совершенствования. Но своим греховным самоутверждением они вычеркнули из своей жизни Бога, в результате чего благодатная связь разорвалась, и они выпали, а вместе с ними и все человечество из состояния изначального единства со своим Создателем.

Но, как показано в тексте апокрифа, восполнение утраченной полноты блаженства возможно через отречение человечества от греха, что дает ему возможность восстановить непосредственное общение с Богом, и местом такого общения с Создателем является рай. В тексте говорится о существовании рая, который ассоциировался как духовное и телесное блаженство; праведников ждут покой, отсутствие страданий и печалей, общение с праотцами и ангелами, лицезрение Бога. Так, рахманы, услышав от пророка Иеремии предсказание о том, что через три дня город погибнет, если жители не покаются в грехах своих, усиленно молились о прощении и были помилованы.

> «Тогда увидели мы, что души наши в веселии пребывают, и сказали: Лучше нам так и оставаться» [7].

В научной литературе существует предположение о том, что в тексте воспроизводится монашеско-аскетический идеал существования человечества. Рехавиты по своей сути — монахи, которые живут в плотском раю возвышенной, выстроенной по строгим правилам, жизнью, заканчивающейся радостным ожиданием смерти как окончательного освобождения от оков плоти, а Зосима — отшельник, прообразом которого считают Зосиму Киликийца, прославившегося своими отшельническими подвигами. В тексте проводится мысль о том, что путь в рай может лежать через монастырь, отшельничество, через многочисленные подвиги усмирения плоти. Образы рая и монастыря совмещаются.

> «Монастырь — по подобию земного рая — это изолированная часть мира, где пребывают праведники. Причем из описания преград, которыми огораживается рай, стены с малыми оконцами непосредственно ассоциируются с монастырской стеной. Если судить по „Хождению Зосимы", то созданный там образ страны блаженных — это не рай изобилия, а рай аскезы. Рехавиты живут в нем по правилам, сопоставимым со строгим уставом египетских монахов» [Там же].

Формируя у читателей представления об аскетизме как форме неприятия земной греховной жизни с ее порядками, соблазнами и заблуждениями, в апокрифе предлагается один из вариантов безгрешного существования — уход от мира, каким в реальной жизни являлся уход в монастырь. Но ради чего все это? Ради спасения собственной души.

Тема спасения человеческой души является одной из главных в произведении, потому что на протяжении всего повествования проводится мысль о высоком достоинстве человеческой души, бессмертной, созданной творческим дуновением Творца. Она дороже целого мира, поэтому не случайно в Евангелии от Матфея в 16 главе, 26 стихе мы читаем следующее наставление: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» Разумная и бессмертная, безгрешная, она роднит человека с ангелами, связывает нас с духовным миром.

> «Ибо души наши не печалятся, когда приходят за ними ангелы. Но радуются и ангелы, когда принимают души наши. <...> Так прославляют ее [душу] ангелы, говоря: Радуйся, блаженная душа, ибо сбылась воля Божья в тебе. <...> Мы же видим образ души, подобный образу ангела, весь исполненный света. Тогда ангелы, вознося-

щие душу, поют песнь Господу Богу. И снова другие чины ангельские радостно встречают ее и, поцеловав душу эту, восходят на небеса: Когда же душа приходит на поклонение к Богу, мы все падаем ниц на землю. Тогда сам Сын Божий принимает души блаженных с ангелами Своими и приносит к пресвятому Отцу мира» [7].

Показанное в произведении единение человека с Богом, являющееся конечной целью его существования, завершается идеальным сочетанием духовной и телесной сущности. Замыкается когда-то разорванная грехопадением связь, и человек, объединяя в себе нетварное естество с созданным бытием и через себя, соединяет все с Абсолютным Логосом.

Таким образом, апокрифическая литература являлась ценнейшим источником в контексте педагогической системы религиозно-нравственного воспитания древнерусского человека, которая характеризует мировоззрение, религиозные верования и идейную жизнь общества. Исповедание истинной веры, соблюдение заповедей, молитва — все это было необходимо древнерусскому человеку для полноты жизни, собственного спасения, которое возможно только в богообщении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лихачев Д. С.* Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. СПб., 2014.

2. *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII вв. СПб., 1999.

3. *Мильков В. В.* Апокрифы в древней Руси и их идейно-мировоззренческое содержание // Апокрифы Древней Руси: Тексты и исследования. М., 1997. С. 5–15.

4. *Мильков В. В.* Концепция земного рая в древнерусских апокрифах // Апокрифы Древней Руси: Тексты и исследования. М., 1997.

5. *Рождественская М. В.* Апокрифы Древней Руси / [сост., предисл. М. Рождественской]. 2-е изд., доп. СПб., М., 2016.

6. *Смольникова Л. Н., Мильков В. В.* Апокрифы в религиозной и идейной жизни Руси периода ее христианизации // Переводные памятники философской мысли в Древней Руси. М., 1992. С. 44–77.

7. Хождение Зосимы к рахманам. Житие и жизнь преподобного отца нашего Зосимы, как ходил к рахманам // Апокрифы Древней Руси: Тексты и исследования. М., 1997. URL: http://lit.lib.ru/img/i/irhin_w_j/biblioteka/apokrify.htm

REFERENCES

1. Likhachev D. S. (1999) *Velikoe nasledie. Klassicheskie proizvedeniia literatury Drevnei Rusi [Great heritage. Classical literary works of Ancient Russia]*. St. Petersburg. (in Russian)

2. Likhachev D. S. (1999) *Razvitie russkoi literatury X–XVII v.v. [Development of the Russian literature of the 10–17th century of century]* St. Petersburg. (in Russian)

3. Mil'kov V. V. (1997) Apokrify v drevnei Rusi i ikh ideino-mirovozzrencheskoe soderzhanie [Apocryphal stories in ancient Russia and their ideological and world outlook contents]. In: *Apokrify Drevnei Rusi: Teksty i issledovaniia [Apocryphal stories of Ancient Russia: Texts and researches]*. Moscow, pp. 5–15. (in Russian)

4. Mil'kov V. V. (1997) Kontseptsiia zemnogo raia v drevnerusskikh apokrifakh [The concept of the earthly paradise in Old Russian apocryphal stories]. In: *Apokrify Drevnei Rusi: Teksty i issledovaniia [Apocryphal stories of Ancient Russia: Texts and researches]*. Moscow. (in Russian)

5. Rozhdestvenskaia M. V. (2016) *Apokrify Drevnei Rusi [Apocryphal stories of Ancient Russia]*. 2nd ed., St. Petersburg; Moscow. (in Russian)

6. Smol'nikova L. N., Mil'kov V. V. (1992) Apokrify v religioznoi i ideinoi zhizni Rusi perioda ee khristianizatsii [Apocryphal stories in religious and ideological life of Russia of the period of its Christianization]. In: *Perevodnye pamiatniki filosofskoi mysli v Drevnei Rusi [Translated monuments of philosophical thought in Ancient Russia]*. Moscow, pp. 44–77. (in Russian)

7. Khozhdenie Zosimy k rakhmanam. Zhitie i zhizn' prepodobnogo ottsa nashego Zosimy, kak khodil k rakhmanam [Walking Zosima to Rahmans. The life of the monk our father Zosima as he walked to Rahmans] (1997). In: *Apokrify Drevnei Rusi: Teksty i issledovaniia [Apocryphal stories of Ancient Russia: Texts and researches]*. Moscow.. URL: http://lit.lib.ru/img/i/irhin_w_j/biblioteka/apokrify.htm (in Russian)

[хроника]

МЕЖДУНАРОДНАЯ ВСТРЕЧА РУСИСТОВ В КРЫМУ

(Окончание. Начало на с. 31, 36, 41)

Завершающей темой круглых столов стал ассоциативный эксперимент в изучении регионального языкового сознания. Под руководством профессора Н. В. Уфимцевой обсуждались многие важные вопросы: формирование языкового сознания крымчан (на примере концепта «Крымский мост»), кризис этнического самоопределения молодежи (по результатам ассоциативного эксперимента в Крыму), ассоциативный потенциал слова-стимула «учитель» в речи донецкой молодежи, расширение Русского регионального ассоциативного словаря за счет добавления новых регионов, создание Крымской региональной ассоциативной базы данных.

На заключительном заседании были подведены итоги симпозиума. Его проблематика стала мощным зарядом для дальнейших размышлений, обсуждений и исследований русистов из многих стран. По результатам работы был издан сборник в двух томах «Русский язык в поликультурном мире». У участников симпозиума осталось много ярких впечатлений, связанных с высоким научным уровнем обсуждения проблем современной русистики, с прекрасной организацией такого масштабного, знакового мероприятия, с необыкновенной красотой родных крымских ландшафтов, с искренностью и теплотой организаторов симпозиума. Российские и зарубежные русисты благодарят Государственный Совет и Совет министров Республики Крым, которые организуют Фестиваль «Великое русское слово» с 2007 года и, в первую очередь, сопредседателей Организационного комитета XIII Международного фестиваля «Великое русское слово» Главу Республики Крым С. А. Аксенова и Председателя Государственного Совета Республики Крым В. А. Константинова, благодаря которым состоялась эта крымская встреча русистов, упрочившая позиции русского слова в мире.

Васильева Г. М., д-р филол. наук, проф. РГПУ им. А. И. Герцена,
Щукина Д. А., д-р филол. наук,
проф. Санкт-Петербургского горного университета

Го Вэй

DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12076

ДИАЛОГ С КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИЕЙ: «ДАО ДЭ ЦЗИН» В РАССКАЗЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА «ЗАПИСЬ О ПОИСКЕ ВЕТРА»

GUO WEI

DIALOGUE WITH CHINESE PHILOSOPHY: "TAO TE CHING" IN THE STORY "A RECORD ABOUT CHASING WIND" BY VICTOR PELEVIN

В статье выявляются источники рассказа «Запись о поиске ветра», раскрывается его образное содержание и семантика, возникающая в диалоге с китайской философией. Целью статьи является, прежде всего, лучшее понимание насыщенных инокультурными цитатами и реминисценциями произведений Пелевина, разъяснение общего смысла его творчества в одном из наиболее важных для данного автора контекстов.

Ключевые слова: Пелевин; «Запись о поиске ветра»; Лао-цзы; «Дао дэ цзин».

The article identifies the sources of the story "A Record about Chasing Wind", reveals its figurative content and semantics, which arises in dialogue with Chinese philosophy. The purpose of the article is, first of all, a better understanding of Pelevin's works saturated with foreign culture quotations and reminiscences, explaining the general meaning of his work in one of the most important contexts for this author.

Keywords: Pelevin; "Record about Chasing Wind"; Lao Tzu; "Tao Te Ching".

Го Вэй

Аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета

Санкт-Петербургский государственный университет

Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

► fantasy0224@163.com

Guo Wei

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

Научный руководитель: д-р филол. наук, проф. А. Д. Степанов

Известно, что в произведениях Виктора Пелевина скрыты многочисленные отсылки к различным аспектам китайской литературы и культуры. Есть у писателя и тексты, прямо посвященные китайской философии: таков, например, рассказ «Запись о поиске ветра», написанный в духе восточных философских повествований, которые обращаются к различным семиотическим кодам и симулякрам, замещающим реальность, но не утверждают всерьез достоверность этих кодов и образов. Для того чтобы лучше понимать творчество Пелевина, необходим в первую очередь реальный и интертекстуальный комментарий: произведения писателя должны быть прочитаны в соотнесении с классической китайской философией. В рассказе «Запись о поиске ветра» явно ощущается влияние восточной философии: это цитаты из «Дао дэ цзин», остающиеся не прокомментированными и, по-видимому, непонятными российскому читателю.

Как указывают исследователи, «Лао-цзы впервые в китайской философии ввел понятие „дао", означавшее у него „материальную субстанцию вещей" и „естественный закон объективного мира", а также создал учение о материи и ее законах» [6: 8]. Слово «дао» (кит. 道) можно буквально перевести на русский язык как «путь». Поэтому название философского трактата «Дао дэ цзин» в многочисленных русских переводах представляет собой «Учение о Пути и Благой Силе» (С. Батонов), «Трактат о Пути и способах Продвижения» (Б. Виногродский), «Книга о Пути и Силе» (А. Кувшинов), «Завет Пути Силы» (М. Соловьева), «Книга Пути и Благодати» (В. Сухоруков), «Трактат о Пути и Доблести»

(Г. Ткаченко), «Канон Пути и Канон благой Силы» (Е. Торчинов) и т. д. Нетрудно сделать вывод, что ключевое слово «путь» в рассказе Пелевина «Запись о поиске ветра» имеет прямое отношение к главному концепту даосской доктрины — «дао».

Китайский исследователь Чжэн Тиу отмечает, что Пелевин читал Лао-цзы и Чжуан-цзы на русском языке [12: 17]. Рассказ «Запись о поиске ветра» воплощает определенные аспекты даосской философии. В начале рассказа говорится, что «человека, утвердившегося на Пути, перемены не пугают, ибо душа его глубока, и в ней всегда покой, какие бы волны ни бушевали в мире» [5: 368]. Эта фраза напоминает концепцию из 16 главы «Дао дэ цзин»: достижение предельного беспристрастия и сохранение покоя [2: 32]. В «Дао дэ цзин» «естественность» служит в качестве своего рода принципа, одна из установок которого — «меньше говорить» [Там же: 39]. Это же мы наблюдаем и в рассказе Пелевина. Во время путешествия под действием порошка пяти камней герой рассказа заплутался в горах и «узрел Великий Путь» [5: 372], который «есть сам в себе, не опирающийся ни на что и ни от чего не зависящий» [Там же]. По мнению Лао-цзы, дао всегда остается спокойно, оно не меняется из-за физических изменений в реальном мире. Дао произведено естественно: закон дао происходит от самого дао [2: 41]. «Таить драгоценность под грубой одеждой» является китайской идиомой (чэнъюй), которая взята из «Дао дэ цзин» [Там же: 86]. В рассказе Пелевина мы также нашли отклики на эти представления.

Лао-цзы считает, что природа Пути и высочайший уровень практики заключаются в том, чтобы достичь «предельного беспристрастия» и чистосердечно сохранять «покой», который является сущностью жизни. Все материальные вещи только соответствуют природе и сохраняют внутренний мир, чтобы получить бесконечную жизнеспособность. Понятие «все вещи» в данном случае подразумевает и человека. Пелевин по-своему трактует эту идею: его герой полагает, что «не следует слишком уж стремиться к покою; и покой, и волнение — суть проявления одного и того же» [5: 368].

В рассказе «Запись о поиске ветра» говорится, что Цзян Цзы-я любит повторять: «Три слова вызывают десять тысяч бед» [Там же: 369]. С точки зрения Лао-цзы, это означает «говорить мало — естественно». Здесь имеется в виду «недеяние». Напротив, «многословие» представляет собой нечто «искусственное», нарушающее принципы (или законы) природы. «Недеяние» — это категория, обобщающая такие типы поведения, как «меньше говорить», а также отрицание и критика «искусственного». «Недеяние» включает в себя три составляющих: «свобода от страстей» [2: 17], «отказ от использования оружия», «деяние без борьбы» [Там же: 97].

«Свобода от страстей» — это не отрицание желания, а возведение естественности в принцип, позволяющий определить, согласуется ли желание с Путем Лао-цзы, а для этого нам нужно знать границы желания. Граница желания — это граница принципа естественности: следует «не ценить редких предметов» [Там же: 19], «не показывать того, что может вызвать зависть» [Там же], быть «вдумчивым и сдержанным в словах» [2: 33], «меньше говорить» [Там же: 39], «не действовать» [Там же: 73], «не иметь страстей» [Там же], — все эти принципы приводятся Лао-цзы в «Дао дэ цзин». Когда ученик беседует со своим учителем Цзян Цзы-я о Пути, Цзян Цзы-я показывает ему феникса из белого нефрита, вызвавшего у ученика большой интерес. Однако Цзян Цзы-я убирает фигурку феникса обратно за пояс, и это оказывается непонятно главному герою. Но с помощью трактата «Дао дэ цзин» можно понять мотивы поступка учителя. Вероятно, Цзян Цзы-я тем самым хотел объяснить, что именно драгоценный нефрит и является тем «редким предметом», который способен «вызвать зависть», и поэтому не следует желать им обладать. Цзян Цзы-я говорит далее: «Видеть Путь и обладать им — не одно и то же» [5: 370], а ученик полагает, что Путь «всегда рядом» [Там же: 369] и его можно «видеть во всем, что нас окружает» [Там же], однако в тот момент он еще не вполне понимал, что такое Путь.

«Отказ от использования оружия» указывает на конкретный способ следовать принципам природы. В анализируемом нами рассказе говорится, что построения ума можно уподобить лестницам, но по этим лестницам невозможно

ни подняться на замок истины, ни даже приблизиться к истине. С этой точки зрения, лестница — «орудие», которое мы хотим использовать. У Пелевина в «Записи о поиске ветра» сказано: «чем длиннее будут наши лестницы, тем выше станут стены» [5: 372]. Когда мы опускаем лестницу и больше не собираемся брать замок штурмом, замок истины исчезнет. «Отказ от использования оружия» поможет узнать правду.

«Деяние без борьбы» является понятием истории китайской этической мысли. Это понятие в разных философских школах имеет разные значения. Даосизм рассматривает «деяние без борьбы» как естественный принцип небес. Понятие «деяние без борьбы» означает, что следование принципу природы должно быть подобно воде, «похожей на дао» [2: 24], так как «вода приносит пользу всем существам и не борется. Она находится там, где люди не желали бы быть» [Там же]. Герой рассказа «Запись о поиске ветра» потерпел поражение в попытке разъяснения истины и обнаружил, что «лучше вообще не открывать рта» [5: 373]. Он больше не пытается объяснять что-либо, использовать что-либо и даже больше ни за что не борется, но именно благодаря этому к герою пришло просветление: «Смысл древних текстов открылся мне так ясно, словно я сам был их составителем» [Там же], «таинственные места из комментариев к ним стали прозрачны» [Там же]. Читать древние книги без комментариев непросто, так как считается, что комментарии древних к древним текстам наводят лестницы и мосты для нашего понимания. Изучая древних философов, мы можем постичь смысл их текстов, прочувствовать древнюю общественную жизнь и расширить свои знания во многих областях. Когда главный герой полностью освобожден от всего, для него становится все ясно, он даже не обратил бы внимания [Там же], если бы над ним «разверзлись небеса или начался потоп» [Там же], — ему это больше не важно.

После путешествия под воздействием порошка пяти камней Цзян Цзы-я спросил ученика, сумел бы тот «сделать только что постигнутое темой литературного произведения» [5: 375], и ученик «без раздумий ответил утвердительно» [Там же], потому что «был уверен, что постиг истину целиком и сразу» [Там же]. Ученик не только соглашается создать литературное произведение, но и полон уверенности в том, что он сможет это сделать. Он открыто говорит, что ему «предстоит создать книгу невиданную, не похожую ни на что из написанного» [Там же]. Однако когда ученик начал творить, он столкнулся с трудностями и потерпел неудачу. Если следовать тому, что нужно быть «вдумчивым и сдержанным в словах» [2: 33], «меньше говорить» [Там же: 39], «не действовать» [Там же: 73], «не иметь страстей» [Там же], то это означает, что, по мнению Лао-цзы, создать свою книгу невозможно. В главе «Лао-цзы, Хань Фэй ле чжуань» («Жизнеописание Лао-цзы и Хань Фэя») из труда Сыма Цянь «Исторические записки» («Шицзи)» говорится, что Лао-цзы «долгое время жил в Чжоу, [но] увидев, что Чжоу приходит в упадок, решил уехать. Когда [он] достиг заставы, линъинь Си (Линъинь Си — ошибка перевода; правильный перевод: «начальник заставы Инь Си». — *Го Вэй*) сказал: „Вы собираетесь удалиться от мира. Напишите для меня [хоть] что-нибудь!“ Тогда Лао-цзы написал книгу в двух частях, более пяти тысяч слов которой говорили о смысле дао [и] дэ. После этого он ушел, и никто не знает о его дальнейшей судьбе» [9: 38]. Инь Си растрогал Лао-цзы, а затем, используя свой жизненный опыт и свои знания об успехах и неудачах правящей династии, о безопасности и благосостоянии людей, Лао-цзы написал свой знаменитый трактат «Дао дэ цзин». Эту историю передает в своем рассказе и Пелевин: «...сам Лао-цзы не имел желания браться за кисть, и его труд есть древнейшая из известных нам взяток, ибо написан он был с единственной целью — заставить начальника заставы открыть дорогу на Запад» [5: 380]. Лао-цзы даже не хочет писать что-либо, хотя, как человек, который только что наслаждался дао, он может написать целый философский трактат. Может, но это противоречит тому «недеянию», которое всегда защищал Лао-цзы.

Представление «Закон дао — от самого дао» является одним из важнейших положений даосизма по Лао-цзы. Хотя это положение не ставит под сомнение волю и верховенство неба, но в корне отвергает теизм и подвергает пересмотру волюнтаризм и положения теологии о природе Вселенной.

Критика волюнтаризма заключается в том, что исследовать изначальную природу Вселенной следует через естественную природу всего сущего. Перед лицом постоянно меняющейся Вселенной Лао-цзы исследует законы священной и великой силы природы и глубоко вникает в тайны дао. Таким образом, у Лао-цзы возникает утверждение: «Невозможно выразить дао в словах».

В рассказе «Запись о поиске ветра» автор также говорит: «Бесполезно пытаться достичь его [Великого Пути] через размышления или рассуждения» [5: 372]. Понятие «не выразить словами» встречается в произведениях Пелевина довольно часто. Например, в его романе «Чапаев и Пустота» доминирует не выразимый словами мистицизм. Мистицизм обращен к интуиции: когда истина не постижима разумом, ее можно постичь только путем таинственного чувствования. Исследуя истину с помощью разума, герой рассказа обнаружил, что, как ни старался, к истине приблизиться не мог. Перед героем стоит замок, но виден он только тогда, когда есть люди, готовые атаковать его, и чем сильнее их желание, тем выше замок. Поэтому автор говорит: «Бесполезно пытаться достичь его через размышления или рассуждения».

Выше уже упоминалось, что Цзян Цзы-я показал герою феникса из белого нефрита, хранившегося в чехле на его поясе. Это может быть отсылкой к 70-й главе «Дао дэ цзин»: «Совершенномудрый подобен тому, кто одевается в грубые ткани, а при себе держит яшму» [2: 86]. «Дао скрыто [от нас]» [Там же: 57], образ человека, постигшего дао, также скрыт. Совершенномудрый — человек, постигший дао, никому не известен, потому что не известно само дао. Совершенномудрому не подражают, потому что люди не знают, что совершенномудрый постиг дао. Чтобы скрыть нефрит, совершенномудрый использовал внешнюю грубую ткань, так же и само дао скрыто в действии всех вещей на небе и земле. Поскольку совершенномудрый сам распознает дао Вселенной и вводит дао в свою жизнь, невежество совершенномудрого — это лишь поверхностное явление, на самом же деле он знает все.

Лао-цзы часто называет затворником человека, который скрывает драгоценности под грубой одеждой. Философская школа Лао-цзы и Чжуан-цзы (или даже вся даосская школа) имеет тесную связь с традицией затворничества. Известный китайский философ Фэн Юлань (кит. 冯友兰; 1895–1990) утверждал, что предвестниками даосизма были именно древние «отшельники» и «затворники» [11: 271]. Нань Хуайцзинь (кит. 南怀瑾) (1918–2012), современный китайский духовный учитель, также отмечал, что даосская наука возникла из «отшельнической» мысли древней культуры [4: 178]. В «Лао-цзы, Хань Фэй ле чжуань» («Жизнеописание Лао-цзы и Хань Фэя») говорится: «Лао-цзы совершенствовал Дао [и] дэ, его учение призывает жить в уединении [и] не стремиться к славе» [9: 38]. Отмечается, что основной целью Лао-цзы было изучение нравственности, но не для того, чтобы прославиться и извлечь выгоду, а ради самоценных размышлений об обществе и культуре. «Мудрец-отшельник по имени Лао-цзы несомненно существовал» [Там же: 39]. Как и другие затворники, он отошел от сложной политической борьбы и держался на некотором расстоянии от политических веяний. Благодаря этому он имел остраненное понимание социальной борьбы и был способен проводить глубокий критический анализ. Кроме того, у Лао-цзы была возможность общаться с людьми из низших классов, он хорошо понимал страдания людей и сопереживал им. Затворники носили грубую одежду, жили в бедности, вдали от политического центра власти, но они имели высокие моральные идеалы и сильное чувство социальной ответственности. Дух затворников высок и независим. Лао-цзы оставался в стороне от общественной жизни, но не разочаровался в людях, что помогало ему осмыслять жизненные проблемы, придавая своей философии остросоциальные характеристики очень высокой теоретической глубины.

Анализируя образ Цзян Цзы-я, мы пришли к выводу, что это герой, постигший дао. Кроме того, Цзян Цзы-я, живущий в Желтых горах, также может рассматриваться и как затворник. В этой связи нельзя не задуматься о личности самого автора рассказа. На обороте обложки книги «Чапаев и Пустота» написано: «Виктор Пелевин — самый известный и самый загадочный писатель своего поколения». И эта характе-

ристика, данная Пелевину, справедлива, потому что писатель избегает общения с прессой и нечасто дает интервью. Поэтесса Татьяна Щербина вспоминает, как Пелевин однажды сказал: «Я вообще такое принял решение, буду общаться только с издателями и критиками, может быть, но только строго по делу, больше ни с кем» [7: 110]. Среди современных русских писателей есть немало тех, кто создает вокруг своего имени культурный миф. Кроме Пелевина, это Саша Соколов, В. Сорокин, З. Прилепин и т. д. Связанные с ними литературные новости у всех на слуху. Пелевин же стал автором многих литературных бестселлеров, но он старательно избегает публики и внимания к своей персоне. В последние 15 лет он почти не давал интервью СМИ, не проводил встреч с читателями. Он стал одним из самых известных и при этом наиболее таинственным писателем своего поколения [8: 543]. Но на самом деле писатель всего лишь хотел обратил внимание читающей публики на свои произведения. Пелевину нравится писать, но он не любит «быть писателем», подменяя творчество событиями личной жизни [3]. Это его принципиальная позиция [10]. Некоторые молодые читатели, лишенные желаемого общения с любимым писателем, даже считают, что, возможно, в действительности Пелевина не существует, а его имя является коллективным псевдонимом нескольких человек [1]. Хотя это предположение слишком конспирологично, оно хорошо иллюстрирует загадочность и сдержанность характера Пелевина. По мнению кинорежиссера Максима Пежемского, «всегда в любой стране нужен такой таинственный человек в культуре, затворник какой-нибудь», как Виктор Пелевин [7: 113].

Рассказ «Запись о поиске ветра» повествует о том, что один мудрец, живущий на святой горе, угощает своего ученика порошком пяти камней, после чего у ученика возникает чудесный поток сознания. Он пытается написать литературный труд о постижении Пути и в результате приходит к мысли о том, что любое добавление очередного символа (образ, слово) будет все дальше отодвигать его от истины. Все это напоминает даосскую философию. После анализа рассказа кажется, что мы перечитали «Дао дэ цзин»: Пелевин чудесным образом преобразовал даосскую философию в русский рассказ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вяльцев А.* Заратустры и Мессершмидты // Независимая газета. 31.07.1993.

2. Дао дэ цзин / Пер. и примеч. Ян Хин-Шуна. СПб., 2016.

3. На провокационные вопросы не отвечаем: Фрагменты виртуальной конференции с популярным писателем Виктором Пелевиным, опубликованные в ZHUR-NAL.RU // Литературная газета. 13.05.1997.

4. *Нань Хуайцзинь.* Нань Хуайцзинь сюаньцзи [Избранные произведения Наня Хуайцзиня]. Т. 4. Шанхай, 2005. (на китайском языке; 南怀瑾. 南怀瑾全集. 上海, 2005).

5. *Пелевин В. О.* ДПП (НН). М., 2015.

6. *Позднеева Л. Д.* Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая: Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы. VI–IV вв. до н. э. М., 1967.

7. *Полотовский С. А., Козак Р. В.* Пелевин и поколение пустоты. М., 2012.

8. Русские писатели XX века: Биографический словарь / Сост. П. А. Николаев. М., 2000.

9. *Сыма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи). Т. 7 / пер. с кит., предисл. Р. В. Вяткина. М., 1996.

10. *Тойшин Д.* Интервью со звездой // Сайт творчества Виктора Пелевина. URL: http://pelevin.nov.ru/interview/o-toish/1.html

11. *Фэн Юлань.* Чжунго чжэсюеши синьбянь (Шан) [Новая история китайской философии (1-я часть)]. Пекин, 1998. (на китайском языке; 冯友兰. 中国哲学史新编(上). 北京, 1998).

12. *Чжэн Тиу.* Цзоуцзинь Пэйлевэнь дэ мигун [В лабиринт Пелевина] // Элосы вэньи [Русская литература и искусство]. 2004. № 2. С. 17–22. (на китайском языке; 郑体武. 走进佩列文的迷宫. 俄罗斯文艺, 2004 (2). С. 17–22).

REFERENCES

1. Vial'tsev A. (1993) Zaratustry i Messershmidty [Zarathustra and Messerschmidta]. *Nezavisimaia gazeta [Independent newspaper]*, 31.07.1993. (in Russian)

2. Yang Xingshun, trans. and annotate. (2016) *Dao de tszin [Tao Te Ching]*. St. Petersburg. (in Russian)

3. Na provokatsionnye voprosy ne otvechaem: Fragmenty virtual'noi konferentsii s populiarnym pisatelem Viktorom Pelevinym, opublikovannye v ZHUR-NAL.RU [We do not answer provocative questions: Fragments of a virtual conference with the popular writer Victor Pelevin, published in ZHUR-NAL.RU]. *Literaturnaia gazeta [Literary newspaper]*, 13.05.1997. (in Russian)

4. Nan Huai-Chin (2005) *Nan Huaijin quanji [Nan Huai-Chin collected works]*. vol. 4. Шанхай. (南怀瑾. 南怀瑾全集. 上海, 2005). (in Chinese)

5. Pelevin V. O. (2015) *DPP (NN) [DTP(NN)]*. Moscow. (in Russian)

6. Pozdneeva L. D. (1967) *Ateisty, materialisty, dialektiki Drevnego Kitaia: Ian Chzhu, Letszy, Chzhuantszy. VI–IV vv. do n. e. [Atheists, materialists, dialectics of ancient China: Yang Zhu, Lie Zi, Zhuang Zi. VI–IV centuries B.C.]*. Moscow. (in Russian)

7. Polotovskii S. A., Kozak R. V. (2012) *Pelevin i pokolenie pustoty [Pelevin and the generation of void]*. Moscow. (in Russian)

8. Nikolaev P. A., comp. (2000) *Russkie pisateli XX veka: Biograficheskii slovar' [Russian writers of the twentieth century: Biographical dictionary]*. Moscow. (in Russian)

9. Sima Qian. (1996) *Istoricheskie zapiski (Shi tszi) [Records of the Grand Historian]*, vol. 7. (trans. from Chinese, foreword R. V. Viatkina). Moscow. (in Russian)

10. Toishin D. Interv'iu so zvezdoi [Interview with a star]. *Sait tvorchestva Viktora Pelevina [Victor Pelevin's creativity website]*. Available at: http://pelevin.nov.ru/interview/o-toish/1.html (in Russian)

11. Feng Youlan. (1998) *Zhongguo zhexueshi xinbian (shang) [New history of Chinese philosophy]*. vol. 1. Beijing. (冯友兰. 中国哲学史新编(上). 北京, 1998). (in Chinese)

12. Zheng Tiwu. (2004) Zoujin Peiliewen de migong [Walk into the labyrinth of Pelevin]. *Russkaia literatura i iskusstvo [Russian literature and art]*. no. 2, pp. 17–22. (郑体武. 走进佩列文的迷宫. 俄罗斯文艺, 2004 (2). С. 17–22). (in Chinese)

И. В. Семенова

DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12081

«РУССКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ АРХЕТИП» (КОНЦЕПЦИЯ АВТОРСКОГО СПЕЦКУРСА ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ)

INNA V. SEMENOVA
"RUSSIAN CULTURAL ARCHETYPE":
THE CONCEPTION OF AUTHOR'S SPECIAL COURSE FOR FOREIGN STUDENTS

Инна Владимировна Семенова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русская филология»

Тихоокеанский государственный университет

ул. Тихоокеанская, 136, г. Хабаровск, 680035, ул. Россия

► inna.semenova2011@yandex.ru

Inna V. Semenova

Pacific National University

136 Tihookeanskaya st., Khabarovsk, 680035, Russia

Статья написана в контексте проблематики обучения иностранных студентов и формирования у них межкультурной коммуникативной компетенции. В качестве средства формирования межкультурной компетенции иностранных студентов предлагается учебный спецкурс, который базируется на видеосюжетах русских сказок и легенд и на устойчивых выражениях русского народа, репрезентирующих базовые ценности и нравственные каноны русской культуры. Тематика и методический контент спецкурса ориентированы на развитие страноведческой, языковой и лингвистической компетенций обучаемых. Автор представляет структуру спецкурса, учебный материал, используемый на занятиях, систему работы с данным материалом и некоторые результаты апробации учебного материала. Спецкурс рекомендован иностранным студентам и стажерам с уровнем владения языком B1 и B2.

Ключевые слова: языковое образование; межкультурная коммуникативная компетенция; русский культурный архетип; фразеологизмы; паремии и кинематографические тексты как единицы обучения.

The article covers the issues of teaching foreign students and forming their intercultural communicative competence. A special training course is offered as a means of forming intercultural competence of foreign students. The course is based on videos of Russian fairy tales and legends and on Russian fixed expressions representing basic values and moral canons of Russian culture. The subject matter and methodological content of this course are focused on the development of cultural, language, and linguistic competencies of students. The author presents the structure of the course, educational material which is used in the classroom, the system of work with this material and some results of its testing. The course is recommended for foreign students and trainees with B1 and B2 language proficiency levels.

Keywords: language education; intercultural communicative competence; Russian cultural archetype; paroemia; idioms and cinematographic texts as educational units.

В современном образовательном пространстве все более востребованным становится изучение иностранных языков. Знание иностранных языков открывает двери в современный поликультурный мир и является важным показателем высокой общей культуры молодого специалиста — выпускника высшего учебного заведения [3: 138].

Одной из главных тенденций языкового образования сегодня является стремительное развитие социокультурного подхода, кото-

рый нацелен на формирование у студентов межкультурной коммуникативной компетенции. Результатом формирования данной компетенции служит способность выпускника «к взаимодействию с представителем иной культуры, к толерантному восприятию социальных и культурных различий и уважительному отношению к культурным традициям стран изучаемых языков» [6: 256].

В методике преподавания русского языка как иностранного социокультурный подход реализован в современных учебных пособиях и спецкурсах. Среди них большой интерес представляют методические разработки, где использован разный учебный материал, в частности: русские романсы, авторская песня, песни современных рок групп [10], тексты средств массовой информации [1; 11; 12], паремии русского языка, русская поэзия [5; 4], реалии Санкт-Петербурга (архитектурный облик города, монументальные скульптуры, музеи, природный и культурно-географический ландшафт [16]). Большим достижением в методике РКИ стал инновационный проект «Интерактивные авторские курсы Института Пушкина», в котором применены современные цифровые технологии. В проект вошли авторские курсы, каждый из которых отличается своеобразием учебного материала, методическими приемами и формой взаимодействия участников учебного процесса. К обучению русскому языку в рамках открытой образовательной среды здесь привлечены классические и современные художественные тексты (Н. В. Кулибина), художественные фильмы и видеоклипы (Т. Н. Дьяченко), формулы речевого этикета (Н. В. Виноградова), лексико-тематические группы русского языка (А. И. Ольховская), разностилевой аудиоматериал (Н. Б. Битехтина, В. Н. Климова) (см. об этом: [7]).

Все эти учебные новации, помимо успешного решения методических задач, способствуют формированию у обучаемых русской языковой и культурной картин мира, формируют представление о самобытности русской культуры, ее богатстве, ее достижениях, о менталитете и мировоззренческой позиции представителей культуры, о проблемах современного социума и др.

Поиск новых подходов к обучению русскому языку и русской культуре обусловил актуальность настоящего исследования.

В статье предлагается методическая разработка автора — учебный спецкурс «Русский культурный архетип».

Апробация учебно-методических материалов осуществляется на кафедре русской филологии Тихоокеанского государственного университета на занятиях с иностранными студентами Азиатско-Тихоокеанского региона, которые получают подготовку по направлениям 45.03.02 и 45.04.02 — «Лингвистика» (бакалавриат и магистратура) (профиль «Теория и практика межкультурной коммуникации») либо обучаются по обменным образовательным программам.

Укрепление международных связей РФ со странами АТР, расширение деловых и личных контактов, культурные обмены и прямые контакты между государственными институтами, научное сотрудничество способствуют популяризации русского языка среди представителей восточных культур, которые составляют основной контингент обучающихся в ТОГУ и в других вузах Дальнего Востока. Студенты КНР, Южной Кореи и Японии проявляют большой интерес к изучению русской культуры, русского культурного архетипа.

Главная цель спецкурса «Русский культурный архетип» состоит в том, чтобы соединить язык и культуру в процессе познания инофонами ценностных установок и нравственных ориентиров представителей русской культуры. Этим обусловлено тематическое наполнение курса.

В ходе реализации данной цели одновременно решаются следующие задачи:

1) расширение социокультурной компетенции обучающихся (пополнение знаний о стране изучаемого языка и ее истории, об особенностях русского национального характера, о традициях и обычаях русского народа, о его мировосприятии, о морально-этических принципах существования русского социума);
2) расширение языковой компетенции (пополнение словарного запаса студентов-иностранцев лексикой национального русского языка: разговорными, просторечными, устаревшими, жаргонными, окказиональными словами и сочетаниями, паремиями и фразеологизмами; овладение различными способами вы-

ражения основных интенций: согласия / несогласия, просьбы, совета, восхищения, удивления и др.; развитие навыков и умений устной речи, а именно: пересказа сюжета текста, обсуждение проблемных вопросов с высказыванием собственного мнения; развитие навыков аудирования звучащего с экрана текста);

3) расширение лингвистической компетенции (интерпретация паремий русского языка, крылатых выражений, используемых в текстах русских сказок).

Формирование лингвистической компетенции включает в себя также развитие навыков и умений проведения самостоятельного научного исследования с использованием методов контекстного и компонентного семантического анализа.

В структуре курса изучаются следующие темы.

1. Добро и зло в русском восприятии.
2. Представление о чуде в русском сознании.
3. Хитрость и ее оценка представителями культуры.
4. Отношение к труду в русской культуре.
5. Место праздника в жизни русского человека.
6. Русский патриотизм и его истоки.

Изучение каждой темы базируется на двух видах учебного материала:

1) художественные фильмы и мультфильмы по сюжету известных русских сказок, былин или легенд и система пред-, при- и послетекстовых заданий, а также монтажные записи звучащих с экрана текстов;
2) фразеологизмы, пословицы и поговорки русского народа.

Использование видео в учебном процессе проводится уже давно и сохраняет свою актуальность и сегодня, о чем свидетельствует большое количество публикаций по данной теме. Ученые и методисты подчеркивают полезность просмотра кинофильмов и работы с ними в иностранной аудитории:

– «медиапедагогика способствует ослаблению эмоционального фильтра, так как создает атмосферу «неурочности» и «недидактичности» [13: 22];
– «фильм стимулирует учащихся к общению на иностранном языке, учебно-поисковой и творческой деятельности» [8: 88–89];
– видеофильмы «не только предоставляют учащимся живую речь носителей языка, но и погружают их в иноязычную и инокультурную среду, в которой они знакомятся с языком невербальной коммуникации, стилем взаимоотношений, реалиями страны изучаемого языка» [9: 182].

Использование русских фразеологизмов и паремий как учебных единиц обусловлено тем, что в них, как справедливо заметила Л. Ю. Буянова, «представлен во всей полноте и уникальности образ национальной души, раскрыта цивилизационная эволюция самого этноса и его нравственно-духовные и конфессиональные ценности, стереотипы, опыт, мудрость; разработана и имплицитно выражена национальная программа обустройства своего мира и жизни» [2: 285].

Переходя от изучения одной темы к изучению другой, студенты постепенно накапливают информацию о русском культурном архетипе посредством не только знакомства с учебным материалом, но и активного участия в обсуждении изучаемого материала, вовлечения в трактовку базовых ценностей русской культуры, вербализованных в сюжете фильма и в семантике устойчивых выражений русского языка.

Чтобы продемонстрировать, как осуществляется реализация поставленных задач, обратимся к первой теме — «Добро и зло в русском восприятии».

Оппозиция «добро-зло» хорошо представлена в мультфильме «Лягушка-царевна» в лице главных персонажей: с одной стороны, это *добрый молодец* и *красна девица*, с другой — *Кощей Бессмертный*, *Змей Горыныч*.

Прежде чем обратиться к просмотру фильма, преподаватель дает краткую лекцию об особенностях русской волшебной сказки и ее главных героях и страноведческий комментарий к образам сказочных персонажей. После лекции следует поэпизодовый просмотр сказки. Работа над каждым эпизодом строится по плану:

1) предтекстовая работа, направленная на снятие лексических и грамматических трудностей восприятия неадаптированного текста, в частности: а) семантизация незнакомой лексики, которая необходима для пересказа сюжета фильма, для понимания быта жизни русских людей, некоторых традиций и обычаев (к примеру, фразеологизмы и паремии: *красна девица, добрый молодец, утро вечера мудренее, подобру-поздорову* и др.; стилистически окрашенная, устаревшая лексика: *колдовать/заколдовывать (кого? во что?), похищать/похитить (кого?), ткать/соткать (что?) ковер, рукодельница, пир, сучок-путевичок, меч, сра-*

жаться/сразиться с (кем?) и др.); б) грамматические упражнения;
2) просмотр эпизода;
3) пересказ, направленный на проверку понимания содержания эпизода, активизацию в речи базовой лексики фильма и базовой грамматики (в частности, глаголы движения с различными приставками, категорий вида и времени);
4) озвучивание реплик героев, работа над интонацией (выражение удивления и восхищения: *Вот это ковер! Всем коврам ковер! Ай да лягушка, ай да рукодельница;* досады: *Как же я тебя людям-то покажу;* недовольства: *Нехорош значит...<> Так быть тебе лягушкой три дня и три года!* и др.).

После просмотра эпизодов фильма осуществляется общий контроль понимания сюжета по ключевым вопросам: 1) Кто главные герои фильма? Опишите их внешность и характер; 2) Почему Кощей похищает Василису Прекрасную? Почему он заколдовывает ее в лягушку? 3) Кто помогает Ивану Царевичу найти дорогу в кощеево царство? 4) Как Баба-яга помогает Ивану Царевичу? Баба-яга — это положительный или отрицательный персонаж? 5) Где находится смерть Кощея? 6) Кто помогает Ивану Царевичу убить Кощея и почему?

Итогом работы над темой является анализ категорий добра и зла, которые репрезентируются в кинематографическом тексте.

Далее тема «Добро и зло в русском восприятии» раскрывается на материале русских паремий.

Необходимо отметить, что интерпретация значений паремий русского языка представляет определенные трудности для иностранных студентов. Это обусловлено тем, что эти языковые единицы в большинстве случаев обладают образно-переносной семантикой, помимо того, в их составе может присутствовать национально-маркированный культурный компонент. При обращении к лексикографическим источникам довольно часто можно наблюдать тот факт, что иносказательное значение паремий не всегда отражено в словарях, чаще всего там зафиксировано лишь наличие в языке той или иной пословицы и поговорки. Поэтому работа с данным аутентичным материалом на занятиях по русскому языку и русской культуре требует от преподавателя определенных методов и приемов, которые позволят развивать у обучаемых образное мышление и языковую догадку с тем, чтобы верно истолковывать значение пословицы или поговорки.

В разделе «Добро и зло в русском восприятии» в качестве фактического материала мы предлагаем студентам следующий список устойчивых выражений русского языка, который можно классифицировать по трем основаниям:

1) необразные паремии, в составе которых употреблены лексемы в своих обычных словарных значениях: *Где тепло, тут и добро. Добрый человек придет, словно свету принесет. Где тепло, тут и добро. Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу. Добро творить, себя веселить. Лень добра не делает. Доброе дело на век (или на века). Рубашка износится, а доброе дело не забудется. Добрые дела и по смерти живут. Доброе дело крепко. Доброе дело без награды не остается. Сделаешь добро, добро встретишь. Кто добро творит, тому бог отплатит. Доброму бог помогает. Спеши делать добро. Жизнь дана на добрые дела. Добрый человек всегда богат. Не делай добра и не найдешь зла. Не делай добра, не увидишь лиха. Не делай зла, не будешь в вечном страхе жить. Злому человеку не прибавит бог веку. Злой человек не проживет в добре и век. Кто зло творит, сам от зла погибает. На зло молящегося бог не слушает. Добро худо переможет. Следуй доброму, не следуй дурному. Добро поощряй, а зло порицай. Доброго держись, а от худого удались. Где добро, там и зло. Видели добро, увидим и худо;*
2) частично образные паремии, в которых только отдельные компоненты требуют переосмысления: *Жалость со слезами, а добро с мозолями. Доброе дело и в воде не тонет. Посеял зло — не жди пощады. Злому смерть, а доброму воскресенье. От доброго дерева добрый и плод. Доброе семя, добрый и всход. Добрая земля — полная мошна, худая земля — пустая мошна. Злому и щи не впрок, а доброму и сухарь помогает.*

Кроме этих выражений, могут иметь место и паремии с полной образностью, в которых «целостное значение передается словами, не входящими в состав изречения в качестве его компонентов» [17: 99].

В ходе анализа буквального или иносказательного значений пословиц и поговорок необходимо акцентировать внимание студентов на тех выражениях, в состав которых включен национально-культурный компонент. В частности, во многих паремиях встречаются устаревшие синонимы лексемы *зло — худо* и *лихо*. *Не делай добра, не увидишь лиха. Добро худо переможет.*

Доброго держись, а от худого удались. Видели добро, увидим и худо. В поговорке *Добрая земля — полная мошна, худая земля — пустая мошна* — употреблено слово *мошна* в значении «богатство». Национально-культурную специфику поговорки *Злому и щи не впрок, а доброму и сухарь помогает* составляют слова-наименования предметов русской национальной культуры — *щи, сухарь.*

При интерпретации устойчивых выражений второй группы можно предложить студентам дать толкование метафорических образов, которые лежат в основе семантики выражения, к примеру, попытаться объяснить, чем мотивировано понимание добра в поговорке: *Жалость со слезами, а добро с мозолями.*

Следующий этап работы — анализ семантической структуры категорий добра и зла. С этой целью студентам предлагается ответить на вопросы и выполнить следующие задания.

1. С какими приятными ощущениями представители русской культуры ассоциируют добро в выражениях: *Добрый человек придет, словно свету принесет. Где тепло, тут и добро*?
2. С какими качествами характера связывают русские свое представление о добрых людях в выражениях: *Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу. В ком добра нет, в том и правды мало?*
3. С какими положительными эмоциями связаны добрые поступки и злые дела в выражениях: *Добро творить, себя веселить. Не делай зла, не будешь в вечном страхе жить?*
4. В каких выражениях говорится о том, что добро нельзя получить без труда?
5. Какие выражения говорят о том, что добро живет долго, а зло недолговечно?
6. Какие результаты у добрых поступков и у злых дел в выражениях: *У доброго дерева добрый и плод. Доброе семя, добрый и всход. Доброе дело без награды не остается. Сделаешь добро, добро встретишь. Посеял зло — не жди пощады. Кто зло творит, сам от зла погибает?*
7. Найдите выражения, в которых говорится о том, как соотносятся добро и зло с богатством и бедностью?
8. Какой противоречивый смысл есть в выражениях: *Сделаешь добро, добро встретишь — Не делай добра и не найдешь зла. Не делай добра, не увидишь лиха?*
9. В каких выражениях содержатся советы?
10. В каких выражениях говорится о том, что добро и зло часто связаны?
11. Каких пословиц в русском языке больше: о добре или о зле? Чем вы можете это объяснить? Какая главная идея содержится в выражениях: *Добро худо переможет. Злому смерть, а доброму воскресенье. Злому и щи не впрок, а доброму и сухарь помогает?*
12. Прочитайте текст. Ответьте на вопрос: все ли значения лексем добра и зла, которые были отмечены нами в паремиях, отражены в данном тексте?

В сознании представителей русской культуры добро и зло воспринимаются как две противоположные категории: добро — это свет и тепло, это праздник и радость, в то время как зло — это страх и тревога.

Добро и зло взаимосвязаны. Но эта связь оценивается народом неоднозначно: «Сделаешь добро, добро встретишь» — «Не делай добра и не найдешь зла».

Добро долговечнее, чем зло.

И добро, и зло имеют определенную силу, но добро всегда побеждает зло, так как добрым людям помогает бог, а от злых людей он отворачивается. Добрые люди отзывчивы и честны. Добро всегда дает плоды, а зло само себя уничтожает. Поэтому народная мудрость гласит: «Добра наживай, а худо избывай».

В завершении работы над темой представляется целесообразным вернуться к результатам анализа категорий добра и зла в тексте русской сказки и сформулировать общие выводы по разделу с опорой на вопросы: 1) Какие из пословиц и поговорок можно использовать для характеристики сюжета сказки и его героев? 2) С чем русские ассоциируют добро и зло? 3) Как эти две категории связаны друг с другом? Почему они представляют оппозицию?

В качестве самостоятельной работы над темой можно предложить студентам проанализировать оппозицию «добро-зло» на материале сказок и устойчивых выражений их родного языка, оформить результаты исследования в виде презентации.

Работа над следующими темами проводится в том же методическом ключе с постепенным усложнением исследовательских задач, в частности, работая со списком паремий по последним темам, студенты должны самостоятельно выделить семантические компоненты рассматриваемых категорий на основе анализа иносказательного или буквального значения паремий и сформулировать необходимые выводы.

Подводя итоги, необходимо сказать о том, что спецкурс «Русский культурный архетип» был разработан нами для проведения практических занятий в рамках дисциплины «Практикум по межкультурной коммуникации», которая

входит в учебный план направления 45.03.02 «Лингвистика» (бакалавриат) (7-й семестр), либо в рамках предмета «Страноведение и лингвострановедение» (2-й семестр), который определен как дисциплина по выбору (наряду с предметом «История и культура России») в учебном плане направления 45.04.02 «Лингвистика» (магистратура) Тихоокеанского государственного университета.

Исходя из опыта работы с иностранными студентами бакалавриата и магистратуры, можно отметить, что тематика курса и учебный материал вызывают большой интерес у обучаемых и повышают их мотивацию к овладению русским языком и знаниями о русской культуре.

В отличие от других учебных пособий по межкультурной коммуникации, страноведению и лингвострановедению России, спецкурс, который мы предлагаем, минимизирует теорию науки. С теорией и проблематикой межкультурной коммуникации, а также с лингвистической терминологией студенты знакомятся в лекционных курсах дисциплин, которые читаются ранее, на бакалавриате, в предметных курсах: «История России» (1-й семестр), «Культура России» (2-й семестр), «Лексикология» (3-й семестр), «Теория межкультурной коммуникации» (6-й семестр).

Спецкурс ориентирован на решение конкретных методических задач, он активизирует навыки и умения студентов по всем видам речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение и письмо), развивает способности обучаемого к проведению научного исследования (анализ и систематизация фактического материала, сопоставительный анализ, обобщение и формулировка выводов и др.) и таким образом готовит студентов к итоговой аттестации, которая проходит в форме выпускной квалификационной работы.

Результаты апробации учебного материала подтверждают практическую значимость спецкурса, часть результатов отражена в публикациях студентов [14; 15], а также в ВКР бакалавров и магистров, которые были выполнены и прошли защиту на кафедре русской филологии ТОГУ в 2015–2018 годах.

К сказанному добавим, что отдельные темы спецкурса могут быть использованы на занятиях по другим дисциплинам (в частности, «Практический курс первого иностранного языка (русский язык)», «Фразеология русского языка»), на занятиях со студентами, которые приезжают в ТОГУ по обменной программе либо на краткосрочные курсы обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богомолов А. Н.* Новости из России — 2009. Русский язык в средствах массовой информации. Учеб. для изучающих русский язык как иностранный. М., 2009.

2. *Буянова Л. Ю.* Фразеология как культурный код познания и духовное наследие предков // Вестн. РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15. № 3. С. 285–298. URL: http://journals.rudn.ru/russian-language-studies/article/view/16904

3. *Дунаева А. С., Ветчинова М. В.* Культурологическая идея концепции коммуникативного иноязычного образования // Язык и культура. 2014. № 3 (27). С. 138–145.

4. *Крапивник Л. Ф.* Изучение русской поэзии в Ниигатском префектуральном университете (Япония) // Язык и культура: вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе: матер. V Всерос. науч.-практ.конф. с междунар. участием / [отв. ред. И. Ф. Уманец]. Хабаровск, 2018. С. 228–232.

5. *Крапивник Л. Ф., Мидзуками Н.* Русская культура: пословицы и поговорки. Токио, 2016.

6. *Куклина С. С., Черемисинова И. С.* Межкультурная иноязычная коммуникативная компетенция как основа обучению иноязычному общению в вузе // Язык и культура. 2018. № 41. С. 255–270.

7. *Кулибина Н. В., Битехтина Н. Б., Виноградова Н. В. и др.* Интерактивные авторские курсы Института Пушкина: открытая образовательная среда для изучающих русский язык и их преподавателей // Мир русского слова. 2018. № 1. С. 85–89.

8. *Ло Худе.* Средства и способы усиления мотивации учащихся на занятиях по русскому языку как иностранному // Вестн. Московского гос. областного ун-та. Сер. Педагогика. 2015. № 3. С. 87–91. URL: http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/8420

9. *Луферов Д. Н.* Видеоматериалы с субтитрами: сделайте их своими помощниками в обучении иностранному языку // Вестн. Московского гос. областного ун-та. Сер. Педагогика. 2011. № 3. С. 181–186

10. *Максимова О. В.* Русская песня: от романса до русского рока. Учеб. матер. по курсу «Лингвокультурология» для иностранных студентов, изучающих русский язык. СПб., 2007.

11. *Москвитина Л. И.* В мире новостей. Учеб. пособ. по развитию навыков аудирования на матер. языка средств массовой информации (продвинутый этап). Ч. 1. СПб., 2009.

12. *Москвитина Л. И.* В мире новостей. Учеб. пособ. по развитию навыков аудирования на материале языка

средств массовой информации (продвинутый этап). Ч. 2. СПб., 2009.

13. *Оливиери К.* «Московский кинематографический текст» в процессе обучения РКИ // Русский язык за рубежом. 2008. № 5 (210). С. 21–28.

14. *Семенова И. В., Дун Циньфэй.* Концепт «Чудо/奇迹» в русской и китайской языковых картинах мира // ЭПИ междунар. науч.-практ. журн. / Отв. составитель А. Н. Полубояринова. Вып. 8. Ачинск, 2016. С. 314–321.

15. *Семенова И. В., Сун Цзинхуа.* Концепт «Праздник/节日» в русской и китайской языковых картинах мира // ЭПИ междунар. науч.-практ. журн. / Отв. составитель А. Н. Полубояринова. Вып. 8. Ачинск, 2016. С. 322–330.

16. *Теремова Р. М.* Учеб. пособ. по лингвокультурологии: опыт концептуально-методич. анализа // Мир русского слова. 2018. № 1. С. 90–94.

17. *Ясюкевич Е. Н.* Образно-смысловая организация паремий (на матер. русских и английских пословиц и поговорок) // М. В. Ломоносов в истории науки, культуры, университетского образования: матер. Междунар. науч. конф. (Гродно, 15–16 дек. 2011 г.) / Гл. ред. А. В. Никитевич. Гродно, 2013. С. 97–103.

REFERENCES

1. Bogomolov A. N. (2009) *Novosti iz Rossii — 2009. Russkii iazyk v sredstvakh massovoi informatsii. Uchebnik dlia izuchaiushchikh russkii iazyk kak inostrannyi [News from Russia — 2009. Russian language in mass media. Textbook for Russian language students]*. **Moscow**. (in Russian)

2. Buyanova L. Yu. (2017) Frazeologiia kak kul'turnyi kod poznaniia i dukhovnoe nasledie predkov [Phraseology as a cultural cognition code and spiritual heritage of our predecessors]. *Vestnik RUDN [Vestnik RUDN]*, Series. Russkii i inostrannye iazyki i metodika ikh prepodavaniia [Russian and foreign languages and methods of their teaching], vol. 15, no. 3. pp. 285–298. Available at: http://journals.rudn.ru/russian-language-studies/article/view/16904 (in Russian)

3. Dunaeva A. S., Vetchinova M. V. (2014) Kul'turologicheskaia ideia kontseptsii kommunikativnogo inoiazychnogo obrazovaniia [Culturological idea of the conception of communicative approach in foreign langvage education]. *Iazyk i kul'tura [Language and culture]*, no. 3 (27). pp. 138–145. (in Russian)

4. Krapivnik F. L. (2018) Izuchenie russkoi poezii v Niigatskom prefektural'nom universitete (Iaponiia) [The Education of Russian poetry at the University of Niigata Prefecture (Japan)] Proceedings of V the Russian scientific-practical conference with international participation *«Iazyk i kul'tura: voprosy sovremennoi filologii i metodiki obucheniia iazykam v vuze» [Language and culture: issues of modern Philology and methods of teaching languages in high school]*. (ch. eds. I. F. Umanets). Khabarovsk, pp. 228–232. (in Russian)

5. Krapivnik L. F., Mizukami N. (2016) *Russkaia kul'tura: poslovitsy i pogovorki [Russian culture: proverbs and sayings]*. Tokyo. (in Russian)

6. Kuklina, S. S., Cheremisinova I. S. (2018) Mezhkul'turnaia inoiazychnaia kommunikativnaia kompetentsiia kak osnova obucheniiu inoiazychnomu obshcheniiu v vuze [Intercultural foreign languages communicative competence as the basis of teaching foreign language communication in Universities]. *Iazyk i kul'tura [Language and culture]*, no. 41, pp. 255–270. (in Russian)

7. Kulibina N. V., Bitekhtina N. B., Vinogradova N. V. et al. (2018) Interaktivnye avtorskie kursy Instituta Pushkina: otkrytaia obrazovatel'naia sreda dlia izuchaiushchikh russkii iazyk i ikh prepodavatelei [Pushkin Institute Interactive autcours's: open educational invironment for Russian language students and their teachers]. *Mir russkogo slova [The World of Russian Word]*, no. 1, pp. 85–89. (in Russian)

8. Luo hu die (2015) Sredstva i sposoby usileniia motivatsii uchashchikhsia na zaniatiiakh po russkomu iazyku kak inostrannomu [Means and methods of improving lerners' motivationat the lessons of Russian as a foreign language]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. [Bulletin of Moscow State Regional University]*. Series: Pedagogika [Pedagogy], no. 3. pp. 87–91. Available at: http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/8420 (in Russian)

9. Luferov D. N. (2011) Videomaterialy s subtitrami: sdelaite ikh svoimi pomoshchnikami v obuchenii inostrannomu iazyku [Captioned video: make it help your in tesol activitiens]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta [Bulletin of Moscow State Regional University]*. Series: Pedagogika [Pedagogy], no. 3, pp. 181–186. (in Russian)

10. Maximova O. V. (2007) *Russkaia pesnia: ot romansa do russkogo roka. Uchebnye materialy po kursu «Lingvokul'turologiia» dlia inostrannykh studentov, izuchaiushchikh russkii iazyk [Russian song: from romance to Russian rock. Teaching materials for the course «Linguoculturology» for for Russian language foreign students]*. St. Petersburg. (in Russian)

11. Moskvitina L. I. (2009) *V mire novostei. Uchebnoe posobie po razvitiiu navykov audirovaniia na materiale iazyka sredstv massovoi informatsii (prodvinutyi etap) [In the world of news. The textbook for development of listening on the material of the language of mass media (C1 Advanced)]*, part 1. St. Petersburg. (in Russian)

12. Moskvitina L. I. (2009) *V mire novostei. Uchebnoe posobie po razvitiiu navykov audirovaniia na materiale iazyka sredstv massovoi informatsii(prodvinutyi etap). [In the world of news. The textbook for development of listening on the material of the language of mass media (C1 Advanced)]*, part 2. St.Petersburg. (in Russian)

13. Olivieri K. (2008) «Moskovskii kinematograficheskii tekst» v protsesse obucheniia RKI [Moscow and Russian/Muscovite Film Texts in the Learning of Russian]. Russkii iazyk za rubezhom [Russian language abroad], no. 5 (210). pp. 21–28. (in Russian)

14. Semenova I. V., Dong Qingfei. (2016) Kontsept «Chudo/奇迹» v russkoi i kitaiskoi iazykovykh kartinakh mira [Concept «Miracle/奇迹» in the Russian and Chinese language pictures of the world]. *EPI mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal «Epoha nauki» [EPI international scientific and practical journal «The era of Science»]*. Achinsk, iss. 8. pp. 314–321. (in Russian)

15. Semenova I. V., Sun Jinghua (2016) Kontsept «Prazdnik/节日» v russkoi i kitaiskoi iazykovykh kartinakh mira [Concept «Holiday/节日» in the Russian and Chinese language pictures of the world]. *EPI mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal «Epoha nauki» [EPI international scientific and practical journal «The era of Science»]*. Achinsk, iss. 8. pp. 322–330. (in Russian)

16. Teremova R. M. (2018) Uchebnoe posobie po lingvokul'turologii: opyt kontseptual'no-metodicheskogo analiza [The linguoculturology textbook: an attempt or conceptual and methodological analysis]. *Mir russkogo slova [The World of Russian Word]*, no. 1, pp. 90–94. (in Russian)

17. Yasyukevich E. N. (2013) Obrazno-smyslovaia organizatsiia paremii (na materiale russkikh i angliiskikh poslovits i pogovorok) [Figurative and semantic organization of paroemias (by the material of Russian and English Proverbs and sayings)] Proceedings of the International scientific conference *«M. V. Lomonosov v istorii nauki, kul'tury, universitetskogo obrazovaniia» [M. V. Lomonosov in the history of science, culture, University education]* (Grodno, 15–16.12.2011) (ch. eds. A. V. Nikitevich). Grodno, pp. 97–103. (in Russian)

[предлагаем вашему вниманию]

Рогалёва Е. И., Никитина Т. Г. **Путешествуем по России с русскими пословицами и поговорками.** — М.: «Русский язык». Курсы, 2019. — 136 с.

В пособии представлены учебные сюжетные и научнопопулярные лингвострановедческие тексты. Они содержат информацию о происхождении русских пословиц и поговорок, особенностях их употребления в современной речи, а также интересные факты о городах и регионах России, популярных туристических объектах.

Книга предназначается для иностранных студентов и школьников, владеющих русским языком на уровне В1 и продолжающих его изучение, но также будет полезна и другим читателям, интересующимся русским языком и культурой.

Лю Инь, Е. В. Полищук

DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12088

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ «МОЧЬ» И «СМОЧЬ»)

LIU YIN, ELENA V. POLISHCHUK
ON THE ISSUE OF TEACHING MODAL VERBS IN THE CHINESE AUDIENCE:
THE CASE STUDY OF THE VERBS TO CAN AND TO BE ABLE

Лю Инь
Кандидат филологических наук, доцент Института иностранных языков
Юго-Западный университет
Район Бэйбэй, Институт иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин, 400715, КНР
► liuyin610@mail.ru

Елена Вацлавовна Полищук
Кандидат филологических наук, доцент филологического факультета
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Россия
► elenapolishchuk@mail.ru

Liu Yin
Southwest University
Beibei district, Institute of foreign languages of Southwest University, Chongqing, 400715, P. R. China

Elena V. Polishchuk
Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

В статье рассматриваются существенные проблемы, возникающие у китайских учащихся при изучении модальных глаголов «мочь» и «смочь». Представлены следующие аспекты: модальные глаголы «мочь» и «смочь» при выражении настоящего, будущего и прошедшего времени; употребление отрицательной частицы «не» после модальных глаголов; употребление двойного отрицания в сочетании с модальными глаголами.

Ключевые слова: китайские учащиеся; модальные глаголы «мочь» и «смочь»; выражение настоящего, будущего и прошедшего времени; отрицательная частица «не»; двойное отрицание.

The article raises the essential questions that face Chinese students in their studies of Russian modal verbs *to can* and *to be able*. The following aspects are discussed: modal verbs in present, past and future tenses; the use of negative particle "not" after modal verbs; the use of double negation in structures with modal verbs.

Keywords: Chinese students; modal verbs *to can* and *to be able*; expression of present; future and past tense; negative particle not; double negation.

При преподавании русского языка китайским учащимся неизбежно встает проблема употребления модальных глаголов «мочь», «смочь». Особое внимание уделяется выбору соответствующего модального слова при выражении определенных значений, употреблению видов глагола в инфинитиве в сочетании с модальными глаголами «мочь» и «смочь», употреблению «мочь» и «смочь» в отрицательных формах.

1. Модальные глаголы «мочь» и «смочь» при выражении настоящего и будущего времени

1.1. Модальный глагол «мочь» в настоящем времени

Модальный глагол «мочь» в настоящем времени сочетается с инфинитивом обоих видов в соответствии с основной семантикой глагольного вида. Сравните:

Статья выполнена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве Образования КНР

1) *Я **могу** тебя очень **ждать**,*
Долго-долго и верно-верно,
*И ночами **могу** не **спать***
Год, и два, и всю жизнь, наверно! (Эдуард Асадов);
2) *Ответственный человек всегда **может выполнить** свои обещания, несмотря ни на что.*

В первом примере речь идет о длительно-процессном значении НСВ; во втором примере несмотря на то, что само слово «всегда» носит оттенок «повторяемости», действию, происходящему регулярно, присущ законченный характер, что оправдывает употребление глагола СВ.

Следует подчеркнуть, что конструкция «мочь + инфинитив СВ» довольно часто указывает на потенциальную возможность действия, носящего результативный характер. Например:

1) *Дорогие родители, следите за своими словами! Некрасивые слова **могут испортить** ваших детей;*
2) *В общении с носителями русского языка вы **можете научиться** говорить свободно и чисто.*

В данных двух примерах модальные глаголы настоящего времени «могут» и «можете» выражают действия, совершение которых не привязано к настоящему моменту речи: в определенных ситуациях возможность возникновения действий существует в момент речи и может продолжаться в будущем. Инфинитивы «испортить» и «научиться» дают представление о результативности действий, что соответствует основному значению глаголов СВ.

В некоторых случаях конструкция «мочь + инф.» контекстуально обусловлена, в определенных речевых ситуациях она может использоваться и для выражения разрешения совершить действия, и для выражения субъективных мнений говорящих. Например:

1) *Тема вашей дипломной работы уже утверждена на кафедре. При желании вы **можете начать** работать сейчас;*
2) *Я же его прекрасно знаю. Он **может** все **делать** только хуже и хуже.*

В первом примере выражено разрешение на действие. Во втором примере говорящий с помощью модального глагола «может» сообщает о способности субъекта к действию.

Отметим еще особенность в употреблении модального глагола «мочь»: сочетание «мочь» с инфинитивом НСВ может быть использовано для выражения возможности приступа к действиям. Например:

1) *В микрофоне лист шуршит бумажный,*
*Все готово, — можем **начинать**... (Балеринка);*
2) *Все собрались. Теперь можем **отправляться** на экскурсию.*

Здесь конструкция «мочь + инфинитив НСВ» коррелирует с конструкцией «пора + инфинитив НСВ» в значении побуждения к действиям: «*Пора начинать*»; «*Пора отправляться на экскурсию*».

В некоторых типичных коммуникативных ситуациях конструкция «мочь + СВ» выражает опасение или предостережение говорящих. Об этом читаем в работе К. А. Соколовской: «Опасение, что может совершиться нежелательное действие, и предостережение от совершения нежелательного действия выражаются словами **мочь** в сочетании с инфинитивом совершенного вида. — *Зина, ты забыла шарф. Можешь **простудиться***» [5: 174]. В этом смысле А. А. Караванов дает еще более детальное объяснение, считая, что данная конструкция может быть трансформирована в сочетание отрицательной частицы *не* с *императивом СВ*: «Например, предложение ***Вы можете заблудиться (СВ) в незнакомом городе*** выражает, конечно, не разрешение заблудиться, а предостережение, которое говорящий адресует своему собеседнику. Поэтому выражение *Вы можете заблудиться* здесь может быть трансформировано в сочетание отрицательной частицы *не* с императивом СВ: ***Вы можете заблудиться — Не заблудитесь!*** Точно так же предложение *Не ешь так жадно,* ***ты можешь подавиться (СВ)!*** выражает, конечно же, не разрешение подавиться, а предостережение: ***Ты можешь подавиться — Смотри не подавись!***» [1: 134].

1.2. Модальный глагол «смочь» в будущем времени

Если форма настоящего времени модального глагола «мочь» употребляется для выражения возможности, имеющей место в настоящем,

то форма будущего времени модального глагола «смочь» используется для выражения возможности, которая появится в будущем. Например:

1) *Граждане смогут* ***представлять*** *в суды документы посредством электронной почты. (городской-суд. РФ. 18.12.2016);*

2) *А вдруг я не смогу вам* ***дать***
Свою любовь взамен?
(Мегги Де Брикассар в соавторстве с И. Романцовым).

Очевидно, что в данных двух примерах модальные слова «смогут» и «смогу» показывают возможность будущих действий. В первом примере после модального глагола употребляется инфинитив НСВ, т. к. речь идет о регулярности будущих действий или об обобщенном факте действий, которые будут иметь места в будущем. Во втором примере инфинитив СВ дает понятие о результативности будущего действия.

1.3. Употребление модальных глаголов «мочь» и «смочь» в настоящем и будущем времени при отрицании

Конструкция «кто/что не может + инф» и «кто/что + не сможет+ инф» не составляет особого труда для понимания учащихся. Например:

1) *Я* ***не могу*** *все время* ***повторять*** *одно и то же.*
Я ***не могу выполнить*** *эту трудную работу в срок;*
2) *Если мы не будем прилагать усилия к делу, то* ***не сможем двигаться*** *дальше.*
К сожалению, завтра мы ***не сможем прийти*** *на консультацию.*

В первой группе предложений невозможность действий имеет место в настоящем времени, инфинитив НСВ и СВ представляет повторяемость и результативность действий. Модальные слова в сочетании с отрицательной частицей «не» в предложениях второй группы передают значение невозможности осуществления действий в будущем. «Не сможем» с инфинитивом НСВ «двигаться» обозначает постоянную невозможность будущего действия, а с инфинитивом СВ «прийти», который имеет перфектное значение, выражает невозможность совершения будущего действия.

2. Модальные глаголы «мочь» и «смочь» при выражении прошедшего времени

2.1. Употребление видов инфинитива в сочетании с модальными глаголами «мочь» и «смочь» в прошедшем времени

Основные правила употребления видов инфинитива после модальных слов «мочь» и «смочь» в прошедшем времени также соответствуют нормам употребления их после модальных слов «мочь» и «смочь» в настоящем и будущем времени, т. к. основные значения видов глаголов всегда остаются неизменными. Например:

1) *В юности он любил историко-приключенческие романы.* ***Мог*** *целыми днями / в свободное от занятий время* ***читать*** *только их.*
В юности он любил историко-приключенческие романы. ***Мог прочитать*** *каждый роман довольно быстро за короткое время;*

2) *В 1953 году М. М. Зощенко* ***смог*** *вновь* ***издавать*** *свои книги.*
Роман Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» ***смог выйти*** *в свет только в 1988 году.*

В первой группе предложений модальный глагол НСВ прошедшего времени «мог» показывает способность субъекта осуществить действия в течение определенного времени. Инфинитив НСВ «читать» дает представление о продолжительности/регулярности действий, а инфинитив СВ «прочитать» — законченности действий. Во второй группе предложений модальный глагол СВ в прошедшем времени «смог» выражает «осуществленность возможностей». Инфинитив НСВ «издавать» акцентирует внимание на действиях, которые происходят регулярно в рамках «осуществленной возможности»; инфинитив СВ «выйти» говорит о результативности действия. Иными словами, действию удалось произойти в плане «осуществленной возможности».

С точки зрения основных значений стоит отметить, что иногда тонкость модального глагола НСВ «мочь» в прошедшем времени проявляется тогда, когда речь идет о том, что возможность субъекта к действию была, но ее осуществленность остается неизвестна. Это находит отражение в работе Н. М. Лариохиной, анализирующей

прошедшее время глагола «мочь» посредством сопоставления с прошедшим временем глагола «смочь»: «В прошедшем времени глагол смочь обозначает, что возможность реализована, осуществилась; глагол мочь сообщает только о наличии возможности. Сравните:

> *Я **мог поехать** в Ярославль в воскресенье. — неизвестно, поехал ли. — Я хотел поехать в Ярославль в субботу, но **смог** только в воскресенье. — говорящий побыл в Ярославле*» [3: 149].

2.2. Употребление модальных глаголов «мочь» и «смочь» в прошедшем времени при отрицании

Отрицательные формы модальных глаголов «мочь» и «смочь» в прошедшем времени требуют особого внимания учащихся, т. к. они сочетаются также с инфинитивом обоих видов. Обратимся к примерам:

1) *Соня долго молчала, как бы **не могла отвечать** (Ф. М. Достоевский).*
   *Извините! Я целый день работал в библиотеке. **Не мог ответить** на звонок;*
2) *Мы **не смогли видеться** друг с другом даже по выходным.*
   *Жаль, что из-за метели мы с ней вчера **не смогли увидеться**.*

В первой группе предложений модальные глаголы НСВ в прошедшем времени с отрицательной частицей «не» дают представление о продолжительности «невозможностей» субъектов в прошлом, т. е. «невозможности» субъектов существовали в течение значительного времени. Оттенки значений инфинитива НСВ и СВ здесь проявляются в том, что «отвечать» выражает протяженность во времени, а «ответить» — однократность и результативность действия. Если глагол «смочь» в прошедшем времени сообщает о реализации возможностей субъекта, то в отрицательной форме он передает невозможность осуществления действий. Таким образом, «не смогли» во второй группе предложений дает информацию о том, что возможности субъектов не осуществлены, что и ассоциируется с основным значением глаголов СВ — результативностью действий. Инфинитив НСВ «видеться» в данном случае со словосочетанием «по выходным» обращает внимание на регулярность действия, а инфинитив СВ «увидеться» — на однократное действие.: «*Возможность регулярных встреч не осуществилась*», «*Возможность вчерашней встречи не осуществилась*».

2.3. Сослагательное наклонение модальных глаголов «мочь» и «смочь»

Модальные глаголы «мочь» и «смочь» в сослагательном наклонении «мог(-ла, -ло, -ли) бы», «не смог(-ла, -ло, -ли), «смог(-ла, -ло, -ли) бы», могут сочетаться с инфинитивами обоих видов. В «Книге о грамматике» специально выделяется конструкция «мог(-ла, -ло, -ли) бы» как предмет исследования: «В раде случаев формы сослагательного наклонения **(мог бы)** употребляются для того, чтобы подчеркнуть ирреально-потенциальный характер возможности. Ср.:

> *Не отрывая от нее глаз, муж сделал несколько шагов и почти закричал отрывисто, резко: «Лермонтов убит наповал!» **Мог бы** раздаваться ответный женский крик — Варенька не произнесла ни слова. **Мог бы** упасть на пол гребень, который был у нее в руке, — Варенька аккуратно положила его на туалет. **Могло бы** покрыться мертвенной бледностью ее лицо — ничего подобного не случилось. **Могли бы**, наконец, хлынуть из глаз уличающие слезы — ясные глаза ее оставались совершенно сухи (А. Новиков)*» [2: 503].

Следует отметить, что в разговорной речи часто встречаются вопросительные конструкции **«Вы не могли бы + инф.», «Вы не смогли бы +инф.»**:

> *Вы не **могли** бы мне помочь с переводом текста на китайский язык? Вы не **смогли** бы мне вернуть словарь сейчас?*

В подобных отрицательных несобственно вопросительных конструкциях «Вы не могли бы + инф.», «Вы не смогли бы +инф.» выражается значение смягченной вежливой просьбы. Стоит уделить внимание тому, что слово «могли» направляет внимание на наличие возможности, иными словами, говорящий с помощью конструкции «Не могли бы» пытается узнать, есть ли у объекта общения возможность оказать помощь, что и ассоциируется с обобщенно-фактическим зна-

чением глагола НСВ. Конструкция «Вы не смогли бы» употребляется в обстоятельствах, когда говорящий заинтересован в осуществимости возможности нужного действия. Выбор видов инфинитива в данных двух конструкциях не ограничен, он зависит в большей степени от интенции говорящих. Рассмотрим примеры вопросов со словами-конкретизаторами:

*1) Вы не **могли бы** мне постоянно **помогать** с переводом текстов на китайский язык?*
*Вы не **могли бы** мне **помочь** только один раз с переводом текста на китайский язык?;*

*2) Вы не **смогли бы** всегда **возвращать** мне словарь вовремя после его пользования?*
*Вы не **смогли бы** мне **вернуть** словарь прямо сейчас?*

3. Употребление отрицательной частицы «не» после модального глагола

Значительную трудность в выборе видов инфинитива вызывает у учащихся конструкция **«мочь не + инф.»**. Предлагаем следующие объяснения.

Если речь идет о ненужности совершать действия или о разрешении на невыполнение действий, то используется конструкция **«мочь не + глагол НСВ»**:

*Вы **можете** даже **не приходить** на экзамен, потому что за отличную аудиторную работу и стопроцентную посещаемость занятий в течение семестра вы получите экзамен автоматом.*

Если речь идет о невозможности совершать действия, то используется конструкция **«мочь не + глагол СВ»**:

*Она обычно не заказывает товары через интернет-магазины, потому что боится, что заказы **могут не прийти**.*

4. Употребление двойного отрицания в сочетании с модальным глаголом

Нельзя обходить вниманием конструкции с двойным отрицанием в виде **«не мочь не + инф.»**. Приведем следующие примеры:

1) ***Не могу не восхищаться,***
Не могу не говорить! *(Петр Сапунов);*

***Не могу не скучать**, если нет тебя рядом,*
Но опять от тебя без оглядки бегу.
И судьбу каждый раз проклинаю с досадой,
***Не могу не любить** и любить не могу (Алексей Тисленко);*

2) ***Не мог не сказать**... (Михаил Миронов)*
Не могу я не заметить
Белый снег и красок лета!
И восторг свой выражая,
Я поэтам подражаю (Лили Иванова).

Примечательно, что конструкция с двойным отрицанием сочетаются с инфинитивом обоих видов. Из примеров первой группы видно, что инфинитив НСВ в конструкции «не мочь не» во многих случаях показывает умение или способность субъекта. Конструкция «не мочь не + инф. НСВ» имеет синонимические конструкции «невозможно не + инф. НСВ» и «нельзя не + инф. НСВ»: ***«Невозможно не восхищаться, невозможно не говорить / Нельзя не восхищаться, нельзя не говорить»***, ***«Невозможно не скучать... Невозможно не любить / Нельзя не скучать... Нельзя не любить»***. Инфинитив СВ в примерах второй группы передает значение «однократности» или «результативности» действий. Конструкция «не мочь не + СВ», которая также может быть заменена конструкциями «невозможно не + инф. СВ» и «нельзя не + инф. СВ» (***«Невозможно не сказать / Нельзя не сказать», «Невозможно не заметить... / Нельзя не заметить...»***), по значению ближе к конструкции «следует + СВ». Конструкции «не мочь не + СВ», «нельзя не + СВ» и «следует + СВ» чаще употребляются в текстах научного стиля, основание чего можно найти в исследовании Н. М. Лариохиной: «Они используются в научном тексте типа рецензии, создавая связность текста (*нельзя не сказать — следует сказать; нельзя не отметить — следует отметить* и т. п.)» [4: 69].

Таким образом, в работе рассмотрены основные проблемы и трудности, возникающие у китайских учащихся в процессе изучения модальных глаголов «мочь» и «смочь». На основании проведенного анализа материала можно сказать, что особенности использования слов «мочь» и «смочь» при любых обстоятельствах вытекают из основных частных значений глаголов НСВ и СВ. Кроме этого в нередких случаях слова «мочь» и «смочь» контекстуально обуслов-

лены, так что в процессе обучения необходимо ориентировать учащихся на развитие умений и навыков употреблять модальные слова «мочь» и «смочь» в конкретных речевых ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Караванов А. А.* Виды русского глагола: знание и употребление. Практич. пособ. для иностранцев, изучающих русский язык. М., 2005.

2. Книга о грамматике. Для преподавателей русского языка как иностранного / Под ред. А. В. Величко. СПб., 2018.

3. *Лариохина Н. М.* Практический курс русского языка для иностранных учащихся. Продвинутый этап: Учеб. пособ. Ч. 1. М., 1997.

4. *Лариохина Н. М.* Практический курс русского языка для иностранных учащихся. Продвинутый этап: Учеб. пособ. Ч. 1. М., 1997.

5. *Соколовская К. А.* Виды глагола а русской речи: пособие по русскому языку как иностранному. М., 2008.

REFERENCES

1. Karavanov A. A. (2005) *Vidy russkogo glagola: znanie i upotreblenie. Prakticheskoe posobie dlia inostrantsev, izuchaiushchikh russkii iazyk [Types of Russian verb: knowledge and use. Practical guide for foreigners studying Russian]*. Moscow. (in Russian)

2. Velichko A.V. (2018) *Kniga o grammatike. Dlia prepodavatelei russkogo iazyka kak inostrannogo [Book about grammar. For teachers of Russian as a foreign language]*. St. Petersburg. (in Russian)

3. Lariohina N. M. (1997) *Prakticheskii kurs russkogo iazyka dlia inostrannykh uchashchikhsia. Prodvinutyi etap [Practical Russian language course for foreign students. Advanced stage]*, part 1. Moscow. (in Russian)

4. Lariohina N. M. (1997) *Prakticheskii kurs russkogo iazyka dlia inostrannykh uchashchikhsia. Prodvinutyi etap [Practical Russian language course for foreign students. Advanced stage]*, part 2. Moscow. (in Russian)

5. Sokolovskaja K. A. (2008) *Vidy glagola a russkoi rechi: posobie po russkomu iazyku kak inostrannomu [Types of the verb in Russian: a manual on the Russian language as a foreign language]*. Moscow. (in Russian)

[хроника]

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР — ВСЕОБЩЕЕ ДОСТОЯНИЕ.

О Восьмом онлайн-Фестивале дружбы в МГУ

(Продолжение на с. 99, 104, 116)

RUSSIAN FOLKLORE IS IN THE PUBLIC DOMAIN. ABOUT THE EIGHTH ONLINE FRIENDSHIP FESTIVAL AT LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

18 января 2019 года в Московском университете завершился Восьмой онлайн-Фестиваль дружбы «Фольклор как исповедь народа». Идея Фестиваля родилась восемь лет назад, в 2011 году, и принадлежала ректору Московского университета академику В. А. Садовничему. Участниками Фестиваля в этом году стали 248 студентов, аспирантов, магистрантов, стажеров 47 вузов и образовательных центров (39 российских и 8 зарубежных) из 52 стран мира.

Тема Фестиваля ежегодно меняется. На этот раз конкурс был посвящен русскому устному народному творчеству и национальному фольклору родных стран участников.

В ходе отборочного этапа в Оргкомитет пришло почти две с половиной сотни творческих работ. Их авторы — будущие врачи, инженеры, переводчики, журналисты, педагоги, юристы, экономисты, ученые, овладевающие специальностью в десятках российских университетов по всей стране, а также за рубежом (Иран, Китай, Белоруссия, Таджикистан, Казахстан). Все они изучают русский язык как иностранный либо неродной.

В сочинениях, присланных со всех концов России и из-за рубежа, множество взглядов на русский фольклор. Авторы работ вспоминают о том, как и когда входили в их жизнь русские сказки и песни. «Мне было три года (...) Запомнилась фраза: „жили-были...“ и горящие глаза брата и сестры, а я, ничего не понимая, слушала волшебный рассказ мамы. Когда мама заканчивала свой рассказ или чтение, я просила ее пересказать сказку на таджикском языке», — начинает свой рассказ Парвина Саидова из Филиала МГУ имени М. В. Ломоносова в Душанбе. «Русские народные песни могучие, великие и душевные. В них есть сила, они могут привлекать людей. Русские люди любят слушать душевную музыку, все, от мала до велика», — пишет Номиндарь Гансух (Монголия), студентка Нижегородского государственного университета, которая впервые услышала русскую народную музыку 10 лет назад и буквально влюбилась в неё.

Пишут участники Фестиваля и о фольклорных традициях своих родных стран: «Ангола — страна, где поют и танцуют непрерывно. Жители Анголы поют везде и повсюду, при любом событии, по любому поводу — на свадьбах, днях рождения и просто от избытка эмоций», — пишет Мануэль Антониу, который учится в Тимирязевской академии в Москве. «Жалость — это главное чувство, присутствующее в народных песнях моей страны. Очень часто отец или мать рассказывает своим детям о том, что жизнь всегда нелегкая, она полна горя и проблем, но семья должна вместе все выдержать и жить дальше. Это, например, песня „Енгонгол“, которая так и переводится, как „Жалость“. (...) Мне нравится колыбельная песня на французском, в которой говорится, что мамы нет дома, папы нет дома, поэтому не плачь, никто не придет», — так вводит нас в культуру своей страны Герти Надья Енгохан из Габона. Девушка учится в Саратовском государственном медицинском университете, хочет стать хирургом и травматологом.

Русским могут показаться диковинными трудности, возникшие у индонезийской девочки, когда надо было спеть песню своего племени в школе на уроке культуры. «В Индонезии очень много племен, и у всех есть свой язык и своя культура. Папа и мама из разных племен, у них языки разные. Но что мне делать? Какую песню мне можно спеть? Наконец, мой папа сказал, что есть одна народная песня, которая очень легко запоминается и петь ее нетрудно. Это песня называется „Си Патокаан“. Я помню, как он спел эту песню, но слова были не все правильные, потому что это была народная песня племени моей мамы», — это слова из сочинения Морин Лии Вероники Ардиана (Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону). Нам кажутся

Н. Палахан

DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12094

ЖУРНАЛ «СОВЕТСКИЙ СОЮЗ» КАК СПОСОБ ДИСТАНЦИОННОГО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ТАИЛАНДЕ ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

NATTANOP PALAHAN
THE MAGAZINE "THE SOVIET UNION" ("SOVETSKIY SOYUZ")
AS A MEANS OF DISTANCE LEARNING OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THAILAND DURING THE COLD WAR

Наттаноп Палахан

Аспирант кафедры истории журналистики института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»

Санкт-Петербургский государственный университет

Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

► St059427@student.spbu.ru

Nattanop Palahan

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

Научный руководитель:
д-р филол. наук, проф. Л. П. Громова

В статье рассматривается опыт дистанционного обучения русскому языку в Тайланде через тайскую версию журнала «Советский Союз», в котором была организована колонка «Изучайте русский язык самостоятельно», просуществовавшая с 1987 по 1989 год. Примечательно, что это был единственный доступный способ для тайцев выучить русский язык в период холодной войны.

Ключевые слова: журнал «Советский Союз»; русский язык как иностранный; «холодная война»; Таиланд.

The article discusses the experience of distance learning of the Russian language in Thailand through the Thai version of the magazine "The Soviet Union" ("Sovetskiy Soyuz"), in which the column "Learn Russian yourself" was present from 1987 to 1989. It is noteworthy that it was the only accessible way for Thais to learn the Russian language during the Cold War.

Keywords: "The Soviet Union" ("Sovetskiy Soyuz") magazine; Russian as a foreign language; Cold War; Thailand.

Тайская версия журнала «Советский Союз» была единственным советским периодическим изданием в Таиланде, где, вопреки официальной антикоммунистической пропаганде во время холодной войны, предпринимались попытки установления культурного диалога между народами. Журнал выходил с 1949 года, несмотря на проводимую правительством Таиланда враждебную политику к социалистическим и левым движениям. И поскольку журнал был доступной возможностью для тайскоговорящей аудитории познакомиться с жизнью и культурой советских людей, в редакцию приходили письма с пожеланиями узнавать больше о Советском Союзе и, в частности, с просьбой помочь в изучении русского языка, так как в ту пору иные возможности практически отсутствовали.

Исторически преподавание русского языка в Таиланде развивалось очень сложно, хотя тайцев впервые начали отправлять учиться в Россию уже с 1898 года, когда между Россией и Таиландом установились отношения на высшем уровне и сын короля Чулалонгкорна (короля

Рамы V) принц Чакрабонг отправился для военного обучения в пажеском корпусе Санкт-Петербурга. После долгого отсутствия постоянных взаимоотношений между Советским Союзом (Россией) и Таиландом (Сиамом) из-за Октябрьской социалистической революции и бурных политических изменений в обеих странах и на международной арене в первой половине XX века реализация программы обучения русскому языку как иностранному в Таиланде начиналась лишь в 1970-е гг. До этого русским языком владел очень ограниченный круг граждан Таиланда. Самые влиятельные из них: бывший заместитель статс-секретаря министерства промышленности Таиланда и сооснователь национальной нефтяной компании Таиланда (PTT) Полахан Праконг, изучивший русский язык в Московском университете, где он обучался с 1958 года; крупнейший тайский коммунистический деятель Пумисак Джит, знавший русский язык через самообучение. В период холодной войны в Таиланде обучение русскому языку велось только в двух вузах — на факультете свободных искусств университета Таммасат и на гуманитарном факультете университета им. короля Рамкамхэнга. Эти университеты находятся в столице страны Бангкоке. В то же время интерес к русскому языку был большим. Так, в университете Таммасат в год открытия программы в 1975 году на русский язык в качестве дисциплины по выбору записалось 120 студентов. При этом в университете работало лишь 2 преподавателя русского языка. В университете им. короля Рамкамхэнга была примерно такая же ситуация при открытии программы в 1976 году [3: 67–68]. Однако и в этих университетах программа открывалась только в качестве дисциплин по выбору и только в столице Таиланда Бангкоке, хотя спрос был значительно шире.

Из-за отсутствия свободного доступа к изучению русского языка возникла потребность в поиске других возможностей. Так возникла идея открыть новую колонку на страницах тайской версии журнала «Советский Союз», которая бы позволила гражданам Таиланда самостоятельно, с помощью журнала получить основы знания русского языка. Редакция объявила о своём проекте в ответ на письма читателей в январе 1987 года: «Идею о колонке изучения русского языка поддерживает много читателей. Мы серьезно думаем о публикации такой колонки. Важное препятствие в процессе самоизучения русского языка как иностранного — это правильное произношение. Некоторые звуки на русском языке невозможно произносить без живой практики. Грамматика тоже сложна. Попробуем выполнить Ваше требование» (Советский Союз. 1987. № 1. С. 12).

Благодаря заметному интересу к изучению русского языка в единственном в Таиланде советском периодическом издании — журнале «Советский Союз» — с 1987 года начала выходить колонка «Рианпхаса рассия дуай тон-энг» («Изучайте русский язык самостоятельно»). Колонка являлась хорошей возможностью изучения русского языка самостоятельно для тех, кто не попал в число студентов университетов, где такое обучение было организовано. Автором этой колонки была преподаватель русского языка на гуманитарном факультете университета им. короля Рамкамхэнга, выпусница Московского университета Тапаносот Патчарапи. Ее колонка выходила по октябрь 1989 года. Всего было подготовлено 28 публикаций. Все уроки распечатывались на 1 странице. Предлагалось 2 вида обучения: грамматика и разговорная речь (табл.).

В колонке пытались облегчать уроки, чтобы русский язык проще было понимать аудитории. В таблице отсутствуют многие важные сведения. Так, изучение падежей проводилось только в форме единственного числа, кроме именительного падежа. Только 3 падежа имеют отдельные уроки: именительный, винительный и предложный. Остальные падежи также представлены, но в составе других тем без объяснения.

Фрагмент урока 15 (*Тапаносот П.* Изучайте русский язык самостоятельно // Советский Союз. 1988. № 9. С. 30)

Добро пожаловать!
дับโร๋ ปาซ่าโลวัจ — ยินดีต้อนรับ
Я (мы) из... ยา (มีย) อีซ... — ฉัน (เรา) มาจาก...
Советского Союза ซาเว้ียตซกะวะ ซายู่ซ่า — สหภาพโซเวียต
Москвы มัสควือ — กรุงมอสควา
Таиланда ไตยล่านด์ะ — ประเทศไทย

Таблица. Содержание уроков в колонке «Изучайте русский язык самостоятельно»

Части	Содержание	Самоконтроль
Грамматика (уроки 1–14, 17–23)	Алфавиты и произношение по словам (уроки 1–5, 10)	Переписывание прописи (урок 2)
	Роды, числа и функции слов (уроки 6–9, 11)	Изменение чисел слов (урок 11) Произношение без транслитерации (уроки 6, 8)
	Формирование простого утвердительного предложения без глаголов (уроки 6–9)	Употребление местоимений (уроки 6, 7, 9)
	Глагол и формирование предложения с помощью глаголов (уроки 10, 18, 20–21)	Спряжение глаголов (урок 10)
	Формирование отрицательного и вопросительного предложения (урок 12)	—
	Имя прилагательное (урок 12)	Дополнение слов прилагательными (урок 12)
	Именительный и предложный падежи единственного числа (уроки 13–14)	Написание существительных в предложном падеже (урок 14)
	Винительный падеж единственного числа (урок 17)	—
	Винительный и предложный падежи, предназначенные для вопросов о местах (куда/где?) и временах (когда?) (уроки 18–23)	—
Разговор (уроки 15–16, 24–28)	Приветствие и представление себя (урок 15)	—
	В гостинице (урок 16)	—
	Обмен валюты (урок 16)	—
	Ремонт часов (урок 24)	—
	В магазине. Покупка продуктов (урок 25)	—
	В магазине. Покупка одежды, цветов и табака (урок 26)	—
	В магазине. Покупка изданий учебников и канцтоваров (урок 27)	—
	В магазине. Покупка парфюмерии (урок 28)	—

Сколько Вам лет? ซะโก๋ลโก่ะ วัม เลียต —
คุณอายุเท่าไหร่
Рад(-а) с Вами познакомиться
ร่าด(ด่ะ) ซ่ะ ว๋ามี ปัซน๋าโก๊มิจซ่ะ —
ยินดีรู้จักกับคุณ
Я (мы) впервые в вашей стране
ยา (มีย) วเปร๋วือเย เว่อะ ว๋าเชย์ ซตร๊าเนี่ย —
ฉัน (เรา) มาประเทศของท่านครั้งแรก
Мне... лет มเนีย...เลียต —
ฉันอายุ...ปี
(ในที่นี้คำว่า เลียต ใช้กับคนอายุที่เป็นช่วงห้าปีคือ 5, 10, 15, 20, 25, 30, ถ้าอายุ 4 ปีหรือ 12 ปีต้องพูดอีกอย่างหนึ่ง)

Здесь представлены предложения с дательным («Сколько Вам лет?» и «мне ... лет»), родительным («Я (мы) из ...») и творительным («Рад(-а) с Вами познакомиться») падежами. Но на всех уроках не даётся ни одного объяснения об употреблении этих падежей с отведёнными им отдельными уроками. Предложения с такими падежами представляются только для запоминания для использования в разговорах. Произношение русского языка транслитерировалось на тайское звучание, а не на фонетический алфавит. В состав каждого урока входили русские слова/предложения, нормы произношения с объяснением на тайском языке, иногда включалась работа по самоконтролю.

Фрагмент урока 10 (*Тапаносот П.* Изучайте русский язык самостоятельно // Советский Союз. 1988. № 4. С. 10)

...คำว่า чита́ть ชีตัจ — อ่าน เมื่อตัด –ть ออกก็จะเหลือราก ศัพท์ чита

	ประธาน		ตัวลงท้าย	
(เอกพจน์)	Я	читаю	ю	ยา ชิตายุ
	Ты	читаешь	ешь	ตี ชิตาเยช
	Он/она	читает	ет	อน. อน่า ชิตาเย่ท
(พหูพจน์)	Мы	читаем	ем	มี ชิตาเยม
	Вы	читаете	ете	วี ชิตาเย่ทเจ่ะ
	Они	читают	ют	อนี่ ชิตายู่ท

นี่เป็นการกริยาในรูปปัจจุบันกาล настоящее время глагола

ตัวอย่างเช่น Я читаю книгу ฉันอ่านหนังสือ
ลองผันกริยาเหล่านี้ตามกฎข้างต้น гуля́ть, слу́шать, рабо́тать

гуля́ть — เดินเล่น
слу́шать — ฟัง
рабо́тать — ทำงาน

ลองทำแบบฝึกหัด ในประโยคที่ใช้ชื่อคนเป็นประธานแสดงว่าประธานนั้นเป็นบุรุษที่ 3 เอกพจน์หรือพหูพจน์
กระจายกริยาตามประธาน

У́тром я за́втрака... . Я чита́... газе́ту и слу́ша... ра́дио.

Ты обе́да... дома. Там ты отдыха́... и чита́... журна́л. Сейча́с мы у́жина..., слу́ша... му́зыку и отдыха́... . Вы рабо́та... в институ́те. Ве́чером они́ гуля́... в па́рке. А что вы де́ла... ве́чером?

Я чита́... газе́ту, он то́же чита́... газе́ту. Мы сейча́с не рабо́та..., ты то́же сейча́с не рабо́та... . Вы слу́ша... ра́дио, они то́же слу́ша... ра́дио. Макси́м гуля́... в па́рке, Ни́на то́же гуля́... в па́рке.

กริยาในแบบฝึกหัด

за́втракать — ทานอาหารเช้า
отдыха́ть — พักผ่อน
у́жинать — ทานอาหารกลางวัน
де́лать — ทำ

В данном случае проставлено ударение почти во всех словах. Обычно транслитерация употребляется на разных уроках, но по сравнению с первым рассмотренным фрагментом урока мы обнаружили, что ударение в словах добавляют только в содержании без транслитерации на тайское произношение. Самоконтроль появлялся только в грамматической части. В разговорной речи давались образцы ситуаций и норма произношения на тайском языке. Лексический запас в работах по самоконтролю и разговору был ограничен рамками материалов колонки, так как других текстов на русском языке у аудитории, как правило, не было. Лексический запас в упражнении второго фрагмента ограничен рамками введенных на уроках слов.

Темы подбирались для разговора в гостинице, в дороге, в пункте обмена валют, в магазине для покупки продуктов, книг и газет, табака, одежды, цветов и парфюмерии. Не обнаруживается ни одного примера политического содержания ни на одном уроке. Тенденция избегать политических текстов в условиях холодной войны была вполне объяснимой для педагогов русского языка в Таиланде, когда в стране проводилась антикоммунистическая политика и русский язык считался «языком враждебной коммунистической идеологии» [1: 346]. Во время холодной войны среди программ, предлагавших студентам русский язык, расширение программы вне изучения языкознания не могло быть разрешено, так как, по словам соосновательницы программы русско-

го языка в университете Таммасат доц. Лерсрит Иодбун, знакомство с другими дисциплинами (история России или русская литература) «...неизбежно было бы связано с Великой социалистической революцией, поэтому с 1975 г. по 1992 г. ей посоветовали преподавать только языкознание». Кроме того, многие интересующиеся русской культурой не могли открыто выбирать русский язык по идеологическим причинам, из-за «боязни коммунизма» [3: 67–68].

Колонка «Рианпхаса рассия дуай тон-энг», на самом деле, является первой попыткой проводить дистанционное обучение русскому языку в Таиланде, хотя журнал и не является оптимальным инструментом для дистанционного обучения, требующего собственных методик и двухстороннего общения. Подобная форма обучения в Таиланде началась в 1978 году, когда был создан открытый университет им. короля Сухотая Тамматирата, где обучение полностью проводилось дистанционно, без занятий по расписанию и присутствия студентов в университете. В этом университете обучение проводится только по почте с помощью учебников и кассет. Явка на заключительный экзамен всё-таки нужна, но ежесеместровый экзамен проводится дистанционно по образовательным центрам во всех провинциях страны [2: 37–38].

В сравнении с этими методиками у колонки «Рианпхаса рассия дуай тон-энг» еще отсутствовали конкретные формы контроля и двухсторонних связей между автором и обучающимися, хотя автору пришлось решать ряд проблем, чтобы колонка была доступной и легкой для самообучения. Для того чтобы обучающиеся могли закреплять знания по русскому языку, им предлагался самоконтроль по урокам и переписка с редакцией в случае возникновения проблем.

Одно из писем читателей, которое получила редакция, содержало просьбу объяснить транслитерацию «х» (/х/) на тайский звук. Поскольку звука /х/ нет в тайском языке, то буква «х» транслитерировалась на тайский звук «ค» (/kʰ/), или иногда «ฮ» (/h/). На 1-м уроке, как указывалось в письме, было написано, что букву «х» можно транслитерировать и на тайский звук «ค» (/kʰ/), и на звук «ฮ» (/h/). Редакция ответила читателю, что «русский алфавит, особенно гласные звуки, иногда не могут транслитерироваться на английский, но есть аналогичные на тайском языке, например: фамилия премьер-министра Советского Союза „Ryzhkov“ по тайским газетам транслитерирована на „**ริชคอฟ**“ (/rîtkʰɔ́ːp/), так как тайский звук „**อิ**“ (/i/) в фамилии „Рыжков“ транслитерирован с английской буквы „y“, употребленной в качестве аналога звука „ы“ (/ɨ/) на русском. Но звук „ы“ ближе тайским гласным „**อึ**“ (/ɯ/) <...>, поэтому на тайском лучше написать „**รึชคอฟ**“ (/rɯ́tkʰɔ́ːp/). В фамилии „Bukharin“ по Вашему вопросу звук „kh“ — это английская транслитерация буквы „х“ на русском, которая находится между звуками „ฮ“ (/h/) и „ค“ (/kʰ/), но [по мнению редакции] буква „х“ ближе звуку „ฮ“ в тайском языке...» (Советский Союз. 1990. № 3. С. 13; все фонетические алфавиты написаны автором. — *Н. П.*).

Кроме этой развернутой переписки в марте 1990 года других аналогичных случаев консультирования читателей, связанных с трудностями изучения русского языка по колонке «Рианпхаса рассия дуай тон-энг», в публикациях журнала не появлялось. Колонка продолжала публиковать материалы в заданном формате по октябрь 1989 года, после чего редакция предложила читателям самим определить дальнейший уровень обучения (Советский Союз. 1990. № 2. С. 39). Однако реализовать новый проект не удалось, так как к концу 1990 года деятельность журнала была прекращена. Ещё до закрытия журнала редакция стремилась предпринять дополнительные меры для популяризации русского языка. Объясняя читателям, что «русский язык преподают лишь в университете Таммасат и университете им. короля Рамкамхэнга» и что в Таиланде существуют только очные программы обучения, редакция предлагала желающим «найти в крупнейших книжных магазинах кассеты на английском языке, по которым можете изучать русский» (Советский Союз. 1990. № 5. С. 37).

После закрытия журнала «Советский Союз» (в тайской версии) дальнейший план реализации проектов изучения русского языка как иностранного в Тайланде не мог быть продолжен,

но новая возможность возродить изучение русского языка появилась, когда в 1993 году в университете Таммасат и в 2003 году в университете им. короля Рамкамхэнга открылись программы бакалавриата по изучению русского языка. Также в 2003 году на внебюджетной основе в университете Таммасат открылась другая междисциплинарная программа по изучению России (Russian Studies Program), которую разработали и обеспечивают преподаватели разных факультетов. В главном вузе Таиланда — университете им. короля Чулалонгкорна — программа русского языка в качестве дисциплины по выбору открылась в 2004 году. В других вузах (в Пхукетском филиале университета им. принца Сонгкланакарина, в университете Рангсит, в находящемся рядом с г. Паттайя университете Бурапа) также открылись программы по русскому языку в качестве дисциплины по выбору в 2010-х гг.

Таким образом, в настоящее время запрос общества Таиланда на изучение русского языка в контексте развивающихся культурных и экономических связей между двумя странами кажется вполне удовлетворённым и демонстрирует различные возможности и разнообразие применяемых методик. Но, несомненно, тот ранний, первоначальный опыт изучения русского языка, который был предложен тайскому читателю журналом «Советский Союз» в условиях холодной войны, способствовал установлению диалога и оказался полезным как в привлечении внимания к русскому языку, так и в выработке методик по его изучению.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жилина О. А.* Особенности подготовки студентов университета Таммасат к тестированию по РКИ в условиях не языковой среды // Междунар. региональная конф. «Русский язык в странах Юго-восточной Азии» — Ханой, Вьетнам, 15–16 дек. 2016 г. Матер. конф. Ханой, 2016. С. 345–356.

2. *Сриса-ан В.* Прачая лэ паттанакан конг кансыксатангклай [Философия и развитие дистанционного обучения] // Эккасанкансон чудвича кансыксатангклай нуайти 1–7: Учеб. пособ. по дистанционному обучению. Урок 1–7. Бангкок, 1991. С. 1–39.

3. *Фирамонтри Р.* Джак рассия тынг рассиясыкса: квампенма лэ квамджампен [От программы по русскому языку до программы по изучению России: история и необходимость] // Варасан Синлапрасат Махавиттаялай Таммасат [Журн. свободных искусств ун-та Таммасат]. 2003. № 3 (2) С. 66–84.

REFERENCES

1. Zhilina O. A. (2016) Osobennosti podgotovki studentov universiteta Tammasat k testirovaniiu po RKI v usloviiakh ne iazykovoi sredy [Features of Tammasat University students' preparation to the test of Russian as a foreign language in the condition of non-native language environment in Thailand]. Proceedings of the International conference "*Russkii iazyk v stranakh Iugo-vostochnoi Azii" [Russian language in South-East Asian countries]*. (Vietnam, Hanoi, 15–16.12.2016) (ed. by N. A. Kutyreva), pp. 345–356. (in Russian)

2. Srisa-an W. (1991) Prachaya lae patthanakan khong kansueksathangkrai [Philosophy and development of distance education]. In: *Ekkasankanson Chudwicha Kansueksathangklai Nuaithi 1–7 [Textbook on distance education course, unit 1–7]*. Bangkok, pp. 1–39. (in Thai)

3. Phiramontri R. (2003) Jak Rassiya tueng Rassiyasueksa: Kwampenma lae kwamjampen [From Russian language program to Russian studies program: history and necessity]. *Warasarn Silaprasart Mahawitthayalai Thammasat [Journal of Liberal Arts of Thammasat University]*. №.3 (2). pp. 66–84. (in Thai)

[хроника]

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР — ВСЕОБЩЕЕ ДОСТОЯНИЕ...

(Начало на с. 93. Продолжение на с. 104, 116)

удивительными и даже страшными африканские и малазийские сказки в пересказах участников Фестиваля, а вот их ничуть не меньше удивляют и озадачивают сюжеты и персонажи русского фольклора. «Многие сказки начинались со слов: „В тридевятом царстве, в тридесятом государстве...“ Эти слова придавали загадочность сказке с самого начала, так как оставалось тайной, где же это царство, и читатель мог сам представить, где оно и как оно обустроено» (Адай Амантай, Казахстан, Карагандинский государственный технический университет). «В Бабе-Яге удивляет почти все. Не только китайцев, но и самих русских» (Миербань Умэньэрбаньати, КНР, Новосибирский государственный педагогический университет). Неожиданный взгляд на образ русского Емели предлагает Чжан Хуэй (КНР) из Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского: «Конфуций считал, что человек должен соблюдать следующие правила: быть добрым и не беспокоиться, знать и не сомневаться, оставаться смелым и не бояться. В сказке „По щучьему велению“ Емеля соответствует им в полной мере, а всё происходящее с ним воплощает конфуцианскую истину: „Благородный в душе безмятежен“».

Встречаются у разных народов совершенно сходные сказки, но, как проницательно замечает одна из участниц Фестиваля, есть туркменский колобок, и его надо выпекать в тандыре, а есть русский колобок, и его выпекают в русской печи.

Заключительный этап Фестиваля — парад-презентация в режиме онлайн. На связи с МГУ — 26 университетов из 23 городов. В студии МГУ присутствовали приглашенные финалисты из московских вузов — Тимирязевской академии (РГАУ — МСХА), из Института русского языка и культуры Московского университета со своими преподавателями. Приехали финалисты из Калужского государственного университета и из Высшей школы экономики в Нижнем Новгороде.

Украшением праздника в этом году стали остроумные и весёлые ведущие — президент Ассоциации иностранных выпускников, живущих и работающих в России, экс-посол

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ «РУССКАЯ ГРАММАТИКА: АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ»

(Ярославль, 17–19 мая 2019 г.)

INTERNATIONAL SCHOLARLY SYMPOSIUM "RUSSIAN GRAMMAR: ACTIVE PROCESSES IN LANGUAGE AND SPEECH" (YAROSLAVL, MAY 17–19, 2019)

На симпозиум в Ярославль съехались исследователи и преподаватели русского языка из России и восьми зарубежных стран — Германии, Финляндии, Польши, Франции, Сербии, Латвии, Литвы, Казахстана. Как отметил сопредседатель организационного комитета симпозиума ректор Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор педагогических наук М. В. Груздев, «симпозиумы по русской грамматике, которые проводятся ежегодно с 2016 года, дают возможность грамматистам двигаться вместе к созданию новой академической грамматики русского языка, учитывая достижения и открытия последнего времени».

Симпозиум в Ярославском государственном педагогическом университете им. К. Д. Ушинского принял эстафету у международного симпозиума «Русская грамматика 4.0» (Москва, Институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2016), международной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (Москва, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2016), международной конференции «Русская грамматика: описание, преподавание, тестирование» (Хельсинский университет, 2017), международного симпозиума «Русская грамматика: структурная организация языка и процессы языкового функционирования» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2018) и в этом году был поддержан Российским фондом фундаментальных исследований (проект № 19-012-20054).

Соучредителями симпозиума выступили Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы «МАПРЯЛ», Российское общество преподавателей русского языка и литературы «РОПРЯЛ», Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН и Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина.

Открытие симпозиума состоялось 17 мая 2019 года в конференц-зале гостиницы «Ринг Премьер Отель». Работа секций проходила 18 мая 2019 года на историческом факультете ЯГПУ. 17 мая 2019 года в рамках научно-просветительского проекта Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского «Русский логос» работал круглый стол «Грамматика в школьной и вузовской практике преподавания русского языка: проблемы и перспективы», в котором приняли участие преподаватели вузов РФ и учителя школ Ярославской области, а участники симпозиума профессора А. Мустайоки и Е. В. Рахилина были привлечены к записи программы «К нам приехал» на радио «Эхо Москвы-Ярославль», посвященной развитию современного русского разговорного языка. Профессор Арто Мустайоки 18 мая 2019 года прочитал открытую лекцию «Причины и последствия коммуникативных неудач» для студентов факультета русской филологии и культуры. В рамках экскурсионной программы 19 мая 2019 года участники симпозиума посетили Ростовский кремль. Вся информация по подготовке и проведению научного форума нашла отражение на сайте симпозиума: https://rusgram.yspu.org.

Как отметил профессор А. Л. Шарандин, «прошедший на базе Ярославского государственного педагогического университета Международный научный симпозиум «Русская грамматика: активные процессы в языке и речи» — это, думается, значимый этап научного осмысления актуальных грамматических проблем в связи с переходом от системоцентрического изучения языка к антропоцентрическому».

В докладах на пленарном заседании обсуждались концептуальные проблемы, значимые как в теоретическом, так и практическом отношении. Обобщение накопленного в отечественной лингвистике опыта традиционного системоцентрического описания языка с проекцией на антропоцентрическую систему координат в проблемном ключе было представлено в докладе акад. Виталия Григорьевича Костомарова (Москва, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина) «„Русский язык. Грамматическое учение о слове В. В. Виноградова“ и академические грамматики XX века». Доклады на секционных заседаниях были наполнены богатым и интересным исследовательским материалом, который свидетельствовал о необходимости обобщения и включения противоречивой современной языковой практики в осмысление активных процессов в языке и речи и их систематизации. Ценным стало осознание в результате обсуждений вариантов синтеза знаний, полученных в результате многоаспектного описания русской грамматики*.

Обобщая выступления коллег, можно условно выделить несколько направлений.

Прежде всего, выступавших интересовала роль русского языка во всех видах речевой деятельно-

Симпозиум проведен при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-012-20054

сти — на письме, при чтении, слушании, говорении. Начало дискуссий в этом направлении положила проф. Е. Г. Борисова (Москва, Московский городской педагогический университет) в своем докладе на тему «Экспликация (выявление импликатур) в грамматике слушающего». Обсуждение продолжилось на секционных заседаниях, в частности в докладе З. Ю. Петровой и О. И. Северской (Москва, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН) «Грамматика образов „говорения“: валентности метафорических предикатов речи в русской поэзии (опыт корпусного исследования)», в докладе Е. Н. Зариной (Ярославль, Академия МУБиНТ) на тему «Трансформация речевого жанра сентенции в постах социальных сетей (на примере социальной сети Facebook)».

Докладчики говорили о роли языка как «пилотирующей структуры» (Ю. М. Лотман), когда именно язык берет на себя роль «навигатора» и помогает участникам общения ориентироваться в их взаимодействии, а языковые единицы ценны исключительно с точки зрения их значимости в системе навигации и тех функций, в соответствии с которыми ими пользуются слушающие и читающие (проблемы восприятия), чтобы сориентироваться в содержании и движении речевой интенции говорящего и пишущего (проблемы порождения).

Заметим, что комплексное видение этих проблем было представлено в свое время чилийскими биологами и философами У. Матурана и Ф. Варела, которые пришли к заключению о том, что *язык коннотативен*, т. е. выполняет функцию ориентации ориентируемого в его когнитивной области, и «никакой передачи информации через язык не происходит. Выбор того, куда ориентировать свою когнитивную область, совершается самим ориентируемым в результате независимой внутренней операции над собственным состоянием» [1: 119]. Иначе: «Язык не передает информации, а его функциональная роль заключается в создании кооперативной области взаимодействий между говорящими путем выработки общей системы отсчета» [Там же: 140].

Концептуальное развитие этих проблем представил профессор С. Т. Золян (Ереван, Институт философии, Национальная академия наук Армении; Балтийский федеральный университет им. Канта) в своем докладе на пленарном заседании «О принципах и семантико-синтаксических механизмах смыслообразования». Дидактически значимые наблюдения над проблемой движения, интерпретации и репрезентации смысла изложили Л. А. Ильина и А. М. Султанова (Москва, Российский университет дружбы народов) в докладе «Грамматика „смыслов“ русской научной речи в обучении иностранных учащихся-нефилологов» в рамках заседания секции «Роль русской грамматики в процессе формирования первичной и вторичной языковой личности в процессе преподавания русского языка»

В отношении общей проблемы «движения» смысла на примере прецедентных феноменов многие исследователи отметили актуальность изучения «этимологии» прецедента, выявления и исследования уровней, или слоев прецедентности, когда, например, современный носитель языка не знает или уже не «опознает» прецедент первого уровня, или первичный прецедент (как правило, прецедентный текст или имя из литературного или кинематографического произведения), а реагирует на явления более близких ему по временной оси уровней — вторичные и третичные прецеденты (прецедентные тексты на материале комиксов, компьютерных игр и демотиваторов). Богатый языковой материал использовали для анализа подобных явлений Н. Н. Василькова (Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова) в своем докладе «Использование единиц экспрессивного синтаксиса в медиатексте» и М. А. Дрога (Белгород, Белгородский государственный национальный исследовательский университет) в докладе «Прецедентность в заголовках газетных статей» на секции «Русистика и актуальные вопросы медиалингвистики».

Еще один аспект, интересовавший лингвистов и преподавателей русского язык (как родного, неродного и иностранного), был связан с влиянием сферы общения (межкультурная, межличностная, массовая и другие виды коммуникации) на систему языковых средств, процессы порождения и восприятия языкового произведения и степенью дискурсивной обусловленности порождения, восприятия и интерпретации сообщений.

Проф. И. Г. Милославский (Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова) проблематизировал складывающуюся в современной грамматике ситуацию, введя в проблемное поле помимо собственно лингвистических и методологических факторов прагматические вопросы — пользователь и его потребности. Прагматический ракурс лингвистических исследований представили Т. С. Сулимова (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет) и П. С. Ухова (Бордо, университет Бордо-III, Франция) в докладе «Современные тенденции развития (квази)спонтанной студенческой коммуникации: прагмасинтаксический аспект».

Свои размышления о «новой» грамматике предложили на пленарном заседании проф. Е. Ф. Киров (Москва, Государственный институт русского язы-

ка им. А. С. Пушкина) и проф. К. А. Рогова (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет), отметившая двуаспектность дискурса по отношению к грамматике: возможность его включения в качестве самостоятельного уровня в языковую систему (что предлагает, например, А. А. Кибрик) с представлением его категорий и принципов анализа и, с другой стороны, извлечения в результате такого анализа сведений, способных конкретизировать данные о единицах практически всех языковых уровней указаниями на закрепление их функций в результате типологического дискурсивного использования. Доц. О. И. Глазунова (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет), проф. М. Я. Дымарский (Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Институт лингвистических исследований РАН), проф. А. В. Величко (Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова) представили новые подходы к интерпретации отдельных языковых явлений при их включении в грамматику.

Развитие лингвистической науки приводит к постоянному зарождению смежных лингвистических дисциплин, которые иногда автономизируются и даже становятся достаточно самостоятельными отраслями знания. О «Феноменологии грамматики или феноменологической грамматике» рассуждала З. Я. Карманова (Брянск, Брянский государственный университет).

Грамматическое состояние современного русского языка является производным от диахронических процессов, которые имеют тенденцию к развитию через точку настоящего состояния в будущее. О принципах разработки «чек-листа» для составителя грамматики в своем пленарном докладе размышлял вице-президент МАПРЯЛ проф. Арто Мустайоки (Хельсинки, Финляндия).

Во многом «ревизионный» характер, с точки зрения осмысления современности, освоения и интеграции накопленного мировой и отечественной лингвистикой опыта, носили наблюдения участников, которые предлагали в свете полученных знаний вернуться к уже известным теоретическим конструктам («грамматика говорящего», «грамматика слушающего»).

В трудах акад. Ю. Д. Апресяна, проф. Г. А. Золотовой и др. исследователей зародилось грамматическое направление, учитывающее в лексическом значении слова грамматические валентности, приводящие к неслучайному процессу образования словосочетания и предложения. Имеющее большие перспективы развития, данное направление, начатое проф. Ю. Н. Карауловым, с названием «лексическая грамматика» получило раскрытие и толкование в пленарном докладе профессора А. Л. Шарандина (Тамбов, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина). О диффузном характере описываемых процессов говорила Э. А. Китанина (Москва, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина) в докладе «Ассимиляция лексических и грамматических заимствований в устной речи горожан».

Особо были отмечены различные аспекты процесса грамматикализации в докладах Е. Н. Виноградовой (Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова) и Ахти Никунласси (Хельсинки, Институт современных языков, Финляндия).

В результате экстраполяции с фонологического уровня понятия позиции М. В. Панов в свое время обосновал позиционную морфологию русского языка. Отмечено, что проблемное поле в современной грамматике расширяется в направлении позиционного синтаксиса и позиционной лингвистики текста. В трудах группы лингвистов под рук. проф. А. Е. Кибрика и в настоящее время проф. А. В. Циммерлинга изучается процесс перехода (преобразования) морфем в слова и/или предложения, который получил название морфосинтаксиса. Исследовательский потенциал процессов ресемантизации и референции языковых феноменов на материале собственных наблюдений раскрыла Е. Н. Геккина (Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН). Активные процессы в морфологии и синтаксисе современного русского языка» рассматривались в докладах А. В. Циммерлинга и М. Л. Гордиевской (Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова).

Заинтересованно проходило обсуждение особенностей русского языка, обусловленных национальными (этническими) и средовыми факторами. Тон дискуссии задала доктор филологических наук, приват-доцент Владислава Вардиц (Германия, университет Потсдама) в своем пленарном докладе «Грамматика русского языка диаспоры: вариативность или языковой сдвиг». Результаты выполненных на разнообразном языковом материале персонологических исследований предложили Л. П. Мухаммад (Москва, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина / Российский университет дружбы народов) и Ж. К. Гапонова (Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.

Отдельное внимание обращает на себя сегодня сфера медиакоммуникаций, речевая практика которых радикально меняет современную языковую си-

туацию в стране и мире. С сообщением на эту тему выступила проф. Н. И. Клушина (Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова). Результаты исследования частных вопросов современной языковой ситуации на материале медиакоммуникации предложили Л. Н. Саакян и А. Г. Жукова (Москва, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина), С. Ф. Барышева (Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), Е. А. Жданова (Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского), Е. Н. Басовская (Москва, Российский государственный гуманитарный университет), А. А. Романов и Л. А. Романова (Тверь, Тверская государственная сельскохозяйственная академия), Л. В. Ухова (Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского) на заседании секции «Русистика и актуальные вопросы медиалингвистики».

Доклады показали, что языковые и речевые явления, формирующиеся в условиях экстраординарного развития массовой коммуникации, нуждаются в дальнейшем обсуждении и систематизации. Это, во-первых, языковые явления, отражающие богатство и разнообразие видов русской речи в условиях массовой коммуникации; во-вторых, лингвистические и коммуникативно-прагматические методы, используемые для анализа и описания актуальной речевой практики медиакоммуникаций в русскоязычном пространстве; в-третьих, активные процессы текстообразования (порождение, функционирование, восприятие) в массовой коммуникации; в-четвертых, объект и предмет, школы и методология нарождающихся в отечественной лингвистике XXI века направлений медиалингвистики и медиастилистики; в-пятых, вопросы медиаграмотности и медиадидактики, актуализация речевой практики медиакоммуникаций в обучении русскому языку как родному, неродному, иностранному, в школьном и вузовском преподавании русского языка.

Корпусная лингвистика — одно из самых актуальных направлений современной теоретической и прикладной лингвистики, соединяющее достижения передовых информационных технологий с новыми теоретическими подходами к описанию языковой вариативности и квантитативных аспектов языковой структуры. Лингвисты уделяют сегодня особое внимание построению новых и расширению существующих корпусов русского языка. Способы формирования и изучения языковых средств выражения грамматического значения многие выступавшие выбрали в качестве объекта исследования и представили на богатом материале современных языковых явлений. Акад. Ю. Д. Апресян и проф. В. Ю. Апресян (Москва, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН) на пленарном заседании подробно остановились на современном состоянии грамматического знания в коллективном докладе на тему «Грамматика в Активном словаре русского языка». Проф. Е. В. Рахилина представила плод многолетних научных изысканий и сложной технологической работы коллектива авторов по созданию обширной базы данных русской грамматики на сайте rusgram.ru в коллективном докладе «Дискурсивные формулы русского языка: корпусный проект» (Е. Н. Афанасьева, П. А. Бычкова, М. А. Коршак, М. Рахматуллоева, Е. А. Слепак, Ю. И. Яковлева). В рамках этой актуальной проблематики свое выступление выстроила и С. О. Савчук (Москва, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН) в докладе «Исследование вариативности и динамики норм словоизменения на основе корпусных данных».

По-прежнему было дискуссионным при обсуждении вопросов методики положение о формировании в процессе преподавания русского языка как иностранного и неродного вторичной языковой личности, что связано с устойчивым пониманием языка как системы знаков, не зависящей от человека и никак на него не влияющей, хотя результаты изучения языковой картины мира должны были бы внести изменения в рассмотрение этой проблемы. Обсуждалась также проблема перенесения опыта, накопленного в рамках дидактики и методики РКИ и РКН, на преподавание русского языка в дошкольной, школьной и вузовской практике с опорой на когнитивный подход.

В рамках круглого стола «Грамматика в школьной и вузовской практике преподавания русского языка: проблемы и перспективы» его участники — преподаватели вузов РФ и учителя школ Ярославской области — обсудили актуальные вопросы современной дидактики: «Можно ли обучать русскому языку без грамматики? Какая грамматика нам нужна? Грамматика-лексика-текст: вместе или раздельно?». В основу обсуждения был положен ряд проблем. *Первая проблема:* Что есть объект овладения? Нельзя обучать только на основе лингвистических знаний. Необходимо знать стадии развития грамматического навыка, надо знать и механизмы, на которых он основан. Так можно создать грамматический методический паспорт, который будет представлять совокупности объектов усвоения. *Вторая проблема:* Нужно осваивать стратегию как правила квантования знаний, которые решают вечную проблему соотношения навыка и знания. *Третья*

проблема: В методике обучения иностранным языкам используются условно-речевые упражнения как средство, позволяющее осуществлять переход от языка к речи, не теряя учёта ситуации употребления языковых средств при понимании речевой задачи. Этот тип упражнений требует научно-методической систематизации при наполнении актуальным языковым материалом. В ходе обсуждения возникли следующие актуальные вопросы: как совместить изучение грамматики с формированием коммуникативных навыков? что важнее — изучение языка как системы или обучение видам речевой деятельности? Острая дискуссия была вызвана вопросом: стоит ли упрощать изучение грамматического материала или все же остаться в рамках традиционного подхода? Все были единодушны в том, что необходимо создать ассоциацию преподавателей русского языка как иностранного/неродного в Ярославской области (как, наверное, и в остальных), чтобы иметь возможность обмениваться опытом, проводить мастер-классы, решать первоочередные задачи адаптации иностранцев к условиям речевой среды, проводить региональные конкурсы среди учащихся на знание культурных особенностей и владение практическим языком и конкурсы мастерства среди преподавателей.

Ярким моментом в работе симпозиума стал круглый стол (ведущий — ответственный секретарь симпозиума проф. В. Н. Степанов). На нем были подведены итоги форума, главным из которых было отмечено обращение в изучении грамматики к коммуникативному аспекту как позволяющему увидеть и описать языковую личность при осознании учета когнитивных способностей личности в рамках ее коммуникативной деятельности.

Ярославль передал эстафету Потсдаму, где в сентябре 2020 года пройдет юбилейный V международный научный симпозиум по русской грамматике.

Работу прошедшего симпозиума отличала особая атмосфера, которая позволила заинтересованно и корректно вести научные дискуссии, продуктивно общаться с коллегами в кулуарах, наслаждаться неповторимым очарованием природного и архитектурного ландшафта древних русских городов — Ярославля и Ростова Великого.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Содержание докладов участников форума представлено в: [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Матурана У.* Биология познания // Язык и интеллект. М., 1996. С. 95–142.

2. Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: Сб. науч. тр. Междунар. науч. симпозиума / Науч. ред. В. Н. Степанов; отв. ред. Л. В. Ухова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019.

Степанов В. Н., д-р филол. наук,
проф. Международной академии бизнеса
и новых технологий (г. Ярославль)
Ухова Л. В., д-р филол. наук, доц.
Ярославского государственного педагогического
университета им. К. Д. Ушинского

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР — ВСЕОБЩЕЕ ДОСТОЯНИЕ...

(Начало на с. 93, 99. Окончание на с. 116)

Республики Бенин, доцент геологического факультета МГУ Анисет Габриэль Кочофа и сопредседатель Студенческого союза МГУ, студентка Высшей школы телевидения МГУ Катарина Юровская. В самом начале праздника Катарина задала общий настрой, блистательно исполнив попурри, составленное из фольклорных песен разных регионов России.

Прямые включения и беседы онлайн с участниками из других городов чередовались с выступлениями у микрофона. Ладжал Брахим, студент нижегородской ВШЭ из Алжира, исполнил русские частушки о любви. Развеселила всех Ли Сялань (КНР), студентка Российского университета дружбы народов (Москва), с задорной русской песенкой «Тарантасик». Большое впечатление произвело на зрителей выступление Норы Аджей (Гана) из Волгоградского государственного технического университета, которая самостоятельно выбрала для участия в финале и необычайно энергично исполнила песню «На горе колхоз». Ещё один пример неожиданного решения: студентка Университета МГУ — ППИ в Шэньчжэне Линь Сяовэй прислала на конкурс песню «Ой ты Порушка-Параня» в рок-обработке, которую она поет со своей рок-группой.

Сменяются на большом экране подключающиеся к МГУ города и университеты. «Ой, подружка дорогая, я частушки пропою», — кто это заводит частушку с таким характерным севернорусским оканьем? Вы будете удивлены, но это Элвие Симон из Малайзии: запись её выступления прислали в Москву из Курского государственного медицинского университета. Замечательный участник конкурса из Тамбовского государственного университета, Чиутика Манда из Замбии поёт «Выйду ль я на улицу» — совершенно в русской традиционной манере. И много ещё хороших песен — и русских, и китайских, и латиноамериканских прозвучало и прозвучит ещё на Фестивале. Но самое интересное — смешение традиций. Так, например, Декстор Масове

2019-й — ГОД ТЕАТРА

М. Л. Федоров

DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12105

«ДНИ ТУРБИНЫХ» И «КАК ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ДИВИЗИЯ В РАЙ ШЛА…»: К ВОЗМОЖНОМУ ДИАЛОГУ М. А. БУЛГАКОВА С ДЕМЬЯНОМ БЕДНЫМ

MAXIM L. FYODOROV

"THE TURBIN BROTHERS" AND "HOW THE 14TH DIVISION WAS GOING TO PARADISE…": ON A POSSIBLE DIALOGUE OF MIKHAIL BULGAKOV AND DEMYAN BEDNY

Максим Львович Федоров
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
ул. Поварская, д. 25а, Москва, 121069, Россия
► maksimfyodorov@yandex.ru

Maxim L. Fyodorov
A. M. Gorky Insitute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia

Впервые объектом сравнительного анализа становятся «Дни Турбиных» М. А. Булгакова и забытая пьеса Демьяна Бедного «Как четырнадцатая дивизия в рай шла...». Оба драматурга по заказу театров переделывают свои ранние произведения (Булгаков — роман, Демьян Бедный — стихотворную повесть) в пьесы. В статье (в том числе и на неизвестных архивных материалах из фонда Демьяна Бедного в ОР ИМЛИ) восстанавливается история создания этих произведений, анализируются не только общие мотивы обеих пьес, но и их сквозные образы (например, апостола Петра как привратника рая).

Ключевые слова: Булгаков; Демьян Бедный; театр; Дни Турбиных; Как четырнадцатая дивизия в рай шла..; апостол Петр; архив.

The author argues that for the first time, "The Turbin Brothers" by Mikhail Bulgakov and the forgotten play "How the 14th Division Was Going to Paradise…" by Demyan Bedny became the object of comparative analysis. Both playwrights were commissioned by the theaters to remake their early works (a novel in Bulgakov's case, and the poetic novella in Demyan Bedny's case) into plays. The article includes unknown archival materials from the Demyan Bedny Foundation in the Manuscript Department of the World Literature Research Institute in Moscow, and restores the history of the creation of both works, analyzes not only the common motives of both plays, but also their cross-cutting images, such as the Apostle Peter as the gatekeeper of paradise.

Keywords: Mikhail Bulgakov; Demyan Bedny; theater; "The Turbin Brothers"; "How the 14th Division Was Going to Paradise…"; Apostle Peter; archive.

В 1925 году М. А. Булгаков по просьбе МХАТа начинает работать над инсценировкой своего романа «Белая гвардия». Переделка произведения оказалась долгой и мучительной: было предложено несколько вариантов, прежде чем театр остановился на окончательном, получившем название «Дни Турбиных». Первая редакция пьесы включала в себя пять актов и 15 августа 1925 года была представлена МХАТу. Театр попросил пьесу сократить до четырех актов, и в конце января 1926 года состоялась читка второй редакции, которая, как и первая, сохранила романное название «Белая гвардия». Лишь к сентябрю 1926 года с театром была согласована последняя редакция пьесы.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 18-012-00445 «Демьян Бедный и советский театр 1920–30-х годов»

При инсценировании трансформации подверглось всё: от системы действующих лиц до основной идеи произведения. Прежде всего, изменения коснулись основного персонажа романа — Алексея Турбина, который «был своего рода „пуповиной“, которая связывала инсценировку с романом. Эту „пуповину“ Булгаков и обрезал, пробиваясь вместе с театром к новой художественной идее, которая была бы адекватной именно пьесе» [8: 73]. В первой редакции он еще врач, во второй редакции — уже полковник, которому волей автора суждено погибнуть в третьем акте. В пьесе образ Алексея Турбина вобрал в себя черты двух персонажей из романа «Белая гвардия»: полковников Малышева и Най-Турса. «На место героя-персонажа пришел герой-идеолог. На месте рефлексирующего интеллигента появлялся человек героического склада в самом точном и каноническом смысле этого понятия» [Там же: 84]. Существенные изменения коснулись также образов Мышлаевского, Лариосика, Тальберга.

Ряд эпизодов, имеющих в структуре романа важное значение, в редакциях пьесы исчезли вовсе. Это касается, например, сна Алексея Турбина. В романе герою снится рай и апостол Петр у его врат, встречающий эскадрон гусар вместе с вахмистром Жилиным:

> «Тут, стало быть, апостол Петр. Штатский старичок, а важный, обходительный. Я, конечно, докладаю: так и так, второй эскадрон белградских гусар в рай подошел благополучно, где прикажете стать? Докладывать-то докладываю, а сам, — вахмистр скромно кашлянул в кулак, — думаю, а ну, думаю, как скажут-то они, апостол Петр, а подите вы к чертовой матери... Потому, сами изволите знать, ведь это куда ж, с конями, и... (вахмистр смущенно почесал затылок) бабы, говоря по секрету, кой-какие пристали по дороге. Говорю это я апостолу, а сам мигаю взводу — мол, баб-то турните временно, а там видно будет. Пущай пока, до выяснения обстоятельства, за облаками посидят. А апостол Петр, хоть человек вольный, но, знаете ли, положительный. Глазами — зырк, и вижу я, что баб-то он увидал на повозках. Известно, платки на них ясные, за версту видно. Клюква, думаю. Полная засыпь всему эскадрону...» [4: 97–98].

Сон Алексея Турбина задает в романе философское, и даже эсхатологическое измерение, позволяющее автору поставить мучительные вопросы о виноватых в братоубийственной войне, о судьбе страны, об ответственности каждого. Его кульминацией становится диалог Жилина с Богом. Герой спрашивает:

> «...как же так, говорю, господи, попы-то твои говорят, что большевики в ад попадут? Ведь это, говорю, что ж такое? Они в тебя не верят, а ты им, вишь, какие казармы взбодрил. А Бог отвечает: „Потому мне от вашей веры ни прибыли, ни убытку. Один верит, другой не верит, а поступки у вас у всех одинаковые: сейчас друг друга за глотку, а что касается казарм, Жилин, то тут как надо понимать, все вы у меня, Жилин, одинаковые — в поле брани убиенные. Это, Жилин, понимать надо, и не всякий это поймет. Да ты, в общем, Жилин, говорит, этими вопросами себя не расстраивай. Живи себе, гуляй“» [Там же: 100–101].

Верный сатирическому характеру своего дарования, Булгаков наполняет сон главного героя иронией. Жилин снова обращается к апостолу с вопросом и слышит в ответ:

> «„Ты мне, говорит, Жилин, про попов лучше и не напоминай. Ума не приложу, что мне с ними делать. То есть таких дураков, как ваши попы, нету других на свете. По секрету скажу тебе, Жилин, срам, а не попы“.
>
> „Да, говорю, уволь ты их, господи, вчистую! Чем дармоедов-то тебе кормить?“
>
> „Жалко, Жилин, вот в чем штука-то“, — говорит» [Там же: 101].

В окончательном варианте пьесы сна Алексея Турбина нет, но история текста показывает, как непросто было автору от него отказаться. В первом варианте появляется эпизод, типологически соотносимый со сном Турбина: когда Алексей засыпает над книгой Достоевского, к нему приходит воплощенный Кошмар, и автор пародирует известный диалог Ивана Карамазова с Чертом. Кошмар прямо себя обозначает: «Я к вам с поклоном от Федора Михайловича Достоевского...»

Трудно поставить в один ряд Булгакова и Демьяна Бедного, еще сложнее говорить о влиянии одного на другого. Но в начале 1930-х годов Демьян Бедный предпринял нечто похожее на то, что Булгаков сделал с «Белой гвардией». По заказу Московского мюзик-холла поэт переработал в пьесу «Как четырнадцатая дивизия в рай шла...» свою стихотворную повесть 1920-х годов. Объединяет произведения двух совершенно разных писателей и то, что в них появляется сквозной образ апостола Петра как привратника рая.

История пьесы Демьяна Бедного берет начало от небольшой, увидевшей свет в начале революции стихотворной повести «Занимательная, дива и любопытства достойная, силою благочестия и убеждения исполненная и красноречием дышащая повесть о том, как четырнадцатая дивизия в рай шла». Сюжет этого произведения строится на гротескной ситуации: солдат с уличной бранью и полковыми девками апостол пропускает в рай без лишних сомнений, а старуху, прожившую непорочно всю жизнь — отталкивает:

Так тебе и надо, дурре стоеросовой,
С твоей непорочностью бросовой!.. [2: 272]

В основу стихотворной повести, возможно, положен «бродячий сюжет». Так, например, французский писатель Марсель Эмме написал новеллу «Польдевская легенда», во всех деталях, кроме, разумеется, имен, совпадающая с обозрением Демьяна Бедного. Возможно, «кремлевский баснописец», воспринимающий себя в качестве русского Беранже[1], вспомнил песню французского поэта «Две сестры милосердия», где Петр впускает в рай и праведную монахиню, и распутную актрису, признавая главным их достоинством то, что обе много любили. Известно также, что в основу текста советского поэта положен действительный факт из Первой мировой войны. После торжественного богослужения, в котором участвовал протоиерей и несколько полковых священников, на фронт была отправлена пехотная дивизия, которая в первом же бою подорвалась на мине.

В отдельном издании это произведение было опубликовано в 1923 году с иллюстрациями художника М. Черемных. Эта редакция несколько отличалась от той, что позже публиковалась в собраниях сочинений Демьяна Бедного. Текст был разделен на семь глав, обозначенных римскими цифрами. И после заключительных строк первой части был приведен «Чин исповедания женам», взятый из церковного требника и воспроизведенный на церковнославянском языке фототипическим способом.

Писатель и драматург Лев Никулин вспоминал о Демьяне Бедном:

«Когда он писал пьесу „Как четырнадцатая дивизия в рай шла“ — пьесу сатирическую, несмотря на то, что сюжетом ее был трагический эпизод гибели русской дивизии в годы первой мировой войны, — он откуда-то достал редкую церковную книгу и прочел нам главу „Чин исповедальный женам“ — вопросы, которые священник обязан был задавать замужним женщинам и девицам в старые времена на исповеди.

— Да ведь репертком не пропустит, уж очень непристойно!

— Пожалуй, не пропустит... — со вздохом согласился Демьян. — А язык, язык-то какой...Что ни слово — перл!» [6: 91].

Очевидно, «Чин исповеди» — издание, найденное когда-то поэтом в одном из букинистических магазинов, и стало своего рода «вдохновенным» для Демьяна Бедного, и, держа его в руках, он решился на создание своего произведения. Об этом, в частности, говорят и его друзья:

«Навсегда запомнилось, что самое большое удовольствие доставляли ему находки у букинистов. Он часто делился со мной радостью по поводу удачных приобретений. Помню его радость, когда он нашел текст старинного „Чина“ — исповеди, использованной им впоследствии в поэме „Как 14-я дивизия в рай шла“. Выпуск этой поэмы наталкивался на трудности именно из-за „вольностей“, содержащихся в указанной исповеди. В конце концов, трудности были преодолены, и текст исповеди был напечатан» [7: 91].

В 1932–1933 гг. поэт, значительно расширив свое раннее произведение, переработал его в пьесу. Она сохранила название «Как четырнадцатая дивизия в рай шла», но поменяла подзаголовок — «Занимательное, дива и любопытства достойное, силою благочестия и убеждения исполненное и красноречием дышащее народное зрелище в трех священнодействиях с музыкою, пением и танцами». И если в стихотворной повести действие заканчивается перед входом в рай, то в пьесе основное действие переносится на небеса. И этот второй сценический вариант становится в один ряд с произведениями (в том числе и драматургическими, например, «Мистерия-Буфф» В. Маяковского), где проявился своего рода особый «космизм», присущий молодой советской литературе. «На земле уже вроде бы и не хватает места для бурного движения народных масс. Возникает необходимость „освоить“ небо и его заселить своими идеями, и его вовлечь в грандиозную битву классов» [5: 123]. В литературу и театр приходят Евангелие и Библия (напри-

мер, дерзко пародирующий Нагорную проповедь Человек из Будущего в «Мистерии-Буфф»), земной шар и луна, Космос и солнце и т. д. Писатели по-разному ощущали и выражали этот «космизм», — «космизм неповторимой исторической эпохи, когда строительство нового мира мыслилось как изначальное создание земного мира вообще. Отсюда и тяга к мистериям, народным зрелищам, к суровой образности Библии. Не случайно, конечно, даже и сам Станиславский, столь крепко связанный в нашем сознании с психологическим театром, обращался мыслью к байроновскому „Каину“, мечтал о массовом действии» [5: 123–124].

И Вахтангов думал об инсценировании Библии, в его записках сохранился план этого библейского действия, когда Моисей освобождает народ из плена и на сцене действует только народ. Особенности дарования Демьяна Бедного определяют то, что в своем произведении он смещает акценты от космогонического и онтологического в сторону сатирического.

Сюжет повести, по словам автора, «основан на чисто народных, юмористических представлениях о земле, рае и аде, не раз уже использованных в нашей и мировой литературе, но под влиянием внешней цензуры, буржуазной ограниченности и мещанского лицемерия, искаженных и изуродованных, фальсифицированных правящим классом в своих интересах» [3: 8]. Поэт предлагал использовать его произведение на сцене так, «чтобы насмешливая народная издевка не была затушевана, чтобы слова звучали прямо и сочно, чтобы образ не был зализан» [Там же: 8].

Пьеса же, значительно превосходя повесть в объеме, отличается от нее и структурно. Сатира, образующая основной каркас пьесы, перемежается в тексте интермедиями, где голос поэта приобретает публицистическую остроту, наполняется гражданским пафосом и получает отчетливую антивоенную направленность. Это роднит ее и с «Белой гвардией» и «Днями Турбиных» с той лишь разницей, что произведение Демьяна Бедного ограничивается сатирой и публицистикой и не достигает философской глубины последних.

Вдовы

Все наши мужья на войне перебиты.
Не вернется в родную деревню никто.
— Не дождусь я Петра! — Не увижу Никиты!
Господи боже, за что?

———

Дети-сироты плачут, а кто им поможет?
Горьких слез наших вдовьих не осушит никто.
Господи боже, господи боже,
Господи боже, за что?

Старики

Сыновья наши все на войне перебиты.
Не вернется к отцам-старикам уж никто.
— Не дождусь я Петра! — Не увижу Никиты!
Господи боже, за что?

———

Кто нам, старцам беспомощным, хилым, поможет?
Наших старческих слез не осушит никто.
Господи боже, господи боже,
Господи боже, за что?

Военные инвалиды

Искалечены мы на войне, не добиты.
Наших рук, наших ног не вернет нам никто.
Лучше-б в братских могилах мы были зарыты.
Господи боже, за что?

———

Инвалидам беспомощным, кто нам поможет?
Безутешных калек не утешит никто.
Господи боже, господи боже,
Господи боже, за что? [1: 9].

Один из главных героев у Демьяна Бедного — апостол Петр, но по сравнению с романом Булгакова он в большей мере подан сатирически, даже гротескно. Например, его первое появление в пьесе:

Апостол Петр (ошалело выскакивает из будки. На боку у него болтаются два аршинных ключа. В зубах трубка).

— Сколько пробило? Сколько пробило?

Архангел околоточный Семь часов. Ваше апостольское превосходительство!

Апостол Петр (Хватается за голову) Семь часов. Чорт знает что такое! С пяти уж полагается будку закрывать. Мне еще к парикмахеру. Да переоблачиться надо. Выдался сегодня денек. Прут и прут души без конца. (Всматривается в очередь). Сколько вас еще тут?.. Раз, два, три, четыре, пять (продолжает считать шепотом).

Очередь галдит:

— Ради бога!
— Ваше апостольское!
— Помилосердствуйте!
— Намаялись мы тут!
— Куда нам на ночь-то...

— Немного уж осталось!
— Бога ради! [Там же: 13–14].

Спектакль Московского мюзик-холла, режиссером которого был Ф. Н. Каверин, имел успех и вошел в историю театра. Перед премьерой Демьян Бедный дал большое интервью журналу «Театральная декада», в котором он, в частности, сказал:

> «...я вспоминал прекрасную формулировку Пушкина: „драматическое искусство родилось на площади — для народного увеселения". И для народного поучения, прибавил бы я. Но есть ли у нас сейчас подлинно народные представления, где были бы использованы народные и площадные формы зрелищ для выражения наших высоких задач и устремлений, рожденных великой пролетарской революцией?
>
> И потому-то мне казалось неотложной задачей использование великолепной площадки московского мюзик-холла для построения ряда народных феерий, интерлюдий, апофеозов, фантастических представлений, веселых фарсов, сатирических „позорищ", рожденных на площади и не боящихся крепкого, остро „посоленного" слова» [3: 8].

Спектакль собрал многочисленные, по большей части хвалебные, рецензии. Одна из них, опубликованная в Moscow daily news (№182, от 11 дек. 1932 г.), была перепечатана Демьяном Бедным и сохранилась в его архиве. Наиболее значимые места, в которых он назван «величайшим пролетарским поэтом», Демьян Бедный в этой рецензии подчеркнул:

> «Почти год назад в Московском Мюзик-холле была поставлена пьеса Д. Бедного „Как 14-я дивизия в рай шла" и с тех пор в виду исключительного успеха она не сходит со сцены.
>
> Это совсем не тот род мюзик-холльных обозрений, к которым привык американский и европейский зритель. Хотя это веселое зрелище также включает в себя балетные и акробатические номера, но оно отличается от западных обозрений тем, что, покидая театр, зритель уносит в своей памяти много ценных впечатлений.
>
> Представление остается в памяти благодаря его содержанию. Это — сатира на религию, которая достигает своей цели самым могущественным орудием искусства — смехом.
>
> Без сомнения, эта сатира может быть поставлена наряду с самыми лучшими произведениями этого рода в мировой литературе. Пьеса Д. Бедного имеет что-то общее с „Восстанием ангелов" А. Франса и „Небесным спором" С.И. С. Вуда. Едва-ли нужно говорить больше о пьесе, автор которой признан в СССР величайшим пролетарским поэтом нашего времени (подчеркнуто Демьяном Бедным. — *М. Ф.*).
>
> Своей пьесой Д. Бедный прибавляет к славе поэта славу талантливого драматурга, создавшего пьесу для настоящего массового зрелища, которое достойным образом было поставлено режис. Кавериным»[2].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Это дало повод написать А. В. Луначарскому «озорную» эпиграмму на «кремлевского баснописца»:

Демьян, ты мнишь себя уже
Почти советским Беранже.
Ты, правда, «б»,
ты, правда, «ж».
Но все же ты — не Беранже.

[2] ОР ИМЛИ РАН. Ф. 42. Инв. Номер 1987.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бедный Д.* Как четырнадцатая дивизия в рай шла // Новый мир. 1932. № 2. С. 5–37.

2. *Бедный Д.* Полн. собр. соч. / Ред. и примеч. Г. Лелевича. Т. 8. М.; Л., 1926.

3. Биография «14-ой Дивизии». Беседа с Демьяном Бедным // Театральная декада. 1934. № 1. С. 8–9.

4. *Булгаков М. А.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М., 1997.

5. *Вишневская И.* «Разрешается к представлению...» // Парадокс о драме: Сб. М., 1993. С. 86–154.

6. *Никулин Л.* О поэте // Воспоминания о Демьяне Бедном. М., 1966. С. 91–98.

7. *Розенфельд Я.* В военно-промышленном комитете // Воспоминания о Демьяне Бедном. М., 1966. С. 87–91.

8. *Смелянский А. М.* Михаил Булгаков в Художественном театре. М., 1989.

REFERENCES

1. Bednyi D. (1932) Kak chetyrnadtsataia diviziia v rai shla [As the fourteenth division went to paradise ...]. *Novyi mir [New world]*, no. 2, pp. 5–37. (in Russian)

2. Bednyi D. (1926) *Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]*, ed. by G. Lelevich, vol. 8. Moscow; Leningrad, 1926. (in Russian)

3. Biografiia «14-oi Divizii». Beseda s Dem'ianom Bednym [Biography of "14th Division". Conversation with Demyan Bedny] (1934) *Teatral'naia dekada [Theatrical decade]*, no. 1, pp. 8–9. (in Russian)

4. Bulgakov M. A. (1997) *Sobranie sochinenii [Works]*, in 10 vols., vol. 4. Moscow, 1997. (in Russian)

5. Vishnevskaia I. (1993) «Razreshaetsia k predstavleniiu...» [«Allowed to perform...»]. In: *Paradoks o drame [The paradox of drama]*. Moscow, 1993. S. 86–154. (in Russian)

6. Nikulin L. (1966) O poete [About poet]. In: *Vospominaniia o Dem'iane Bednom [Memories of Demyan Bedny]*. Moscow, 1966. S. 91–98. (in Russian)

7. Rozenfel'd Ia. (1966) V voenno-promyshlennom komitete [In military-industrial committee]. In: *Vospominaniia o Dem'iane Bednom [Memories of Demyan Bedny]*. Moscow, pp. 87–91. (in Russian)

8. Smelianskii A. M. (1989) *Mikhail Bulgakov v Khudozhestvennom teatre [Mikhail Bulgakov in Art theater]*. Moscow. (in Russian)

Т. Б. Авлова

DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12110

ИНТЕРВЬЮ С АКТЕРОМ КАК УЧЕБНЫЙ ТЕКСТ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

TATIANA B. AVLOVA

INTERVIEW WITH THE ACTOR AS A TEXT IN THE RUSSIAN LANGUAGE CLASSROOM

В статье представлен дискурсивный анализ текстов — интервью с современными артистами театра и кино. Объединенные в дискурсивную формацию, они позволяют выявить свою информативную проблемно-тематическую направленность, которая достаточно специфицирована в разные возрастные периоды персонажей. Указанные обстоятельства определяют отбор языковых средств выражения, оставляя возможности субъективного варьирования в употреблении. Как информационная структура, так и языковые средства выражения в методическом осмыслении рассматриваются как база пособий для творческих вузов по русскому языку как иностранному и культуре речи для носителей русского языка.

Ключевые слова: дискурсивная формация; дискурсивный анализ; информационная структура текста; субъективизация представления базовых категорий.

The article presents a discursive analysis of the interviews with contemporary actors of theater and cinema. United in a discursive formation, these interviews allow to reveal their informative problematic and thematic focus, which is different in different age periods of the characters. These circumstances determine the selection of language means of expression, leaving the possibility of subjective variation in use. Both Russian information structure and language means of expression in methodical comprehension are considered as a base of manuals for the departments of creative arts in Russian as a foreign language and culture of speech for native speakers of Russian.

Keywords: discourse formation; discourse analysis; information structure of the text; subjectivization of the basic categories.

Татьяна Борисовна Авлова

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания

Санкт-Петербургский государственный университет

Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

▸ t.avlova@spbu.ru

Tatiana B. Avlova

Saint Petersburg State University

7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

Занятия русским языком с учащимися творческих специальностей подчиняются как общим правилам, так и имеют особенности, определяемые спецификой их социального существования. То есть речь идет об изучении грамматики, об обращении к типовым ситуациям повседневного общения с соответствующей лексикой, о чтении профессиональных текстов с вниманием к особенностям языка специальности. Но будущие актеры, художники и музыканты (в меньшей степени) — это и публичные люди, их творчество привлекает внимание общества, расширяет границы общения, заставляет *сосредоточиваться на своей личности, осмысливать свою деятельность, развивать умение рассказывать о себе*.

Г. Г. Шпет в определении языковых функций отметил, что язык прежде всего выступает как средство организации совместной деятельности, далее — «для достижения целей самого общения», то есть для свободного самовыражения человеческого духа. Эти функции языка,

указывает Шпет, делают его подлинно «социальной вещью среди других социальных вещей», подчиняют его «собственной телеологии общества», всего целого «социальной организации и среды» (цит. по: [3: 303]).

В деятельности, прежде всего, актера обе функции оказываются принципиально значимыми, это можно увидеть в интервью как востребованном жанре СМИ. Обратившись к Интернету, можно найти огромное количество интервью с актерами, режиссерами, художниками, их стало, может быть, меньше в печатной прессе, но зато существуют целые циклы соответствующих передач на телевидении (среди самых популярных: Дарья Златопольская, Владимир Познер, вечернее развлекательное шоу «Вечерний Ургант», программа «На ночь глядя» — ведущие Борис Берман и Ильдар Жандарев, и др.).

Интервью проходят в форме диалога, прежде всего, художественно ориентированного, беседа апеллирует к языку, где ярко проявляются все составляющие живой речи профессионала — актера театра и кино, работающего с художественным текстом. Дискурс с приглашенными деятелями культуры разворачивается в сторону тем, так или иначе связанных с искусством или направленных на него. Беседа, признавать ли ее отдельным жанром или разновидностью интервью, заключается в активизации обоих участников. Ведущий задает разноплановые вопросы о значимых событиях, повлиявших на становление личности и выбор профессии, собеседник/ интервьюируемый отвечает на них, выявляя в ходе диалога себя как личность, языковую и профессиональную.

Таким образом, только текст/дискурс обеспечивает изучающему язык возможность наблюдать за созданием информативной целостности беседы, имеющей всегда четко выраженное смысловое задание. Как бы ни было подготовлено интервью, оно всегда требует сообразительности, быстроты реакции, запаса знаний и просто умения говорить. Вот этому умению и нужно, хотя бы в скромных размерах по временны**м** возможностям занятий — учить.

Итак, *цель статьи* провести наблюдение над информационно-смысловой организацией интервью, продемонстрировать существование набора стабильных коммуникативных интенций, которые определяют отбор языковых средств, что, в свою очередь, в целях обучения должно быть подвергнуто методической обработке. Указанные положения определяют и *новизну* постановки рассматриваемой проблемы — поиск принципов создания учебных пособий по русскому языку для студентов творческих учебных заведений.

В качестве материала наблюдения используются интервью, в значительной степени сосредоточенные на автобиографиях. Их основное содержание обращено к внутреннему развитию личности, которое базируется на внешней событийной стороне жизни.

В автобиографии мы встречаем повествование «с конца», и, соответственно, наша задача — обратиться к тем этапам жизни персонажа, которые могут представлять интерес для учащихся, учитывая форму изложения сведений о прожитой и переживаемой им событийности. Можно выделить события, развивающиеся в естественном порядке — т. е. обратиться собственно к нарративу, по мере осложнения которого в повествование включаются события фонового характера и разного типа рассуждения. Поскольку текст выступает не только как целостное образование, но и как «конфигурация дискретных единиц» [2: 29], то из разных интервью можно выбрать и сложить отрывки, сообщающие о жизни актера на ее основных этапах: детство, выбор профессии, обучение, первые шаги в профессиональной деятельности, работа над ролью, успехи и поражения, некоторые итоги прожитой жизни.

Напомним, что в тот образ, который актер создает, он привносит нечто из своего состояния, что и вызывает эмоциональный отклик зрителя. Ему необходимо «чувствовать» содержание произведения, опираясь на собственный жизненный опыт. Рассказы актеров о вживании в профессию, которое взаимодействует с событиями их жизни и реакции на них, передают опыт начинающим, помогая в создании сценических образов (см. об этом, напр.: [1]).

Мы отобрали для анализа и последующей методической обработки интервью актеров кино

и театра трех поколений: молодых и уже известных (М. Матвеев, Д. Козловский, А. Чиповская, Д. Урсуляк,), зрелого возраста (Евг. Миронов, В. Исакова, В. Машков, Ю. Снигирь), ветеранов (О. Басилашвили, М. Неелова, Л. Броневой). Сформированная таким образом дискурсивная формация (набор текстов, характеризующихся общностью того, «о чем можно бы говорить» — [5: 46]) обладает своими правилами организации, установлением отношений между частями, которые вводятся «в качестве единых практик» и «навязываются» говорящему, регулярно занимающему в своей речевой деятельности ту или иную «позицию субъективности» (см.: [Там же: 78; 4: 36]).

Все это ставит, с одной стороны, задачу изучения «правил формации», с другой — задачу систематизации «позиций субъективности», что делает дискурс, по мнению Фуко «несводимым к языку и речи» [5: 78].

Как указывалось выше, возрастные отрывки из текстов, к которым мы обращаемся, охватывают основные периоды жизни персонажа, что в какой-то степени разрывает его целостный образ, но при последовательной организации материала в учебном пособии позволяет «продвигаться» по жизни каждого, предоставляя как языковой материал для обучения, так и содержательно-смысловую информацию для развития рефлексии, деятельности самопознания.

Обратимся к рассмотрению части интервью, посвященной детству, семье и первым проявлениям характера и поведения будущего артиста. В качестве исходного пользуемся интервью с Максимом Матвеевым, в нем обнаружилась последовательность всех выявленных нами компонентов и логическая последовательность в изложении материала.

I. Детство

Максим Матвеев — артист МХТ им. Чехова и кино (текст приводится в сокращении):

«Зная тебя, Макс, я уверен, что в детстве ты был домашним и никаких волнений родным не доставлял.

Я был тогда очень закрытый, тяжело шел на контакт. У меня было мало друзей с детства. Может, потому что отца не было.

То есть ты чувствовал какую-то ущербность?

Ну, какую-то — да. Но так или иначе, все равно ты же видишь и в детском саду, и в школе, у кого какие семьи. Потом, видимо, за все это время скрытности что-то накопилось, вот теперь выплескиваю на сцене. (Улыбается.)

Ты школу окончил с серебряной медалью. Тебе все легко давалось или хотелось во всем добиться совершенства?

Мне хотелось отличаться. Наверное, мой знак зодиака — Лев — так влияет, все время хочется быть лидером. Помню, на некоторых переменах все убегали, а я сидел в кабинете математики и решал задачи, которые мы должны были проходить на следующем уроке.

А когда ты стал общаться с отцом?

Я с ним вообще не общался. У меня появился отчим, когда мне было десять лет, — Матвеев Алексей. Я его называю папой.

Значит, фамилия у тебя по отчиму.

Да. И я считаю его отцом, потому что он мне очень многое дал. Он у меня появился в тот период жизни, когда мальчишке нужен отец. Потому что я уже понимал, что дед — это дед, что должно быть какое-то другое сильное плечо. С кого брать пример? И вот этот человек, несмотря на то, что я у него приемный сын, очень в меня поверил. Поверил, когда я неожиданно поступил на актерский, хотя он сам всю жизнь был моряком...он учил меня быть прагматичным, что ли.

Поясни.

Ну, то есть для него семья — это тыл, и он ради семьи работал, зарабатывал деньги и этим примером как бы меня заражал. И несмотря на то что я пошел в профессию, которая, как он считал, не принесет особого достатка, отец говорил: „Раз уж ты это выбрал, тогда постигай“» (*Матвеев М.* «Я максималист. И меняться не собираюсь». URL: http://www.ok-magazine.ru/stars/interview/16277-maksim-matveev).

Как видно, в осмысление своего детства и отношения к будущей специальности сам персонаж вводит набор некоторых позиций.

1. Черты характера и особенности поведения.

Закрытость:

У меня было мало друзей; ...время скрытности (*Матвеев М.* «Я максималист. И меняться не собираюсь»).

Эта черта отмечается и другими персонажами, напр. Евг. Миронов:

«У меня всегда были проблемы с коммуникабельностью» (*Миронов Евг.* «Я все в жизни выбирал по любви». URL: https://www.womanhit.ru/stars/interview/2018–10–25-evgenij-mironov-umenja-vsegda-byli-problemy-skommunikabelnostju/) —

контекстуальный синоним скрытности, он сопровождается сообщением о некоторой внутренней сосредоточенности.

Стремление быть лидером:

«Мне хотелось отличаться» (*Матвеев М.* «Я максималист. И меняться не собираюсь»).

М. Неёлова так же говорит об этом*:*

«Считала, что если быть, то первой или не быть вообще. Это плохое качество. Потому что если на физкультуре я не могла бежать быстрее всех, значит, не бежала вообще» (*Неёлова М.* «Артистом ты можешь становиться всю жизнь и так и не стать им» (17 июля 2012). URL: http://www.ok-magazine.ru/stars/vernik/15958-marina-neelova).

Д. Козловский, вспоминая о годах, проведенных в морском корпусе, сообщает о том, что именно тогда он четко уяснил значение слова «надо» и осознал, чего можно достигнуть при помощи упорной работы, твердой воли и доли азарта.

2. Отношение в семье к желанию стать артистом:

«И несмотря на то что я пошел в профессию, которая, как он считал, не принесет особого достатка, отец говорил: „Раз уж ты это выбрал, тогда постигай“» (*Матвеев М.* «Я максималист. И меняться не собираюсь»).

То же находим и в ответах Евг. Миронова:

«...с такой любовью моих родных можно сделать все. Это счастье, что у меня такая семья! Это мои ангелы-хранители. Они меня спасают во многих ситуациях. Но я стараюсь их беречь от негатива, утаивать какие-то проблемы. Но скрыть мало что удается, потому что им бы работать в КГБ (смеется), они все чувствуют, все знают» (*Миронов Евг.* «Я все в жизни выбирал по любви»).

Хотя есть случаи, когда родители не одобряют желаний своих детей — М. Неёлова говорит:

«Папа был инженером, мама тогда не работала. В свое время они оба прошли войну, где мама была радистом, — в восемнадцать лет ушла добровольцем. Так что они прожили, в общем, довольно сложную жизнь, никакого отношения к театру не имели. И конечно, всегда думали, что театр — моя девичья блажь. Все девочки хотят быть артистками, все мальчики — летчиками...» (*Неелова М.* «Артистом ты можешь становиться всю жизнь и так и не стать им»)

Особый характер отношений проявляется в артистических семьях. Из интервью с Дарьей Урсуляк:

«Какое детство у детей, у которых папа режиссер?

Хорошее у них детство. Впрочем, как мне кажется, это совершенно неважно, режиссер папа или нет. Просто мои папа и мама — хорошие ребята. Потому и детство такое.

У вас же в семье вообще все связаны с театром и кино, так ведь?

К сожалению, да. Здоровых людей среди нас нет. Всегда кто-то либо выпускает спектакль, любо репетирует, либо просто перманентно не в себе.

Судя по историко-филологическому факультету, актрисой вы себя в детстве не видели? Или я ошибаюсь? Когда и как пришло понимание: хочу быть актрисой?

В детстве-то я как раз видела себя актрисой. Репетировала постоянно мамины роли, знала наизусть весь ее репертуар. Но к концу школы сфокусировалась на филфаке. Хотя, опять-таки, даже когда я уже определилась с филфаком, постоянно задумывалась: а вот если бы я поступала сейчас в театральный, с какой бы прозой я поступала, с какой песней. То есть это был такой неразрешенный вопрос для меня, к которому я постоянно возвращалась. <...> И где-то в 20 лет, когда уже училась на 3-м курсе филфака, я вдруг в одночасье поняла, что все, хватит, больше не хочу этим заниматься» (Эксклюзивное интервью с Дарьей Урсуляк. URL: https://vtbrussia.ru/culture/cinema/kak-tolko-naydetsya-chelovek-kotoryy-uvidit-chto-ya-uzhasno-nelepaya-vse-izmenitsya/)

По поводу выбора института актеры нередко шутят — Виктория Исакова:

«Прежде чем вы пошли в театральное, кто-нибудь говорил вам, что актер на самом деле не такая замечательная профессия, какой кажется на первый взгляд?

Актер на самом деле такая замечательная профессия! (Смеется.) Если серьезно, то меня точно никто не отговаривал: просто никто не знал, куда я собираюсь поступать. Я окончила школу и должна была пойти на юридический факультет. Но я выбирала место учебы, которое было в непосредственной близости от дома, это правда. По счастливой случайности ближайшим оказался театральный институт» (Виктория Исакова: «Покажите хоть одного артиста, который не мечтает остаться в вечности». URL: https://teatrpushkin.ru/articles/viktoriya-isakova-pokazhite-hot-odnogo-artista-kotoryy-ne-mechtaet-ostatsya-v-vechnosti).

Как видно из приведенных примеров, в интервью на тему детство и выбор профессии содержится набор определенных позиций, в реализации каждой из которых проявляется субъективность говорящего. Включение в учебное пособие соответствующих текстов позволяет, с одной стороны, сосредоточить внимание на самых общих способах представления типов информации

(своего рода образцах) и с другой — отмечать возможности индивидуального проявления личности. Это последнее качество определяет характер проведения послетекстовой работы, развивающей рефлексию обучаемых.

Продолжим знакомство с Максимом Матвеевым по той части его интервью, которая сообщает о вузовском обучении и первых шагах в творчестве.

II. Начало и первые впечатления

«У тебя два высших образования, причем оба актерские. Ты в Саратове окончил институт, потом Школу-студию МХАТ. Каково это было — вновь садиться на студенческую скамью с дипломом в кармане?

Легко. Ты знаешь, мне так интересно было. Я понимал, что здесь абсолютно другая школа, здесь абсолютно другие впечатления, здесь мне дадут нечто другое, чего я не получил в Саратове по разным причинам. И потом, только здесь мы начали этюды делать, появилась возможность себя показать, расшатать. Ну и потом, Олег Павлович Табаков обратил на меня внимание на первом курсе, после первого семестра. У нас экзамен был, где я показывал пуделя, как на собачьей выставке. Вот Олег Павлович меня после этого показа и позвал играть в мхатовский спектакль „Пьемонтский зверь“.

Помню, в свое время я очень удивился, когда узнал, что ты отказался сниматься в суперрейтинговом сериале «Бедная Настя», куда тебя приглашали на главную роль. Ты был студентом, жил в общежитии Школы-студии МХАТ, и я видел твою крохотную комнату, похожую на пенал.

Да. Кровать была вполовину комнаты.

Неужели тебе не хотелось получить тогда все и сразу: деньги, житейское благополучие, славу?

Ты знаешь, Вадим, я в этом смысле умею терпеть. Ну, как-то было у меня ощущение, что, если шагну в ту сторону, это будет неправильно, понимаешь? Слишком легко, а значит, быстро уйдет.

А ты хотел, чтобы обязательно были трудности?

Я хочу трудностей. До сих пор люблю преодолевать какие-то сложности в работе. Например, находить в себе что-то новое, создавать образ, который мне несвойственен или в котором люди меня не видят. Для меня это сложно, но я люблю такие вещи.

Неужели вопросы бытового благополучия тебя совсем не волновали? Только высокие материи, только искусство? Просто идеальный образ возникает.

Да перестань ты. Нет тут ничего идеального. Ты знаешь, на тот момент мне казалось, что после этого сериала меня не взяли бы в большое кино. <...> А еще мне помогали советами. Золотовицкий Игорь Яковлевич, мой руководитель курса, и Женя Миронов. Они тоже подсказали: „Подожди, не торопись“.

С Золотовицким понятно, а Миронов почему принимал участие в твоей судьбе?

У нас с ним общие корни, так сказать. В Саратове. Он был учеником Валентины Александровны Ермаковой. Он был на первом ее курсе, в первом ее наборе. А я был последний — так получилось. И Валентина Александровна Ермакова, царствие ей небесное, очень любила и Женю, и меня. Женя, приезжая к ней, смотрел наши показы. Наш педагог хотела, чтобы ее ученики поддерживали друг друга» (*Матвеев М.* «Я максималист. И меняться не собираюсь»).

И в данном случае можно выделить типовые ситуации в воспоминаниях, которые воспроизводятся и в других интервью, также проявляя индивидуальные особенности в их представлении.

1. Интерес к учебе, первые успехи

М. Матвеев:

«Мы начали этюды делать, появилась возможность себя показать, расшатать» (*Матвеев М.* «Я максималист. И меняться не собираюсь»);

Евг. Миронов:

«Помню, как в Саратовском театральном училище я играл в маленьком эпизоде в „Свадьбе“ Чехова роль шафера. Я по-французски говорил grand rond и бегал по кругу и впервые был положительно замечен нашим мастером Валентиной Александровной Ермаковой. Это был мой первый небольшой успех. И это случилось потому, что мне там было комфортно, интересно» (*Миронов Евг.* «Я все в жизни выбирал по любви»).

Виктория Исакова, на вопрос о мечтах во время учебы:

«Да что вы, во время учебы я ни с чем не успевала ассоциировать ни себя, ни свое будущее. Обучение актерской профессии — это не «сиди три пары и дальше гуляй по своим делам». Это занимает все твое время без преувеличений, все мысли и все пространство» (Виктория Исакова: «Покажите хоть одного артиста, который не мечтает остаться в вечности»).

2. Наличие настоящего учителя:

«Мне помогали советами. Золотовицкий Игорь Яковлевич, мой руководитель курса» (*Матвеев М.* «Я максималист. И меняться не собираюсь»).

Владимир Машков стал студентом школы-студии МХАТ. Буйный нрав студента был причиной того, что его не раз отстраняли от занятий, но он был невероятно талантлив. С ним стал заниматься Олег Табаков:

«Олег Павлович для меня как отец. И за Табакова я любого загрызу, пусть только посмеют что-то сказать о моем учителе дурного. Если бы не Табаков, то неизвестно, где бы я сейчас был» (Владимир Машков: брутальный герой с нежной душой. URL: http://interviewmg.ru/2428/).

3. Юношеское бескорыстие, твердый взгляд на будущее, проблема заработка:

«...как-то было у меня ощущение, что, если шагну в ту сторону, это будет неправильно, понимаешь? Слишком легко, а значит, быстро уйдет». (*Матвеев М.* «Я максималист. И меняться не собираюсь»)

Вопрос к Юлии Снигирь:

«Вы выбрали слишком беспокойную профессию. Зачем вам вся эта нервотрепка? Неужели вам так нужны слава и деньги?

Да я и сама очень долго задавалась этим вопросом. Слава и деньги — это, конечно, хорошо, особенно деньги, потому что они дают определенную свободу. Но я к ним не стремлюсь, а просто хочу как можно сильнее погрузиться в профессию — так же, как мои коллеги-актрисы, которыми я восхищаюсь. Например, Елена Лядова, снявшаяся у Андрея Звягинцева в картине «Елена». Она там сыграла феноменально!» (Фотосессия и интервью с Юлей Снигирь. URL: https://www.glamour.ru/glamourama/fotosessiya-i-intervyu-s-yulej-snigir)

III. Работа над ролью

Максим Матвеев о своей работе:

«Сложно войти в роль или из нее выйти?

Тут вот какая шутка, я сейчас закончил сниматься в картине у Джаника Фазиева, он дал материал, дал роль, и мы с ним составили, так называемый, „график роли". Получилось четыре склеенных в длину листа формата А4. Мы составили таблицу, разделили ее на колонки, в каждой колонке сцена, ее краткое содержание, под ней место для заметок и графики, и мы построили графики смысловой, эмоциональный и т. д. И когда все это вместе сложилось, ты начинаешь представлять роль целиком, понимать своего персонажа: какие у него привычки, комплексы, внутренние какие-то заморочки, отрицательные качества, в какую сторону двигаться, и как нужно вести себя в каждой отдельной сцене так, чтобы получилась взаимосвязь.

Вы так каждую свою роль раскладываете?

Не все, но хочется, так легче намного. Еще Михаил Чехов писал о работе над образом, что ты должен видеть его во всей полноте.

Вот у меня роль — командир войсковой разведки, персонажа зовут Лёха, в реальности это командир отряда, герой России, и я пересмотрел много интервью, материалов с ним <...>

Я много готовился к этой роли, мы занимались в центре специальной подготовки МВД РФ, и там база, где тренируется спецназ, люди, которые, кажется, побывали везде — и в Чечне и в Афганистане, Норд-Ост спасали. И нас вместе с ними тренировали, учили взаимодействовать с оружием, тактическим каким-то приемам. В фильме, кажется, вообще почти балет получился, вся группа из десяти человек движется, как единый организм, все действия четкие, отточенные практически до автоматизма. В реальности все точно так же» (*Матвеев М.* «Я максималист. И меняться не собираюсь»).

Иначе отвечает на этот вопрос Марина Неёлова:

«Многие молодые актеры, едва закончив институт, считают себя уже состоявшимися артистами. Вы так не думали?

Не знаю, сейчас мне трудно сказать. Мне кажется, я еще в институте начала сознавать, как много я не умею. А со временем это чувство тебя посещает все чаще. Чем больше ты умеешь, тем больше теряешь.

Что именно теряешь?

Ты начинаешь понимать законы, по которым создается роль, узнаешь формулы, по которым создается спектакль, приобретаешь мастерство, но теряешь наивность. Ты уже знаешь математику своей профессии, может быть, даже высшую математику, но за это платишь потерей первозданности ощущений» (Марина Неёлова: «Ловлю себя на том, что могла бы сыграть и собаку». URL: https://iz.ru/news/308233).

Анализ высказываний персонажей показывает, что начинающий актер:

- стремится *представлять роль целиком*;
- готов *построить смысловой и эмоциональный графики* роли;
- *пересмотрел много интервью* с прототипом своего героя;
- *учится взаимодействовать с оружием, тактическим приемам,* чтобы достигнуть того, как это бывает *в реальности*;

опытный актер:

- знает *математику своей профессии, но за это платит потерей первозданности ощущений.*

Проведенное сопоставление может стать основой обсуждения и привести к согласию или несогласию с высказанными положениями. Аргументация высказанного мнения выступает в качестве приема обучения языку.

Проведенные наблюдения за текстами интервью известных актеров, достигших больших успехов в своей деятельности, а также за текстами

ветеранов, которые могли бы составлять продолжение статьи, также свидетельствует о *типологизации тем*, которые касаются их работы, влияния сыгранных персонажей на самих актеров, общих оценок режиссерских постановок и состояния театрального и кино- искусства. Вопросно-ответная форма интервью тоже позволяет выделить стандартизованные модели, что делает возможным работу над овладением их структурой и введение средств языкового выражения с теми отклонениями, которые диктуются личностью говорящего.

Все отмеченные закономерности определяют базовые принципы создания специализированных учебных пособий, которые могут быть составлены с учетом особенностей обучения русскому языку как иностранному и культуре речи носителей русского языка. Такие пособия могут быть дополнены большим иллюстративным материалом, увеличивающим их эффективность и привлекательность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Капустина А. Н.* Профессиональные и социально-психологические свойства личности актера драматического театра // Universum: Психология и образование: электрон. научн. журн. 2016. № 7 (25). URL: http://7universum.com/ru/psy/archive/item/3395 (дата обращения: 04.07.2019).

2. *Лотман Ю. М.* Мозг — текст — культура — искусственный интеллект // Лотман Ю. М. Избр. ст.: В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, 1992. С. 25–33.

3. *Портнов А. Н.* Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX–XX вв. Иваново, 1994.

4. *Степанов Ю. С.* Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века / Под ред. Ю. С. Степанова. М., 1995.С. 35–73.

5. *Фуко М.* Археология знания. Киев, 1996.

REFERENCES

1. Kapustina A. N. (2016) Professional'nye i sotsial'no-psikhologicheskie svoistva lichnosti aktera dramaticheskogo teatra [Professional and socio-psychological properties of the personality of a drama theater actor]. *Universum: Psikhologiia i obrazovanie [Universum: Psychology and education]*, no. 7 (25). Available at: http://7universum.com/ru/psy/archive/item/3395 (accessed 04.07.2019). (in Russian)

2. Lotman Iu. M. (1992) Mozg — tekst — kul'tura — iskusstvennyi intellekt [Brain — text — culture — artificial intelligence]. In: Lotman Iu. M. *Izbrannye stat'i [Selected articles]*, in 3 vols., vol. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury [Articles on semiotics and typology of culture]. Tallinn, pp. 25–33. (in Russian)

3. Portnov A. N. (1994) *Iazyk i soznanie: osnovnye paradigmy issledovaniia problemy v filosofii XIX–XX vv. [Language and consciousness: basic paradigms of problem research in philosophy of XIX–XX centuries]*. Ivanovo. (in Russian)

4. Stepanov Iu. S. (1995) Al'ternativnyi mir. Diskurs. Fakt i printsip Prichinnosti [Alternative world. Discourse. Fact and principle of Causality]. In: Stepanov Iu. S. *Iazyk i nauka kontsa XX veka [Language and science of the late 20th century]*. Moscow, pp. 35–73. (in Russian)

5. Fuko M. (1996) *Arkheologiia znaniia [Archaeology of knowledge]*. Kiev. (in Russian)

[хроника]

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР — ВСЕОБЩЕЕ ДОСТОЯНИЕ...

(Окончание. Начало на с. 93, 99, 104)

(Замбия, КалмГТУ) с друзьями из Африки создали рэп по мотивам калмыцкой народной песни. Да, онлайн-фестиваль дружбы — настоящий перекресток культур.

В этом году на почту Оргкомитета, как и всегда, шлют добрые слова коллеги из других городов. «Хотим поблагодарить вас за чудесный праздник, который вы делаете для всех нас уже не первый год! И делаете это профессионально, на высоком уровне, а самое главное — с душой. Во время заключительного этапа онлайн мы получили море позитива, интересных выступлений, неожиданных решений. Огромное вам спасибо!» — пишут из Воронежского государственного лесотехнического университета. «Сердечно благодарим всех-всех сотрудников, занимающихся организацией этого большого и благородного Дела! Подготовка к Фестивалю стала не только традицией, но и глотком свежего воздуха для педагогов и студентов. Сколько радости творчества вы нам дарите! Наверное, без ваших заданий мы никогда бы не додумались в таком ракурсе работать с иностранными студентами», — замечает Галина Борисовна Полякова, доцент Юго-Западного государственного университета (г. Курск).

Хочется поблагодарить коллективы преподавателей русского языка из Курского государственного медицинского университета (во главе с заведующей кафедрой русского языка и культуры речи доц. И. А. Ковыневой), Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского (во главе с заведующей кафедрой русского языка как иностранного проф. Л. П. Прокофьевой), Уфимского государственного нефтяного технического университета, Юго-западного государственного университета (г. Курск), а также доц. Тамбовского государственного технического университета М. М. Глазкову, проф. Новосибирского государственного педагогического университета Е. Е. Тихомирову и других коллег, чье участие в подготовке студентов к Фестивалю вылилось в яркий праздник для сотен людей.

Видеозаписи выступлений финалистов Восьмого онлайн-фестиваля дружбы можно посмотреть на сайте: http://friendship2018.distant.msu.ru.

Коллектив кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов филологического факультета Московского университета

«…ВОЛКОВУ, ВОЛКОВУ, ВОЛКОВУ ВСЕМ МЫ ОБЯЗАНЫ!»

"…TO VOLKOV, TO VOLKOV, TO VOLKOV WE OWE EVERYTHING!"

Путешествие в историю театра в Ярославле должно начаться в XVIII веке. Именно тогда «театральный дух» проник в обе столицы и провинцию. В семинариях, богатых дворянских и купеческих домах по всей России ставили любительские спектакли, и даже ростовский митрополит, как говорят, писал в Ярославле духовные пьесы. Но начинанию купеческого сына Федора Волкова суждено было перерасти в нечто большее.

Юному Федору было на роду написано торговать серой и купоросом. Для обучения ремеслу отчим отправил его в столицу. Там и познакомился молодой ярославец с театральным искусством, познакомился — и влюбился в него. Волкова интересовало всё — актерская профессия, режиссура, костюмы и декорации, машинерия, как устроено театральное дело. Всё, что увидел, он воссоздал в Ярославле. Под театр Волков обустроил старый кожевенный амбар на набережной реки Волги. Театр стал действительно публичным и доступным — для любого человека, независимо от социальной принадлежности. Постепенно сложился репертуар, в котором главное место заняла национальная драматургия — наряду с Шекспиром, Мольером, Расином. Сформировалась труппа, из которой происходят первые в истории русского театра профессиональные актеры: комик Яков Шумский и Иван Дмитревский (в ту пору игравший дев и ангелов).

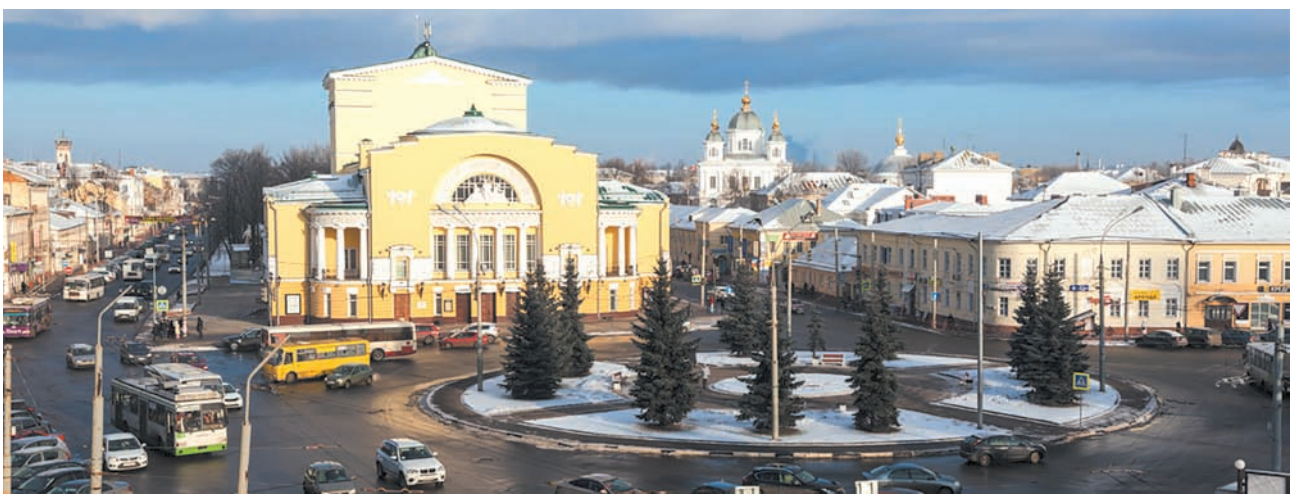
Итак, к 1750 году в Ярославле возникает уже не любительский, а профессиональный театр с постоянной труппой, обширным репертуаром и новым зданием для представления трагедий и комедий, вмещавшим до 1000 зрителей.

О регулярно действующем ярославском театре узнала императрица Елизавета и захотела видеть «комедиантов» в своей резиденции. В 1752 году начались первые в истории русского театра гастроли — из Ярославля в Царское село. «Волковцы» к тому времени заметно обросли театральным скарбом, их театральный обоз занял 19 подвод и 6 саней. Ярославцы представили при дворе три пьесы и обеспечили себе покровительство императрицы. Самые талантливые во главе с Федором Волковым продолжили образование и карьеру в Петербурге.

За десять лет в столице купеческий сын из провинции стал одной из самых масштабных личностей российской культуры. Фигура основателя русского театра Федора Волкова высится на знаменитом монументе «Тысячелетие Руси» в окружении Ломоносова, Державина, Карамзина. И именно Волкову Екатерина Вторая заказала постановку своей коронации, вошедшей в историю как маскарад «Торжествующая Минерва». Это уличное действо стоило жизни своему автору: Федор Григорьевич простудился и умер от горячки.

Волков утвердил сценическое искусство как школу гражданских чувств и связал его с проблемами эпохи. Необычайно важным для дальнейшего развития отечественной сцены было стремление Волкова к демократизации театра и его общедоступности.

Дух Федора Волкова незримо присутствовал в ярославском театре губернатора Алексея Мельгунова, где Иван Дмитревский в 1786 году играл роль Синава в трагедии Сумарокова «Синав и Трувор». Шляхетский корпус связывает фигуры Волкова, Сумарокова, Мельгунова и Дмитревского. Алексей Петрович Мельгунов был начальником корпуса в 1756 году.



Памятник Ф. Волкову в Ярославле

Ярославский театр после Федора Волкова переживал самые разные времена, менял здания и статусы, но уже в первой половине XIX века присутствие его в жизни и географии Ярославля стало градообразующим фактором. За одной из центральных площадей закрепился статус театральной — сейчас она носит имя Федора Волкова. Здесь сменили друг друга несколько театральных построек. Здание театра в 1819 году выстроил и содержал губернский архитектор Паньков. В 1842 году газета «Ярославские губернские ведомости» сообщила об открытии в городе нового здания театра, по общему признанию, одного из лучших театральных зданий в провинции. Мысль построить театр возникла у петербургского купца Алексеева, после того как он сыграл Волкова в спектакле «Федор Волков, или День рождения русского театра» Шаховского.

Менялись владельцы и антрепренеры, а в 1880-х годах театр перешел из частных рук в ведение города. В нынешнем здании он располагается с 1911 года. Постройка здания в 1909–1911 годах стала событием всероссийского масштаба: средства на строительство собирали по подписке, проекты проходили жесткий отбор. Победителем архитектурного конкурса стал проект Николая Спирина. Здание Волковского театра выстроено в духе неоклассицизма и славится роскошными, почти дворцовыми интерьерами. На его открытии присутствовал цвет российской театральной общественности во главе с В. Немировичем-Данченко и А. Сумбатовым-Южиным. Сегодня это одна из главных архитектурных доминант Ярославля.

В день открытия здания Волковского театра в 1911 году, когда театру официально было присвоено имя основателя Федора Григорьевича Волкова, на фасаде театра была установлена памятная доска. Эта доска исчезла в 1918 году во время Ярославского мятежа, но была восстановлена в 2013 году. Сегодня зрители могут видеть интерьеры и фасады «Дома Волкова» такими, какими их задумывал академик архитектуры Николай Спирин.

В 1856 году в Ярославль с гастролями приезжал Щепкин. Выступая на обеде, данном в его честь, великий русский актер сказал: «...Кому мы всем этим обязаны? Кто, где, когда впервые привил к нашей жизни новое искусство? Он, незабвенный наш Федор Григорьевич Волков, здесь в Ярославле, 100 лет тому назад...» На торжествах к юбилею русского театра Михаил Щепкин произнес свою крылатую фразу «...Волкову, Волкову, Волкову всем мы обязаны!», и следующий юбилей в 1900 году отмечали уже непосредственно в Ярославле. На тех подмостках, где дебютировали легендарные артисты — Стрепетова, Москвин, Никулина-Косицкая, Собинов.

В советские годы Волковский снискал славу одного из лучших региональных театров, приобрел статус академического, получил несколько орденов. В 2000 году Волковский вновь принял на своих подмостках торжество в честь юбилея русского театра, на этот раз 250-летнего. В тот год была заложена новая традиция — ежегодно проводить Международный Волковский фестиваль, который сейчас — один из крупнейших театральных форумов страны. В 2008 году появился еще один фестиваль — «Будущее театральной России», который собирает на старейшей профессиональной сцене выпускников российских театральных вузов.

В настоящее время театр является единственным драматическим театром федерального подчинения, расположенным в регионе. В афише «Первого русского» — имена ведущих российских и европейских режиссеров. Театр — постоянный участник международных фестивалей и конкурсов, обладатель множества престижных наград, в том числе четырех национальных театральных премий «Золотая Маска», Премии Станиславского

Владимир Алеников и Егор Дружинин

На репетиции

с формулировкой «За вклад в развитие сценического искусства и театрального дела в России».

В Волковском театре несколько площадок: помимо Основной и Камерной сцен (около 900 и 100 мест соответственно) здесь действуют Средняя сцена (148 мест), расположенная непосредственно в пределах сценической коробки большого зала, и арт-кафе.

Театральные режиссеры и труппа Волковского в XXI веке, как и Федор Волков в веке XVIII, активно экспериментируют с художественными формами.

В 2019 году рожденный в советском Ленинграде режиссер, писатель, переводчик Владимир Алеников поставил в театре имени Волкова музыкальную фантазию в двух действиях и назвал ее «Пушкиниана. Любовь и карты». Событие историческое уже потому, что именно в этой постановке оперная певица Любовь Казарновская сыграла свою первую драматическую роль.

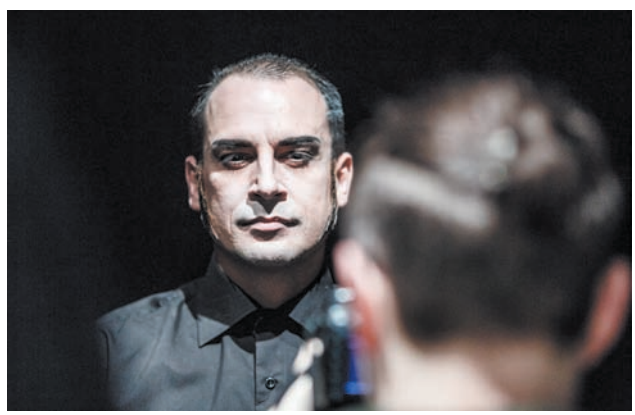
Новая постановка Аленикова по-настоящему синтетическое произведение, настоящий, пространственно-временной спектакль, амплитуда колебаний в нем пространства и времени такого широкого спектра, что напоминает инсценированную энциклопедию искусств, в кратком изложении, конечно, такими крупными мазками, но каждый мазок, как отпечаток в памяти, вбирает несколько пластов глубины.

Владимир Михайлович «поженил» два пушкинских произведения — «Евгений Онегин» и «Пиковая дама». Сделал то же самое с оперой и драмой и заставил драматических актеров лицедействовать под фонограмму. Разделил звук вокальный и речевой, живой звук и фонограмму, фонограмму и пантомиму. Встроил в драматическую ткань фрагменты великого немого и мультипликации. «Переодел» оперную диву Казарновскую в драматическую актрису. Сделал из Татьяны Лариной и Графини одного персонажа. Добавил персонажей-двойников и ввел Автора (Пушкина!) и его Музу. Соединил XIX век Чайковского с XX веком Кшиштофа Пендерецкого и XXI веком Виталия Балдыча.

На многообразие и многоголосие личности режиссера не могли не слететься выдающиеся постановщики. Художник-постановщик Теодор Тэжик рисовал мизансцены в цвете по всем законам, по букве и духу живописи: с четко обозначенной перспективой, несколькими планами, изысканной композицией каждой мизансцены и яркими цветовыми пятнами актерских костюмов — белыми, зелеными, красными, черными, чистого оттенка и с переливами, с принтами и без. Сценографически использованы были все возможности волковской большой сцены: авансцена и задник, «оркестровая» яма и боковые выходы, проходы в зрительном зале и подлокотники зрительских кресел. Сцена в руках Тэжика дышала, у нее открывались и закрывались боковые двери-жабры, действие либо сжималось до узкого пятнышка света на полу, либо разбухало и распространялось на все пространство.

Любовь Казарновская анонсировала на пресс-конференции перед премьерой сложный рисунок своей роли, разные пласты своего двойного сценического образа, даже об акустике своего голоса в двух образах — Татьяны Лариной и Графини — рассказала. Тем интереснее было наблюдать за глубиной и точностью ее вживания в сценический образ в каждой мизансцене: вот она старая графиня, с шаркающей походкой, скрипучим голосом, согбенной спиной, и вдруг — Татьяна, с ее статью, горделивой осанкой, живым голосом.

Эти речевые модуляции, мимические трансформации, положение тела, как в зеркале, отражались в рисунке роли партнеров Любови Юрьевны в каждой мизансцене, их актерский ансамбль был завораживающим, словно жест одного актера перетекал в жест парт-



Алексей Кузьмин

нера, модуляция одного голоса — в голос другого, поза одного тела — в позу другого.

Автора играл народный артист России Валерий Кириллов, его Музу — Мария Полумогина. Они взяли на себя роли рассказчиков, говорили за Пушкина, за внутренний голос персонажей. Они классически читали классические пушкинские тексты — и это была услада слуха. Они наперебой говорили с другими персонажами. Это они меняли атмосферу великосветского салона и бала на уличную и площадную стилистику, превращаясь из воздушных и точеных в бесформенные и тяжелые, из светских в глубоко народных, раёчных, показывая внесословную природу происходящего. Все у них все получалось органично и легко. И именно они представили визитку маэстро в конце спектакля — его танго. В этом танце было все: отношения мужчины и женщины, Автора и Музы, отца и дочери, партнера и партнерши. В танго, как в голограмме любви, Кириллов и Полумогина прожили несколько ипостасей своих мужского и женского гендеров. В этом танго публика еще раз прожила все драматические перипетии сценических образов (мужских и женских) отгремевшего спектакля.

А чуть раньше, в 2018 году, польский режиссер Анджей Бубень (его спектакли дважды номинировались на Золотую маску, в 2009 и 2012) поставил в Волковском театре пьесу лауреата Нобелевской премии по литературе (1934) Луиджи Пиранделло «Шесть персонажей в поисках автора», написанную в 1921 году.

Хрупкость человеческого образа — множащегося и текучего — великолепно передали актеры Волковского по задумке режиссера. Лица актеров на сцене множились в отражениях видеокамер. Один актер мог присутствовать единовременно в трех лицах, не поверите: сам актер, в живую, на сцене, его видеоотражение в проекции на одном экране и на другом... Технически это оказалось возможно благодаря двум камераменам, снимавшим с двух сторон авансцены, с разных ракурсов. А еще — благодаря сложным техническим устройствам на сцене: один экран поначалу выглядел как четвертая стена (между зрителем и сценой), непроницаемый и плотный, брандмауэр, иногда он начинал светиться и пропускать образы людей, а зрители ломали голову, откуда эти лица, чьи они, это трансляция или запись... Другой экран — сетка, его поднимали и опускали. А на сетке тоже лица. Когда эти экраны совпадали под тупым углом и ловили каждый свою проекцию — вот тут-то и наступала «личинная» магия, глаза разбегаются, мозг накаляется: да сколько же тут лиц! В какой-то момент начинаешь понимать, что и публика лишь лица, сидящие в зале, часть этого маскарада. Для усиления эффекта актеры общались не только между собой, но и с публикой, обращались к ней, выходили на сцену через зал, уходили через зал, шли по рядам, заставляя всех сидящих встать и пропустить, пробирались по краю лож... Чистый абсурд.

В философии диалога считается, что только в присутствии Другого (такая вот философская категория — «Ты», «Другой») человек обретает свою сущность и становится человеком, обретает свое «Я» (еще одна философская категория). Весь свой опыт человек получает только благодаря тем и от тех, кто встречается ему на жизненном пути, кого он любит или ненавидит, с кем разговаривает или работает, живет и общается, да мало ли что можно делать с другим, вместе с ним, в его присутствии, в думах о нем, в воспоминаниях о нем. Каждый из таких других, «встречных» помогает человеку корректировать его путь: «человек человеку не друг и не брат, а учитель» (индийская мудрость). «Встречный», как скульптор, стесывает с нас глыбы мрамора, помогает нам обрести свою идеальную форму — человеческую.

Каждая постановка в Волковском театре для его зрителя не друг и не брат, а учитель, скульптор, который обтесывает глыбы стереотипного мрамора с закосневающих душ публики...

Вот так работает наследие у Первого русского театра, вот такая получается синергия 269 театральных сезонов.

В 2019 году пришла удивительная новость. Президент Российской Федерации Владимир Путин дал поручение включить ФГБУК «Российский государственный академический театр драмы имени Федора Волкова» в свод особо ценных объектов культурного наследия народов РФ. Вот что говорится в тексте поручения: «В целях дальнейшего развития федерального государственного бюджетного учреждения культуры „Российский государственный академический театр драмы имени Федора Волкова“ (г. Ярославль) и сохранения художественных традиций театра внесите в установленном порядке проект указа президента Российской Федерации о включении этого учреждения в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации».

Браво, Волковский! Браво, Первый русский театр!

Степанов В. Н., д-р филол. наук,
проф. Международной академии бизнеса
и новых технологий (г. Ярославль)

Фото: *Илья Бесхлебный* (с. 117–118),
Татьяна Кучарина (для пресс-службы
Театра им. Федора Волкова, с. 118–119).